

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Марининскихъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. (Окончаніе).

Правительственныя распоряженія.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами С. Шафранова.

А. Шопенгауэръ. Князя Д. Церетлева.

О критическомъ значеніи Архангельскаго Евангелія А. Дювернуа.

Система семитическихъ языковъ Ренана и новѣйшія открытія въ клинописи. . . И. Радлинскаго.

Законодательство иконоборцевъ В. Г. Васильева.

✓ Критическія и библиографическія замѣтки.

Долази взвори за српсу исторію. Уредно *Иван Павловичъ* Део први, Житија краља Сръбскихъ . . . Вл. Качановскаго.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Сост. *Ф. Мартенсъ*, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Томъ IV-й Н. И.

Древнія Россійскія стихотворенія, собр. *Кириемъ Даниловичемъ*. Изданіе третье, комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, по 2-му полному изданію съ нотами Л. Н. Майкова.

Къ вопросу о ревизіи начальнаго народнаго училища Н. Овсянникова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИКОНОБОРЦЕВЪ.

Histoire de la civilisation hellénique par *M. C. Paparrigopulo*, professeur d'histoire à l'université d'Athènes. Paris, 1878.

Geschichte des Griechische-Römischen Rechts von Dr. *Karl Eduard Zachariae von Lingenthal*. Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage. Berlin, 1877.

Ἡ πρόχειρος νόμος. *Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron*. Edidit *C. E. Zachariae*, i. u. d. Heidelbergae, 1837.

Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. *Ecloga Leonis et Constantini et cet.* Edidit *C. E. Zachariae a Lingenthal*. Lipsiae, 1852.

Ecloga privata aucta Ecloga ad prochiron mutata at Epanagege aucta (Ius graeco—romanum Pars IV). Edidit *C. E. Zachariae a Lingenthal*. Lipsiae, 1865.

O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantynskiego u narodów słowiańskich. W dodatku excerpta serbskie z praw rzymsko-byzantynskich. Wyłożył, objaśnił i wydał *R. Hube*. Warszawa, 1868.

Первоначальный Славяно-русский Помоканонъ. Изслѣдованіе *А. С. Павлова*. Казань, 1869.

Судобникъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, Указы дополнительныя къ Судобнику и т. д. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской академіи наукъ 1768 г.

Въ настоящей статьѣ будетъ идти рѣчь объ Эклогѣ царей Льва и Константина и о такъ-называемыхъ „земледѣльческихъ законахъ“ изъ Юстиніановыхъ книгъ. Главная наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить отношенія, въ которыхъ находятся къ двумъ поменованнымъ памятникамъ византійскаго законодательства таковыя же два славяно-русскіе, именно—„Законъ судный людемъ“, печатаемый въ нашей Кормчей, и „Уставъ о земскихъ дѣлахъ“, приписываемый Ярославу Мудрому. Въ сущности только послѣдняя часть задачи потребовала отъ насъ новыхъ изслѣдованій; относительно всего

прочаго мы должны были ограничиться повтореніемъ того, что было сказано другими. Изданія и сочиненія, которыми мы пользовались, обозначены нами на верху; во главѣ ихъ мы поставили новѣйшее сочиненіе профессора Аѳинскаго университета Папарригопуло. Съ сими послѣднимъ мы сочли умістнымъ и полезнымъ ознакомить читателей нашей статьи, во первыхъ, потому, что сочиненіе г. Папарригопуло само по себѣ представляетъ явленіе, достойное вниманія, а во вторыхъ, потому, что именно въ этой книгѣ иконоборческое законодательство представлено хотя и не въ новомъ, но въ особенно яркомъ свѣтѣ, такъ что оно даетъ смыслъ и значеніе всей внутренней исторіи Византійскаго государства до самаго разрушенія его Латинянами. Въмѣсто предполагаемой неподвижности и безжизненнаго однообразія византійской исторіи, въ книгѣ г. Папарригопуло намъ представляется живая борьба за преобразовательныя начала, обнимавшія всѣ стороны общественнаго и государственнаго быта, борьба, съ разными перипетіями длившаяся въ продолженіе вѣковъ. Два небольшіе законодательные памятника, самая принадлежность которыхъ иконоборческой эпохѣ долго оставалась неизвѣстною или сомнительною, являются здѣсь лозунгомъ широкой и смѣлой революціи. Эклога съ своими дополненіями получаетъ первостепенное значеніе не только въ спеціальной исторіи римскаго права, но и въ общей исторіи человѣчества...

I.

О книгѣ г. Папарригопуло.

„Исторія еллинской цивилизаціи“, появившаяся сначала на новогреческомъ языкѣ, представляетъ, по признанію автора, плодъ его тридцатилѣтнихъ занятій исторіей своего народа; она излагаетъ въ сжатомъ видѣ изслѣдованія и воззрѣнія, содержащіяся въ его пятитомной Исторіи Еллинскаго народа (Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους), весьма уважаемой на родинѣ и хорошо извѣстной съ давнихъ поръ и въ другихъ странахъ, хотя бы и однимъ спеціалистамъ. Благодаря современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, новое сочиненіе г. Папарригопуло, вскорѣ послѣ своего появленія въ Аѳинахъ, было переведено на французскій языкъ и напечатано въ Парижѣ. Какъ патріотическій голосъ ученаго Грека, обращающагося къ симпатіямъ образованной Европы съ напоминаніемъ о заслугахъ и правахъ своей націи, сочиненіе г. Папарригопуло было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ французскою публикой; отзывы ученыхъ журналовъ указы-

ваютъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, сопровождаемымъ чаще одобреніемъ, чѣмъ порицаніемъ, на поразительную новостъ его взглядовъ на исторію средневѣковой Византіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и русскій читатель, который рѣшился бы взять въ руки французскую книгу аѣннскаго профессора, нашелъ бы въ ней много новаго, занимательнаго и поучительнаго. Мы, съ своей стороны, должны будемъ оставить въ сторонѣ именно то, что болѣе прямымъ образомъ относится къ современности и составляетъ публицистическое содержаніе книги. Согласно со своею задачею, мы остановимся только на основныхъ воззрѣніяхъ автора относительно прошлой жизни его народа.

Само собою разумѣется, что аѣннскій профессоръ смотритъ на исторію Византійской имперіи съ національной греческой точки зрѣнія, настаиваетъ на непрерывномъ существованіи эллинизма и эллинскихъ началъ; римское господство и римскія идеи представляли только случайный временный наплывъ; окончательное торжество надъ ними эллинизма, послѣдовавшее за реакціей Юстиніана въ противоположномъ направленіи, было въ то же время началомъ новой жизни для имперіи. Отсюда, изъ тѣнниковъ народнаго эллинскаго духа, возникли и прогрессивныя стремленія иконоборческой эпохи... Не видно, чтобы Византійская имперія чѣмъ-нибудь была обязана римскимъ государственнымъ традиціямъ... Въ этомъ отношеніи хорошимъ дополненіемъ къ воззрѣніямъ г. Папарригоуло и нѣкоторымъ исправленіемъ односторонности, присущей его изложенію, могли бы служить замѣчанія, такъ прекрасно выраженные въ одной изъ статей В. И. Ламанскаго (въ I-мъ томѣ Славянскаго Сборника). Не одно только превосходство греческой средневѣковой гражданственности, не одинъ только блескъ и величіе древнеэллинской славы и несомнѣнныя заслуги Грековъ въ позднѣйшей цивилизаціи и христіанской церкви объясняютъ ихъ господствующее положеніе въ имперіи, власть которой признавали вмѣстѣ съ Греками разныя другія народности, начиная Славянами и кончая Армянами. Важно было то, что Греки пазывали себя все-таки Ромеями, то-есть, Римлянами, что ихъ императоръ былъ Римскій императоръ, представитель и носитель той идеи, высокое уваженіе къ которой вкоренено было въ умахъ народовъ со временъ Августа, Траяна, Константина. Предъ этою старою идеей, доставшюся Грекамъ понаслѣдствують Римлянъ, склонялись самыя смѣлыя притязанія другихъ народностей, другихъ народныхъ вождей. Правда, носить идею и преданія міродержавнаго Рима оказалось не по плечу новымъ Грекамъ. Но все-таки сами императоры, вопреки даже узкимъ и завистливымъ возгласамъ Грековъ, умѣли поддержи-

вать римскіе правительственные и государственные принципы, принципы справедливаго отношенія ко всѣмъ варварскимъ народностямъ...

Переходимъ къ взглядамъ автора на исторію иконоборства и постараемся изложить ихъ въ возможной полнотѣ и отчасти его собственными словами.

Истинный характеръ реформы, начало которой было положено Львомъ III, долго оставался непонятнымъ. Левъ и его преемники были прозваны иконокластами, какъ будто задача, которую они себѣ поставили, ограничивалась уничтоженіемъ иконъ. Такая оцѣнка ихъ стремленій не соотвѣтствуетъ истинѣ. Однако, такой именно взглядъ господствовалъ не только во все продолженіе среднихъ вѣковъ, но и въ новѣйшія времена, — по причинамъ, которыя легко понять. Всѣ законы, реформы и всѣ литературныя произведенія, къ ней благосклонныя, были усердно истребляемы, когда она, послѣ болѣе чѣмъ столѣтней борьбы, потерпѣла неудачу. Удержавъ за собою поле брани, лѣтописатели противоположной партіи не скупились на всякаго рода клеветы противъ своихъ прежнихъ соперниковъ и хранили глубокое молчаніе о наиболѣе благородныхъ ихъ дѣяніяхъ; они говорятъ только о мѣрахъ, касавшихся иконъ; они знали, что та сторона реформы, которая бросалась въ глаза и оскорбляла привычки и мелкіе интересы большинства, наиболѣе будетъ пригодна къ тому, чтобы уронить реформу въ общественномъ мнѣніи. По счастью, сила истины беретъ верхъ даже тогда, когда люди систематически стараются скрыть ее или извратить. Теофанъ и патріархъ Никифоръ оба — заклятые враги революціи, совершавшейся въ VIII вѣкѣ; но есть осязательная разница въ оттѣнкахъ картины, которую они начертали. Страстный и увлекающійся Теофанъ обезображиваетъ безъ милосердія лица и событія, о которыхъ говоритъ; Никифоръ соблюдаетъ болѣе мягкіе тоны въ своихъ приговорахъ. Если онъ осуждаетъ, а иногда даже извращаетъ факты, то все-таки не доходитъ до того, чтобы изобрѣтать басни, и не отказывается своимъ противникамъ во всякой добродѣтели. Съ другой стороны, хотя протоколы большаго собора, постановившаго уничтоженіе иконъ, и не дошли до насъ въ неприкосновенной цѣлости, тѣмъ не менѣе они все-таки даютъ возможность составить вѣрное представленіе о его духѣ и о ходѣ его совѣщаній. Наконецъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, Эдуардъ Цахаріа сдѣлать драгоцѣнное открытіе; онъ обнаружилъ самый текстъ гражданскаго кодекса (*du code civil*) реформации и снабдилъ его превосходнымъ комментариемъ. Критическое разсмотрѣніе всѣхъ этихъ данныхъ раскрыло

намъ въ концѣ концовъ истинный характеръ этой эпохи, такъ несправедливо не признанной въ продолженіе вѣковъ и разсматривавшейся какъ простая борьба иконоклавовъ съ иконопоклонниками. Истина заключается въ томъ, что въ VIII вѣкѣ сдѣлана была замѣчательная попытка революціи соціальной, политической и религіозной. Реформа религіозная ограничивалась осужденіемъ иконъ, запрещеніемъ употребленія мощей и уменьшеніемъ числа монастырей; она не касалась основныхъ догматовъ вѣры христіанской. Реформа соціальная и политическая, напротивъ, наложила смѣлую руку на всѣ пороки, которые подкапывали моральную и матеріальную силу общества; она отняла у духовенства общественное обученіе, уничтожила крѣпостное право (*abolit le servage*), старалась ограничить число рабовъ, осватила въ извѣстной степени религіозную терпимость, подчинила общему налогу церковныя имущества, однимъ словомъ—обнаружила стремленіе основать мужественное общество на тѣхъ безсмертныхъ началахъ, которымъ суждено было окончательно восторжествовать въ мірѣ только по истеченіи десяти столѣтій... При этомъ слѣдуетъ прибавить, что эллинская реформа, не касаясь основныхъ догматовъ вѣры, въ томъ, что принадлежитъ къ области соціальныхъ преобразованій, была даже болѣе широка и систематична, чѣмъ реформа, совершившаяся позднѣе въ западной Европѣ, исповѣдывала такія начала и такія доктрины, какія съ большимъ удивленіемъ встрѣчаешь въ VIII вѣкѣ по Р. Х.

Духъ иконоборческой реформаціи особенно ясно обнаруживается въ законодательной области; два кодекса были обнародованы при Львѣ III: уставъ крестыанскій и уложеніе гражданское (*le code rural et le code civil*), болѣе извѣстное подъ именемъ Эклоги. Тотъ и другой содержатъ смѣлыя нововведенія. Патронатъ (*patrocinium*), который прежде обременялъ двойнымъ налогомъ многихъ землевладѣльцевъ,—налогомъ, платимымъ патрону, и налогомъ въ пользу фиска,—исчезъ изъ новаго закона; сверхъ того, нѣтъ болѣе рѣчи ни о сервахъ, ни о людяхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Классъ земледѣльческій былъ освобожденъ отъ повинностей (*servitutes*), которымъ онъ до тѣхъ поръ былъ подчиненъ подъ разными формами и различными наименованіями. Если мы подумаемъ, что крѣпостное право (*le servage*) перестало удручать остальную Европу только многимъ позднѣе, и что въ извѣстныхъ странахъ оно было уничтожено только двадцать лѣтъ тому назадъ, то мы по истинѣ должны будемъ удивиться, видя, что либеральныя идеи, которыя должны были обнару-

жить свою власть при исправленіи этого зла, возникаютъ уже въ началѣ VIII вѣка, внутри эллинизма среднихъ вѣковъ...

Существенныя измѣненія были внесены въ систему брачныхъ отношеній (*la constitution du mariage*), отеческой власти, опеки, наследства. Семейственное право въ томъ видѣ, какъ оно установлено было Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ, было не совсѣмъ сообразно съ доктринами восточнаго эллинизма, удерживавшаго въ нихъ чистотѣ евангельскія начала. Сообразно съ этими доктринами, бракъ былъ единственнымъ дозволеннымъ союзомъ мужчины и женщины; этотъ союзъ долженъ былъ, на сколько то возможно, оставаться не расторгимымъ, взаимныя права и обязанности супруговъ должны были оставаться равными. Юстиніаново право, хотя и подверглось вліянію христіанской догмы, въ этомъ отношеніи сохранило въ большей части своихъ постановленій много слѣдовъ древняго римскаго законодательства: оно признавало конкубинатъ и сообщало законныя права дѣтямъ, которыя отъ него происходили; оно допускало слишкомъ большую легкость въ расторженіи брака и давало отцу положеніе высшее сравнительно съ матерью. Все это законодательство подверглось теперь кореннымъ измѣненіямъ. По Эклогѣ, конкубинатъ разсматривается *de jure* какъ союзъ супружескій; другими словами—нужно или вступить въ бракъ съ женщиной, или отослать ее прочь. Влудъ (*stuprum*) подвергается разнымъ наказаніямъ, смотря по разнымъ его случаямъ. Основанія для развода сведены къ четыремъ: прелюбодѣяніе жены, безсиліе мужа, покушеніе на жизнь, проказа у одного изъ двухъ сожителей. Что касается имущества супруговъ, то принципъ, который господствуетъ въ Эклогѣ, есть тотъ, что бракъ ведетъ за собою такое же общеніе имущества (*l'union des biens*), какъ и общеніе лицъ, и что эта общность должна быть болѣе или менѣе полною—смотря потому, имѣютъ супруги дѣтей, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ имущество остается нераздѣльнымъ даже по смерти одного изъ супруговъ; пережившій беретъ на себя управленіе не только приданнымъ и предбрачнымъ даромъ (*propter nuptias donatio*), но и всего имущества въ совокупности, оставшагося послѣ умершаго. Сверхъ того, Эклога уничтожила до послѣднихъ слѣдовъ ту громадную власть, какую отецъ нѣкогда имѣлъ надъ сыновьями, равно какъ и всякое неравенство положенія между двумя супругами. По законодательству Льва, мать имѣетъ тѣ же права, какъ и отецъ. Для брака дѣтей требуется ея согласіе наравнѣ съ согласіемъ отца: По смерти отца, она продолжаетъ пользоваться всѣми правами отеческими не подѣ

видомъ опеки или попечительства, но какъ сама владѣющая ими (то-есть, этими правами)...

✓ Эклога стремилась тѣснѣе скрѣпить узы семейные и многими постановленіями, и особенно тѣмъ способомъ, который былъ принятъ для рѣшенія вопроса о наслѣдствахъ. На основаніи правилъ новаго законодательства если покойникъ, умершій безъ завѣщанія, не оставилъ наслѣдниковъ по прямой линіи, то его отецъ и мать одни наслѣдуютъ его имущество, тогда какъ прежде побочные (collatéraux) въ этомъ случаѣ призывались къ наслѣдству совокупно съ восходящими. Въ этомъ можно признать то глубокое чувство приличія, которое имѣлъ законодатель реформы. Онъ хотѣлъ избѣжать всякихъ поводовъ къ процессу между родителями и ихъ дѣтьми. Онъ также не хотѣлъ уменьшить тѣхъ надеждъ, какіе всегда хорошо сохранять дѣтямъ въ отношеніи родителей. Не менѣе замѣчательно постановленіе Эклоги, находящееся во второмъ членѣ II-го титула; оно предписываетъ относительно совершенія брачнаго отряда, чтобы брачующіеся были христіанами; оно такимъ образомъ уничтожаетъ всякое препятствіе къ браку между лицами различныхъ исповѣданій (de communionis differentes). Правда, уже Юстиніанъ ограничился воспрещеніемъ брака между христіанами и Евреями. Но позднѣе церковь формально воспретила союзы между еретиками и правовѣрными. Левъ воротился къ совершенному равенству христіанъ предъ закономъ гражданскимъ, не смотря на препятствія со стороны каноническаго права, и тѣмъ далъ новое доказательство либеральныхъ принциповъ, его одушевлявшихъ. Мы ограничимся этимъ краткимъ анализомъ постановленій Эклоги... Странная вещь — слава міра сего! Тогда какъ кодексъ и пандекты дали своимъ авторамъ безсмертную славу, тогда какъ самыя нападенія, цѣлю которыхъ были Юстиніанъ и Трибоніанъ, содѣйствовали большому ихъ прославленію, — кто говорилъ до сихъ поръ о Львѣ, какъ объ отличномъ законодателѣ? Кто зпалъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, имена авторовъ Эклоги — министра юстиціи Никиты, консуловъ Марина и Нонна? Ихъ дѣло имѣло только эфемерное существованіе (une durée éphémère); но теперь, когда ихъ принципы приняты гражданскимъ законодательствомъ наиболѣе передовыхъ націй, пришелъ наконецъ часъ воздать почтеніе гению этихъ людей, которые, назадъ тому тысячу лѣтъ, боролись для того, чтобы освятить доктрины, только въ наши дни восторжествовавшія...

✓ Реакція противъ духа преобразованій, которымъ одушевлены были Левъ III и Константинъ V Копронимъ, началась уже при Львѣ Хазар-

скомъ (775—780 гг.). Во главѣ этой реакціи являются императрица Ирина, подобно большей части женщинъ — стоявшая на сторонѣ обрядности, иконъ, монаховъ, и патріархъ Тарасій. Тарасій былъ человѣкъ, выдававшійся своими знаніями, чистотою своей жизни, энергіей своего характера. Далекъ не раздѣляя всѣхъ доктринъ противниковъ реформы, онъ скорѣе принадлежалъ къ особой группѣ ея приверженцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени многіе среди партизановъ революціи стали останавливаться на той мысли, что, по истеченіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ борьбы, отрицаніе иконопочитанія все-таки остается не признанномъ со стороны народа; отсюда они заключали, что отрицаніе извѣстныхъ обрядовъ и преданій церковныхъ не была необходима для торжества другихъ принциповъ революціи. Они, напротивъ, полагали, что это вмѣшательство государства въ дѣла церковныя могло сдѣлаться гибельнымъ для ихъ идей: возмущая совѣсть многихъ классовъ націи, оно по необходимости должно было вызвать реакцію; существовала опасность, что вмѣстѣ съ вопросомъ объ иконахъ погибнетъ множество полезныхъ учрежденій. Это былъ также и взглядъ Тарасія. Ирина знала его точку зрѣнія, и какъ событія послѣ доказали, она была далека отъ того, чтобы усвоить ее себѣ. Однако, чтобы обезпечить успѣхъ своихъ первыхъ попытокъ противъ реформы, она поручила исполненіе ихъ человѣку, который былъ признанъ наиболѣе способнымъ привести ихъ къ доброму концу. Никто изъ видныхъ членовъ духовенства не бралъ на себя задачи — поднять руку на постановленіе послѣдняго (иконоборческаго) собора; ни одинъ изъ монаховъ не обладалъ образованіемъ и умомъ, достаточными для такого предпріятія. Тарасій одинъ владелъ тою твердою волей и тѣмъ изобрѣтательнымъ умомъ, какія были необходимы для исполненія предположеннаго дѣла. Если ревность къ своему ученію заставляла его нисходить до интриги и незаконности, геній его противостоялъ возстановленію старыхъ злоупотребленій. Однимъ словомъ, союзъ заклятыхъ враговъ реформы, желавшихъ вполне уничтожить все дѣло Льва Исавра и его сына Константина, съ благоразумною и умѣренною партіей, во главѣ которой находился Тарасій, и которая хотѣла ограничиться отрицаніемъ однихъ церковныхъ или религіозныхъ нововведеній, привелъ къ постановленіямъ седьмаго вселенскаго собора. Двѣ партіи, соединившись вмѣстѣ, восторжествовали надъ третьею, которая не допускала никакого возврата къ прошедшему. Но вслѣдъ затѣмъ произошелъ разрывъ между недавними союзниками. Партія Ставракія, которой сочувство-

вала сама императрица Ирина, въ своемъ первомъ успѣхѣ, въ возстановленіи иконопочитанія, видѣла только первый шагъ къ уничтоженію всѣхъ реформъ. Тарасій и его сторонники напротивъ думали, что пора остановиться, что необходимо сохранить политическое и социальное законодательство первыхъ императоровъ Исаврійскаго дома. Началась борьба между реакціонерами и умѣренными либералами; въ ней приняли участіе недавно побѣжденные радикалы, и дѣло кончилось низверженіемъ Ирины, въ 802 году, и возведеніемъ на престолъ Никифора, который, въ числѣ своихъ друзей считалъ патріарха Тарасія. Новый императоръ принадлежалъ къ тому классу людей, которые не видѣли въ уничтоженіи иконъ необходимаго дополненія реформациі. Онъ не касался этого вопроса; но обратилъ всѣ свои заботы и всѣ свои весьма значительныя способности на исправленіе того разстройства, въ какомъ достались ему, послѣ кратковременнаго господства евнуховъ и монашескаго фанатизма, армія, финансы, образованіе и церковь. Никифоръ дѣйствовалъ въ духѣ умѣренныхъ друзей преобразованія. Далѣе пошелъ Левъ V Армянинъ. Крайніе реформаторы были снова болѣе могущественны, чѣмъ когда-либо. Мы видѣли, что многіе изъ членовъ этой партіи, при Иринѣ, умѣрили свои притязанія; они согласились воротиться къ прежнему порядку въ томъ, что касалось церкви, въ надеждѣ, что большинство націй, удовлетворившись этою уступкою, перестанетъ отвергать прочія учрежденія. Убѣдившись теперь самымъ ходомъ событій въ бесполезности такой жертвы и видя, что съ иконами возвратились всѣ прежнія злоупотребленія, они снова начали думать, что реформа тогда только окончательно упрочится, когда она будетъ навязана прежде всего церкви. Они склонили на свою сторону Льва V, но не смотря на его благоразуміе и на его энергію, не успѣли восторжествовать окончательно. Монахи, простой народъ и женщины съ ужасомъ отвращались отъ нововведеній, подрывавшихъ, какъ имъ казалось, самыя основанія христіанской вѣры. Имперія продолжала быть раздѣленною на два враждебные лагери: одинъ изъ нихъ оставался болѣе или менѣе побѣдоноснымъ въ продолженіе приблизительно столѣтія, благодаря своему умственному превосходству; однако онъ непрерывно подвергался нападеніямъ то прямымъ, то косвеннымъ, но всегда яростнымъ — со стороны партіи ретроградской, сила которой заключалась преимущественно въ алѣпой и преданной толпѣ.

Лица, которыя доставили торжество православію въ 842 году, руководились тѣми же воззрѣніями, какія нѣкогда одушевляли Та-

расія. Они хотѣли сохранить нравственныя и матеріальныя силы на-
ціи, истощаемыя въ безплодныхъ распряхъ, и пожертвовали религіозною
стороною реформы. Не много послѣ, Василиій I Македонянинъ по-
шелъ далѣе: онъ въ своихъ большихъ законодательныхъ работахъ
вычеркнулъ многія изъ тѣхъ постановленій, которыя имѣли цѣлю
установить общество на новыхъ основаніяхъ; онъ объявилъ, что
онъ отмѣняетъ ихъ, потому что они противорѣчатъ божественнымъ
догматамъ. Однако, мы не должны думать, что вся эта борьба VIII
и IX вѣковъ осталась совершенно безплодною. Эллинизмъ среднихъ
вѣковъ никогда не могъ быть возвращенъ къ тому положенію, въ
какомъ онъ находился до Льва III. Чтобы успокоить бурю, поднятую
борьбою иконоклавовъ и иконопоклонниковъ, Македонская династія
дѣлала видъ, что она хочетъ отложить въ сторону всѣ нововведенія
и произнесла противъ нихъ осужденіе, какъ противъ чего-то нече-
стиваго. Но въ сущности она озабочена была тѣмъ; какъ бы спасти
многія изъ учрежденій реформы, и въ большей части своихъ дѣй-
ствій, не переставала вдохновляться тѣмъ широкимъ и либеральнымъ
духомъ, которымъ руководились предыдущіе императоры. Такимъ
образомъ, спасительныя намѣренія Льва III, Константина V, Ники-
кифора, Льва V и Теофила были болѣе или менѣе осуществлены.
Мысль Льва III и его приверженцевъ пережила видимое пораженіе,
которому подверглось его дѣло. Высшіе классы, церковныя и поли-
тическія, совершившіе революцію VIII вѣка, сдѣлали извѣстныя уступки
нижнимъ классамъ; они спустили знамя, водруженное иконоборцами;
но такъ какъ высшіе классы все-таки удержали въ своихъ рукахъ
кормило, то они не перестали болѣе или менѣе слѣдовать тѣмъ пу-
темъ, на который страна уже вступила. Нѣкоторыя части преды-
дущаго законодательства были даже вполнѣ сохранены: LXIII-я книга
Василия признаетъ морской уставъ иконоборцевъ, а LX-я книга —
ихъ уставъ о наказаніяхъ. Другія нововведенія, правда, исчезли со-
вершенно. Отношенія, установленныя между супругами, между роди-
телями и дѣтами, были замѣнены, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями,
тѣми старыми отношеніями, которыя допускались Юстиніановымъ ко-
дексомъ. Каковы бы ни были неудобства порядковъ, вновь возста-
новленныхъ въ своей силѣ, они не были такого рода, чтобы пре-
пятствовать политическому возрожденію государства.... Уничтожен-
ные монастыри вновь возникли; въ томъ увлеченіи, которое неиз-
мѣнно сопровождаетъ первые дни всякой реставраціи, было даже вы-
строено много новыхъ, но вскорѣ затѣмъ все-таки поспѣшили окру-

жить препятствіями неограниченное развитіе монашеской жизни. Собръ, бывшій въ 861 году подъ предсѣдательствомъ Фотія, уже принялъ нѣкоторыя мѣры въ этомъ смыслѣ. Сто лѣтъ спустя, императоръ Іоаннъ Цимисхій прямо запретилъ строить новые монастыри и ограничилъ ихъ право получать пожертвованія и вклады.

LX-я книга Василикъ, занимавшаяся земледѣльческими классами и дошедшая до насъ только въ неполной и неополненной редакціи, по видимому, была простымъ воспроизведеніемъ Юстиніанова кодекса. Но изъ этого не слѣдуетъ, что его постановленія были въ самомъ дѣлѣ вновь возстановлены въ своей силѣ. Въ Василикахъ часто идетъ рѣчь о крѣпостныхъ (сервахъ); но многія обстоятельства утверждаютъ насъ въ томъ мнѣніи, что этотъ классъ людей не существовалъ болѣе на Востокѣ. Пира (Pera), юридическое сочиненіе XI вѣка, излагающее разные случаи судебной практики одного знаменитаго законовѣда, совсѣмъ не говоритъ о крѣпостномъ состояніи (sergave); съ другой стороны, многочисленность позднѣйшихъ рукописей „сельскаго устава“, и то, что онъ обыкновенно присоединяется къ руководству (Шестигнижнику) Арменопула, доказываетъ, что этотъ уставъ продолжалъ считаться практическимъ источникомъ права. Сверхъ того, цѣлый рядъ новыхъ законодательныхъ мѣръ свидѣлствуетъ о той заботливости, которую не переставали тогда обнаруживать къ судьбѣ земледѣльческаго класса. Однимъ словомъ, въ періодъ Македонской династіи реформація господствовала самымъ дѣйствительнымъ образомъ, не производя никакихъ внутреннихъ потрясеній. Благодаря мудрому приложенію ея принциповъ, эллинизмъ среднихъ вѣковъ имѣлъ цѣлые два вѣка цвѣтущаго благосостоянія, удивительнаго внутренняго довольства и богатства, невиданной внѣшней славы и величія.

Мы не послѣдуемъ за аѳинскимъ профессоромъ въ восторженномъ изображеніи счастливыхъ временъ эллинизма, благополучно разрѣшившаго внутреннюю задачу и вслѣдъ затѣмъ сломившаго непокорныхъ и строптивыхъ поселенцевъ славянскихъ. Многое въ его картинѣ поражаетъ несомнѣннымъ преувеличеніемъ—въ родѣ бюджета въ три миллиарда (франковъ), которымъ, по разчету г. Папарригопуло (стр. 297), располагала Византійская имперія! Мы отмѣтимъ только его взглядъ на причины ея паденія съ высоты такого могущества и такой славы. По мнѣнію аѳинскаго профессора, эти причины были чисто внѣшнія, именно враждебность Запада, руководимаго религіозною нетерпимостію и въ концѣ XI вѣка нахлынувшего неудержимымъ потокомъ

на Востокъ. Первый крестовый походъ съ самаго начала былъ направленъ не столько противъ Турокъ-Сельджуковъ, сколько противъ православныхъ Византійцевъ. Имперія нисколько не нуждалась въ помощи Запада, потому что все еще была достаточно могущественна, чтобы справиться со всѣми варварами, громившими ее въ Европѣ и Азіи. Съ восшествіемъ на престолъ новой династіи въ лицѣ Алексѣя Комнина, она уже стала подниматься послѣ временнаго и случайнаго ослабленія и уже успѣла восторжествовать надъ главными затрудненіями. Съ особенною настойчивостію и съ понятною цѣлію г. Папарригопуло еще разъ настаиваетъ на своихъ доказательствахъ подложности того посланія, которымъ Алексѣй Комнинъ призывалъ будто бы помощь Запада противъ мусульманъ и невѣрныхъ... Пишущій эти строки имѣлъ случай разобрать этотъ вопросъ на страницахъ этого самаго журнала (въ статьѣ „Византія и Печенѣги“), и онъ полагаетъ, что ему удалось рѣшить вопросъ окончательно и несомнѣнно въ смыслѣ нѣсколько иномъ, чѣмъ обычный теперь взглядъ, защищаемый съ такимъ усердіемъ въ Аѳинахъ. Какъ бы то ни было, первый крестовый походъ, по словамъ г. Папарригопуло, не имѣлъ другихъ результатовъ, кромѣ тѣхъ, что онъ ослабилъ Византійскую имперію и приготовилъ торжество Турокъ. Враждебныя отношенія крестоносцевъ, постоянно обнаруживавшіяся во время ихъ прохожденія по греческимъ областямъ и особенно поддерживаемыя честолюбивыми замыслами южно-италианской норманнской династіи, совершенно послѣдовательно завершились извѣстнымъ событіемъ 13-го апрѣля 1204 года. Мечта, которую такъ долго пытали на Западѣ, исполнилась. Константинополь былъ завоеванъ, эллинизмъ подчиненъ Римскому Папѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскому государству на Востокъ нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго оно уже никогда не могло оправиться. Возстановленная Палологомъ греческая власть въ Константинополѣ представляла только слабую тѣнь своего прежняго величія... На этомъ мы останавливаемся, не касаясь послѣдней главы въ книгѣ аѳинскаго историка и профессора, которая посвящена новѣйшему эллинизму (*hellénisme moderne*). Наша цѣль состояла не только въ томъ, чтобы ознакомить читателей съ новымъ и любопытнымъ произведеніемъ историко-публицистической литературы, — но еще болѣе въ томъ, чтобы выставить на видъ научное значеніе вопросовъ, сопрягающихся съ Эклогою Льва и Константина и съ „земледѣльческимъ уставомъ“ (*νόμος γεωργικός*), приписываемымъ тѣмъ же иконоборцамъ. Изложенію проф. Папарригопуло не чужды, конечно, нѣкоторые преуве-

личенія; въ немъ есть даже прямая невѣрности и неточности, которыя отчасти обнаружатся и будутъ исправлены нами ниже; но во всякомъ случаѣ онъ прекрасно воспользовался учено-юридическими изслѣдованіями Эд. Цахаріэ, для того чтобы освѣтить весьма яркимъ, хотя искусственнымъ, но никакъ не фальшивымъ освѣщеніемъ—иконоборческую эпоху въ византійской исторіи; вообще говоря, онъ вѣрно опредѣлилъ значеніе ея идеаловъ и стремленій для всего послѣдующаго развитія ново-эллинской цивилизаціи. Теперь мы обращаемся къ частному предмету своей статьи, и займемся нѣсколько пристальнѣе—вопервыхъ—Эклогою.

II.

Эклога Льва и Константина.

Исторія этого законодательнаго памятника до самаго послѣдняго времени оставалась неясною и темною. Вѣрный взглядъ, усвоенный теперь наукою, былъ впервые высказанъ Винеромъ въ 1833 году ¹⁾ и затѣмъ былъ принятъ и развитъ Эд. Цахаріэ въ предисловіи къ изданію Прохирона (1837 г.); статья объ Эклогѣ въ новѣйшей (внѣшней) исторіи римско-византійскаго права есть только буквальный нѣмецкій переводъ написанныхъ по латини страницъ предисловія, съ нѣкоторыми малоудачными дополненіями изъ другихъ источниковъ ²⁾.

Въ рукописяхъ нашъ памятникъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Избраніе законовъ вкратцѣ, учиненное Львомъ и Константиномъ, мудрыми и благочестивыми царями, изъ институтовъ, дигестъ, кодекса и новыхъ постановленій Великаго Юстиніана, съ исправленіемъ въ смыслѣ большаго челоуѣколюбія — данное въ мѣсяцъ мартъ индикта IX, въ лѣто отъ сотворенія міра 6248“ ³⁾. Впрочемъ, рукописи въ опредѣленіи года представляютъ довольно значительныя разночтенія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Первый вопросъ, возбуждаемый надписаніемъ, состоитъ въ томъ, какіе императоры должны быть здѣсь разумѣмы подъ именами Льва

¹⁾ *Bieler*, Beiträge zur Revision des Justinian. Codex. Berlin, 1833. Отрывокъ приведенъ у Цахаріэ въ предисловіи къ Прохирону, pag. XXI.

²⁾ См. LXXXVI-й и LXXXVII-й томы Энциклопедіи Эрша и Грубера.

³⁾ Ἐκλογή τῶν νόμων ἐν συντόμῳ γενομένη κατὰ Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου τῶν σοφῶν καὶ φιλευσεβῶν βασιλέων ἀπὸ τῶν ἐνστιτούτων, τῶν διγέσεων, τοῦ κώδικος, τῶν νεαρῶν τοῦ μεγάλου Ἰουστινιάνου διατάξεων, καὶ ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον, ἐκτεθεισα ἐν μηνὶ Μαρτίῳ ἰνδ. θ' ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου, ςσμῆ...

и Константина. Для рѣшенія его прежде всего нужно имѣть въ виду, что поименованіе двухъ лицъ, носящихъ императорскій титулъ, указываетъ на столь обычное въ Римской и Византійской имперіи совѣдѣтельство, которое, впрочемъ, часто имѣло только формальное значеніе, такъ какъ давалось двухлѣтнимъ и трехлѣтнимъ младенцамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ утвердился обычай одновременнаго царствованія нѣсколькихъ лицъ, было принято за правило, чтобы какъ на общественныхъ зданіяхъ, такъ и въ надписаніяхъ законовъ, обозначались имена всѣхъ совѣдѣтелей; при семъ соблюдался такой порядокъ, что впереди ставилось имя императора, занимавшаго почему-либо высшее положеніе, которое въ византійскій періодъ нерѣдко было въ то же время и единственно дѣйствительнымъ правительственнымъ положеніемъ. Означенный обычай можетъ быть наблюдаемъ не только Θεодосіевомъ и Юстиніановомъ кодексахъ, но и въ законахъ, издававшихся послѣ Юстиніана; если встрѣчаются случаи видимыхъ отступленій или несоблюденіе правила, то это лучше всего объясняется всякій разъ безпечностію и небрежностію переписчиковъ. При согласіи всѣхъ рукописей, за единственнымъ неважнымъ исключеніемъ, при совершенно опредѣлительныхъ и точныхъ выраженіяхъ надписанія, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать какой-либо пропускъ или искаженіе. Слѣдовательно, мы должны думать, что виновники изданія Эклоги были совѣдѣтели, что первый изъ нихъ, Левъ, былъ старшимъ по возрасту или рангу, а второй, Константинъ, младшимъ въ томъ или другомъ отношеніи, либо въ обоихъ, и что, кромѣ него, у Льва не было въ данное время никакого другаго совѣдѣтеля, такъ какъ иначе онъ былъ бы поименованъ въ надписаніи.

●Послѣднее соображеніе совершенно устраняетъ Льва Мудраго и его сына Константина Порфиророднаго, на которыхъ долго останавливались изслѣдователи. Такъ, еще Муральтъ въ Византійской хронографіи (*Essai de Chronographie Byzantine de 395 à 1057. S.-Petersbourg, 1855*) представляетъ слѣдующія замѣчанія: (1, 486): „Константинъ Багрянородный былъ коронованъ своимъ отцомъ, императоромъ Львомъ Мудрымъ, 9-го іюня 911 года. Отъ этого дня до смерти Льва нужно датировать Эклогу Льва и Константина... Имена императоровъ Льва и Константина находятся въ соединеніи только въ 911 и 912 годахъ" и т. д. Но при этомъ представляется вопросъ: гдѣ же Александръ, который былъ совѣдѣтелемъ своего брата во все время его правленія, всегда писался въ часть, сѣхихъ отд. 2.

документахъ рядомъ съ нимъ, и притомъ такъ, что послѣ рожденія и вскорѣ послѣдовавшаго коронованія Константинова занималъ средину между братомъ и племянникомъ? Въ русской лѣтописи мы можемъ отыскать обѣ формулы, засвидѣтельствованныя самимъ документальнымъ образомъ. Въ надписаніи или заголовкѣ Олегова договора говорится о Львѣ и Александрѣ, а затѣмъ, въ самомъ договорѣ, о Львѣ, Александрѣ и Константинѣ. Притомъ девятый индиктъ, находящійся во всѣхъ рукописяхъ, никѣмъ не оспаривается, а онъ, въ правленіе Льва Мудраго, приходится только на 906 годъ, когда Константинъ хотя уже и явился на свѣтъ, но еще не былъ коронованъ и объявленъ соправителемъ. Въ 911 году индиктъ былъ XIV. Наконецъ, мы находимъ, что въ одной изъ новеллъ Льва Мудраго осуждаются именно тѣ постановленія о приданомъ и предбрачномъ дарѣ, которыя находятся въ Эклогѣ Льва и Константина.

Послѣ этого мы должны остановиться или 1) на Львѣ Исаврійскомъ и его сынѣ Константинѣ, возведенномъ своимъ отцомъ въ соправители 31-го марта 720 года, послѣ того какъ ему исполнился съ небольшимъ годъ отъ рожденія; или 2) на Львѣ Хазарскомъ, сынъ котораго также именовался Константиномъ, провозглашенъ былъ императоромъ въ апрѣлѣ 776 года, и слѣдовательно, былъ соправителемъ своего отца почти во все время его царствованія (775—780 гг.).

Если мы обратимъ вниманіе на условія, заключающіяся въ данныхъ лѣтосчисленія, то опять увидимъ, что ни индиктъ, ни годъ, что бы мы ни думали о точности ихъ рукописнаго обозначенія, никакъ даже близко не подойдутъ къ годамъ царствованія Льва Хазарскаго. Левъ Хазарскій и его сынъ Константинъ начали именоваться императорами съ XIV индикта и достигли вмѣстѣ только до IV (то-есть, царствовали XIV, XV. I—IV инд.). Равнымъ образомъ въ ихъ совокупное царствованіе не было такихъ годовъ, которые представляли бы сходство съ наиболее несомнѣнными цифрами, входящими въ составъ годоваго обозначенія въ Эклогѣ. Къ этому мы еще возвратимся; но и теперь уже позволительно сказать, что Эклога принадлежитъ одному изъ императоровъ Исаврійскаго дома, носившему имя Льва, и всего скорѣе старшему изъ нихъ, то-есть, Льву III, а не Льву IV, внуку предыдущаго. Съ этимъ вполне согласны прямыя указанія на исаврійское законодательство, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ юридическихъ руководствахъ, изданныхъ при Македонской династіи.

Въ Эпанагогѣ (ἐπαναγωγή τοῦ νόμου), составленной при Василии, Львѣ и Александрѣ (между 879—886 годами), въ предисловіи говорится „о несообразностяхъ, изданныхъ Исавріицами въ противность божественному догмату и на разрушеніе спасительныхъ законовъ“, которыя (несообразности) предполагалось отмѣнить, исправить и уничтожить изданіемъ новаго руководства къ познанію законовъ, именно этой самой Эпанагоги ¹⁾.

Въ позднѣйшей дополненной редакціи той же самой Эпанагоги (Επαναγωγή αὐτά, относящаяся ко второй половинѣ X вѣка) сдѣлано такое замѣчаніе, что позволеніе брака при родствѣ въ четвертой степени, допускавшееся въ древнѣйшее время, отмѣнено исавріи-скимъ закономъ, остающимся въ силѣ до сихъ поръ и воспрещающимъ брачный союзъ даже въ шестой степени ²⁾. Если мы возьмемъ въ руки Эклогу Льва и Константина, то найдемъ соотвѣтствующее постановленіе во второмъ титулѣ и во второмъ членѣ (II § 2).

Сюда же относится и слѣдующее мѣсто во введеніи Прохирона (Ручной книги), изданнаго Василиемъ Македоняниномъ (между 870—879 гг.). Говоря о своемъ намѣреніи издать новое юридическое руководство, императоръ ставитъ себѣ такое возраженіе: „Скажетъ кто-нибудь: такъ какъ уже наши предки оставили намъ нѣчто подобное, то почему бы не успокоиться на этомъ сокращеніи, и зачѣмъ было прибѣгать намъ ко второму избранію?.. Слѣдуетъ знать, что это такъ-называемое руководство содержало не столько избраніе (выборъ), сколько извращеніе добрыхъ законоположеній, допущенное намѣренно собирателемъ... По сему еще нашими предшественниками это прежнее руководство было отвергнуто, хотя и не исполнѣ, а сколько это требовалось“ ³⁾. Отсюда мы видимъ, что „Избраніе законовъ“ (Ἐκλογία, ἐκλογία) въ обществѣ носило также названіе „руководства“

¹⁾ Zachariae, Collectio libror. juris Graecorum ineditior., pag. 62: Nūn δὲ τὰς ἐπ' ἐναντιώσει τοῦ εἰρημένου θεοῦ δόγματα καὶ ἐπὶ καταλύσει τῶν σωστικῶν νόμων παρὰ τῶν Ἰσαυρῶν φληναφίας ἐκτεθείσας πάντῃ ἀποβαλομένη καὶ ἀπορρύψασα.

²⁾ Επαναγωγή αὐτά XV, 8 (Zachariae, Jus graecoromanum, IV, 231): τὸ ἐκ τετάρτου βαθμοῦ δύνασθαι λαμβάνειν πρὸς γάμον τῆς ἀρχαιοτέρας νομοθεσίας ὃν ἀνῆρείθη ὑπὸ τοῦ Ἰσαυρικοῦ νόμου π. т. д.

³⁾ Ἐπειδὴ δὲ καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν τι τοιοῦτο γεγονός, φαίη τις ἂν ἴσως, ὅτου δι' χάριν οὐκ ἐν ἐκείνῃ τῇ συντομίᾳ σχολὴν ἄγοντας πρὸς δευτέραν ἐκλογὴν ἐληλυθέναι: ἡμᾶς; εἰδέναι χρὴ, ὡς οὐκ ἐκλογὴ μᾶλλον, ἢ ἀνατροπὴ ὁ καλούμενος ἐγχειρίδιος καθίστατο τῶν καλῶς νομοθετηθέντων κατὰ βούλησιν τοῦ συλλεξαμένου. — — — Διὰ τοῦτο ἀποτροπήος μὲν καὶ τοῖς πρὸ ἡμῶν γέγονεν ὁ πρῶτον ἐγχειρίδιος, οὐκ ὅλος μὲν τοιγὰ ὀλίγως, ἀλλ' ὅσον ὠφελεν. Zachariae, Prochiron, pag. 8 n 9.

(ἐγχερίδιος), а что здѣсь рѣчь идетъ именно объ иконоборческой Эклогѣ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и кажется, очевиднымъ само по себѣ.

Наконецъ, мы уже замѣтили, что въ одной изъ новеллъ Льва Мудраго, именно въ двадцатой ¹⁾, прямо имѣется въ виду законодательство Эклоги, хотя при этомъ не приведено ни имени законодателя, ни названія самаго юридическаго источника. Но дѣло идетъ о постановленіяхъ, которыя измѣняли древнѣйшее (то-есть, Юстинианово) право, и въ свою очередь, были отмѣнены, по словамъ новеллы, отцомъ Льва Мудраго, то-есть, императоромъ Василиемъ, а впрочемъ и до сихъ поръ могутъ быть отысканы въ Эклогѣ.

Обратимся теперь къ дальнѣйшимъ показаніямъ, содержащимся въ надписаніи нашего памятника. Сверхъ именъ императоровъ, которымъ Эклога обязана своимъ происхожденіемъ, въ надписаніи отмѣченъ годъ, индиктъ и мѣсяцъ ея обнародованія. Мѣсяцъ мартъ и девятый индиктъ имѣютъ всѣ извѣстные списки; но въ обозначеніи года рукописи, какъ уже было замѣчено, расходятся; впрочемъ, болѣе рѣзкія разночтенія устраняются сами собою, какъ потому, что они принадлежатъ новымъ спискамъ, такъ и потому, что они содержатъ годы, не соотвѣтствующіе именамъ двухъ поименованныхъ въ заглавіи императоровъ. Совпаденіе сихъ двухъ основаній приводитъ насъ къ тому, что мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій можемъ отвергнуть 6347, 6447 и даже 6547 годы, встрѣчающіеся въ немногихъ сейчасъ характеризованныхъ рукописяхъ. Послѣ этого остается только двоякое чтеніе, совпадающее съ годами Исаврійскихъ императоровъ. Древнѣйшіе списки Флорентійскій Медичейскій, XI вѣка (описаніе котораго, между прочимъ, приведено въ Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, Н. И. Срезневскаго, XLIV), Бодлеевъ Раулинсоновскій, хотя и писанный въ XIV—XV вѣкѣ, но съ оглавленіемъ, содержащимъ заглавіе Эклоги, болѣе древняго времени, именно тоже XI вѣка, такъ что оглавленіе предполагается принадлежавшимъ первоначально другому сборнику, и Валлисаланскій, X вѣка, имѣютъ 6248 годъ (5 847'). Другіе, также хорошія и старинныя, хотя и не столь древнія рукописи, обыкновенно указываютъ 6247 годъ (5 846'); къ числу ихъ, по видимому, принадлежитъ и списокъ Московской синодальной бібліотеки, XV вѣка. Какъ почти всегда, новыхъ рукописей больше чѣмъ самыхъ древнихъ, и потому есте-

¹⁾ *Zachariae, Jus Graecorom.*, III, 95.

ственно, что большинство находится на сторонѣ 6247 года. Но если обратить вниманіе на авторитетъ старшинства, то предпочтеніе нужно будетъ отдать 6248 году. Мы полагаемъ, что Цахаріэ допустилъ нѣкоторое отступленіе отъ законовъ филологической критики, остановившись на 6247 (=739 по Р. Х.) годѣ.

Разница во всякомъ случаѣ небольшая, и оба чтенія служили бы только къ болѣе полному и окончательному подтвержденію принадлежности Эклоги Льву Исавру, если бы не существовало еще одного затрудненія, при разрѣшеніи котораго вышеозначенное различіе на одинъ годъ получаетъ уже важное значеніе. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что показаніе индикта не сходится съ показаніемъ года. Именно: девятый индиктъ, обозначаемый согласно во всѣхъ рукописяхъ Эклоги, начинается, по греческому лѣтосчисленію, съ 1-го сентября 740 года и простирается до сентября 741 года. Такимъ образомъ мѣсяцъ мартъ IX индикта есть мартъ 741 года. Но этому противорѣчитъ то, что 741 году, или точнѣе, первымъ его восьми мѣсяцамъ, соответствуетъ годъ отъ сотворенія міра 6249, а не 6248 или 6247. И на оборотъ, 6248 годъ соответствуетъ 739—740 году (отъ сентября по сентябрь) по Р. Х., а индиктъ его по сентябрь будетъ VIII.

Устранить всякія сомнѣнія относительно принадлежности Эклоги Льву Исавру и вообще относительно ея происхожденія казалось дѣломъ въ такой степени важнымъ, что даже юристы считали нужнымъ пускаться по этому случаю въ область хронологическихъ разысканій. Цахаріэ, увеличившій для себя трудность соглашенія индикта съ годомъ принятіемъ болѣе новаго чтенія или 6247 года, сдѣлалъ замѣчаніе, что способъ лѣтосчисленія у Византійцевъ не имѣлъ точной опредѣленности, и высказалъ предположеніе, что Греки, въ эпоху Исаврійской династїи, можетъ быть, держались какой-нибудь другой системы счисленія, либо индиктовъ, либо годовъ отъ сотворенія міра. Этотъ намекъ, сколько осторожный, столько же, нужно сказать правду, мало основательный, былъ поднятъ и развитъ другимъ знаменитымъ ученымъ юристомъ, Геймбахомъ младшимъ, который даже неоднократно возвращался къ тому, что онъ считалъ счастливымъ и удовлетворительнымъ рѣшеніемъ проблемы ¹⁾. Его рѣшеніе, наконецъ,

¹⁾ См. *Kritische Jahrbücher für die deutsche Rechtswissenschaft*. Erster Jahrgang 1837, въ рецензіи на изданіе Цахаріэ: «Ὁ πρόχειρος νόμος», подписанной G. E. Heimbach), pag. 1857; ср. также *Anecdota*. Ed. G. E. Heimbach (Lipsiae, 1838). tom. I, pag. 270 (въ примѣчаніяхъ).

одобрено и подробно изложено въ новѣйшей Исторіи греко-римскаго права въ большой нѣмецкой Энциклопедіи—Эрша и Грубера ¹⁾, Сущность дѣла въ томъ, что Геймбахъ доказываетъ существованіе во время иконоборцевъ другаго лѣтосчисленія, которое относительно общезвѣстнаго и общепринятаго заключало бы въ себѣ разницу на одинъ годъ. Если бы Геймбаху въ самомъ дѣлѣ удалось доказать свое положеніе, то результатъ его соображеній могъ бы имѣть важность и для русской исторіи, въ которой существуетъ такая же проблема относительно мартовскаго года. Во всякомъ случаѣ, на соображеніяхъ Геймбаха стоитъ остановиться.. Онъ излагаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Хронографъ Теофана показываетъ намъ, что у Грековъ были въ употребленіи два способа счисленія лѣтъ по Р. Х., римскій и александрійскій, римская эра и александрійская. Последній, то-есть, александрійскій способъ лѣтосчисленія Теофанъ называетъ болѣе правильнымъ и употребляетъ оное, когда при вступленіи на престолъ извѣстнаго императора отмѣчаетъ годъ мировой эры, то-есть, годъ отъ созданія міра. Только въ двухъ мѣстахъ (pagg. 117, 345) прибавляетъ онъ рядомъ и счетъ годовъ по римскому способу, при чемъ оказывается между двумя системами счисленія разница въ 16 лѣтъ. Именно: въ первомъ изъ подразумеваемыхъ мѣстъ Теофанъ полагаетъ смерть императора Зенона по римскому счисленію въ 5999 году, а по александрійскому — въ 5983. Во второмъ случаѣ онъ относитъ смерть Льва Исавра къ 6248 году римской эры и къ 6232 александрійской. Если мы болѣе внимательнымъ образомъ рассмотримъ оба эти показанія по отношенію ихъ къ годамъ отъ Р. Х., то убѣдимся, что они сдѣланы не по одному расчету, и что тутъ есть разница на одинъ годъ. Если Теофанъ полагалъ смерть императора Зенона (=мѣсяцъ апрѣль, индиктъ XIV, 491 годъ по Р. Х.) въ 5999 году отъ сотворенія міра по римскому счисленію, то держась того же самаго способа считать, онъ долженъ былъ бы помѣстить кончину императора Льва Исаврійскаго, послѣдовавшую въ іюнѣ 741 года, вовсе не подъ 6248 годомъ, а подъ 6249 (то-есть, $491 + 5508 = 5999$, и $741 + 5508 = 6249$). Единогласное свидѣтельство рукописей хронографа, а съ другой стороны—стоящій рядомъ въ совершенно правильномъ соотвѣтствіи александрійскій годъ, не допускаютъ возможности

¹⁾ Том. LXXXVI, 215. Сочиненіе, продолжающееся и въ слѣдующемъ томѣ, принадлежитъ другому Геймбаху.

дѣлать какія-либо поправки въ означенной цифрѣ. Слѣдовательно, приходится признать, что смерть императора Льва Исаврійскаго со-
считана по особой системѣ, отличающейся отъ прежней на одинъ
годъ.

Далѣе Геймбахъ открываетъ и тотъ самый пунктъ, откуда соб-
ственно пошла разница, гдѣ начинается это отставаніе римской миро-
вой эры на одинъ годъ (противъ индикта и) противъ годовъ отъ Р. Х.
Этотъ пунктъ падаетъ на десятое лѣто правленія Льва, на годъ
открытаго объявленія войны иконамъ; а до того времени система
счисленія у Теофана остается его обыкновенною и правильною сис-
темою. Въ повѣствованіи Теофана о десятомъ годѣ Льва пора-
жаетъ Геймбаха слѣдующее явленіе: Теофанъ прямо и ясно относитъ къ
десятому году правленія Льва то, что случилось лѣтомъ IX индикта
(въ лѣто 726 года), въ чемъ пока еще нѣтъ никакого отступленія
отъ обычнаго порядка; но далѣе Теофанъ относитъ къ тому же де-
сятому году правленія Льва и то, что случилось 18-го октября X
индикта (=октябрь 727 года). Причина этого явнаго измѣненія въ
способѣ лѣтосчисленія, по словамъ Геймбаха, неизвѣстна, но почти
не подлежитъ сомнѣнію, что она находится въ связи съ исторіей
иконоборства. Нѣсколькими примѣрами, которыхъ нѣтъ ни малѣйшей
нужды здѣсь повторять, Геймбахъ старается подтвердить справедли-
вость своего открытія и прослѣдить дальнѣйшіе признаки особаго
иконоборческаго счисленія въ хроникѣ Теофана до самой смерти Кон-
стантина Копронима (775 г.), вмѣстѣ съ которою греческій писатель
будто бы воротился къ обычному лѣтосчисленію.

По нашему мнѣнію, разсужденіе Геймбаха не имѣетъ твердаго
основанія, и зданіе, имъ возведенное, рухнетъ при первомъ прикос-
новеніи критики. Вопервыхъ, хотя и вѣрно то, что императоръ Левъ
Исавръ умеръ въ іюнѣ 741 года, и что этотъ годъ своими лѣтними
мѣсяцами относится къ 6249 году отъ сотворенія міра, такъ что Тео-
фанъ не долженъ былъ бы обозначать событія 6248 годомъ, если онъ
держался обыкновенной системы счисленія,—но въ томъ-то и вопросъ:
въ 741 ли году умеръ Левъ Исавръ по взгляду Теофана? Дѣло
въ томъ, что годъ отъ Р. Х. совсѣмъ не означенъ у Теофана; Гейм-
бахъ заимствовалъ правильную дату изъ новѣйшихъ сочиненій и об-
рацается съ нею къ Теофану, который также легко могъ оши-
баться и во второмъ случаѣ, въ разчетѣ годовъ отъ Р. Х., какъ и
въ первомъ, въ разчетѣ лѣтъ отъ созданія міра. Необходимо имѣть
въ виду, кромѣ ошибокъ переписчиковъ и издателей, самыя техниче-

скія трудности, которыя приходилось преодолевать Теофану при переложеніи лѣтъ царствованія на разныя лѣтосчисленія. Онъ не имѣлъ тѣхъ пособій, какія мы имѣемъ.

Что касается десятого года Льва Исаврійскаго, въ который будто бы включены Теофаномъ два лѣта и чуть не двѣ полныя осени двухъ различныхъ годовъ (726 и 727), то здѣсь вмѣсто всякихъ хитросплетеній Геймбаху слѣдовало обратить вниманіе на существованіе разночтенія въ самомъ текстѣ греческой хроники. Вмѣсто прежняго обычнаго чтенія, указывающаго на 18-е октября десятаго индикта, уже, въ боннскомъ изданіи стоитъ: *τῇ τοῦ Ἀπρηλλίου μηνὸς τῆς ι' ἰνδικτιῶνος* (Theophan. I, 623: 18-го апрѣля мѣсяца X индикта), и конечно, замѣна сдѣлана съ полнѣйшимъ правомъ. Известно, что существуетъ почти буквальный латинскій переводъ хроники Теофана, сдѣланный еще въ IX вѣкѣ Анастасіемъ Библіотекаремъ. Какое же чтеніе имѣлъ предъ своими глазами Анастасій? *Decimo quarto Kalendas Maias decimae indictionis* (Theophan., II, 212), за четырнадцать дней до календъ майскихъ такъ стоитъ въ переводѣ Анастасія — есть дата, вполне соотвѣтствующая 18-му апрѣля. Итакъ, Геймбаху вовсе не удалось доказать, что Теофанъ въ отдѣлѣ своей хроники, посвященной Льву Исаврійскому, держится двухъ системъ лѣтосчисленія и начинаетъ вторую съ десятаго года царствованія этого государя. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ Геймбахомъ въ подтвержденіе того, что система лѣтосчисленія, остающаяся повади однимъ годомъ, встрѣчается въ хроникѣ до смерти Константина Копронима, одни совершенно не идутъ къ дѣлу, такъ какъ вполне объяснимы съ точки зрѣнія обычнаго лѣтосчисленія, а другіе хотя и представляютъ неправильности, но вовсе не какія-либо особенныя, а напротивъ, совершенно обычныя цѣлому творенію Теофана, какъ оно дошло до насъ. Рѣшительно безъ всякаго основанія Геймбахъ утверждаетъ, что съ 775 года всѣ Теофановскіе годы выдерживаютъ проверку по обыкновенной системѣ; напротивъ, почти до самаго конца сочиненія идетъ рядъ годовъ въ перемежку то съ правильнымъ, то съ неправильнымъ обозначеніемъ міровой эры. Было бы слишкомъ утомительно, если бы мы вздумали примѣрамъ Геймбаха противопоставлять другіе обратнаго характера; мы приглашаемъ всякаго желающаго прослѣдить въ хронографіи Муральта хотя бы только правленіе Константина VI и его матери Ирины, или взять для образца хотя бы только 786 и 877 годы и сравнить настоящія и правильныя цифры, выставляемыя Муральтомъ, съ

приводимыми вслѣдъ затѣмъ при частныхъ ссылкахъ Теофановскими цифрами...¹⁾

Возвращаемся, наконецъ, къ надписанію Эклоги. Такъ какъ не оказывается серьезныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ на то, чтобы въ періодъ иконоборства употреблялась какая-либо специальная и особая система лѣтосчисления, то не остается никакой возможности примирить годъ, означенный въ надписаніи, съ индиктомъ, стоящимъ тутъ же рядомъ. Мы думаемъ, что нужно отказаться отъ всякихъ попытокъ исправленія цифръ, такъ хорошо сохранныхъ преданіемъ, тѣмъ болѣе, что 6247 годъ, который можно было избрать вмѣсто 6248, еще менѣе соответствуетъ девятому индикту. По нашему мнѣнію, нужно выбирать между индиктомъ и годомъ, если мы желаемъ остановиться на чемъ нибудь положительномъ и точно опредѣленномъ. Общей правило то, что въ случаѣ несогласій и столкновеній, подобныхъ настоящему, индиктъ имѣетъ преимущество предъ обозначеніемъ года отъ сотворенія міра. Счетъ по индиктамъ былъ общепринятымъ во всякаго рода официальныхъ документахъ; сорокъ-седьмая новелла Юстиніана, опредѣлившая законныя формы датированія всяческихъ общественныхъ и частныхъ юридическихъ актовъ, предписывала, на ряду съ годомъ правленія императора и съ именами консуловъ, отмѣчать годъ индикта; о какой-либо другой эрѣ нѣтъ и рѣчи. Одинъ изъ элементовъ полнаго официального обозначенія хронологіи, предписаннаго Юстиніаномъ, исчезъ самъ собою; если нужна была краткость, то изъ двухъ остальныхъ индиктъ имѣлъ преимущество предъ годами царствованія императора; а чаще нѣсколькихъ императоровъ. Изъ этого мы хотимъ вывести то заключеніе, что Эклога первоначально появилась съ обозначеніемъ одного индикта (и мѣсяца), только впоследствии переписчики стали прибавлять, по соображенію, годъ отъ сотворенія міра, и какъ это весьма часто случалось, впадали въ ошибки. Если позволительно высказать нѣсколько смѣлую мысль, то мы даже полагаемъ, что съ самаго начала не было никакой необходимости отыскивать девятый индиктъ въ концѣ царствованія Льва Исавра, что 726 годъ отъ Р. Х. (6218 алекс., 6234 римской міровой эры), также совпадающій съ IX индиктомъ, даже лучше могъ бы соответствовать всѣмъ даннымъ условіямъ, чѣмъ 741

¹⁾ *Murai, Essai chronographie byzantine de 395 à 1057, pag. 378, 379.* Событіе, случившееся въ сентябрѣ 786 года, относится Теофаномъ къ 6278 году (слѣдовало бы 6279), въ сентябрѣ 787—къ 6279 (слѣдовало бы 6280) и т. д.

годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ котораго императоръ Левъ кончилъ свою жизнь. Мы сейчасъ должны будемъ перейти къ предисловію Эклоги; при чтеніи ея намъ встрѣтятся нѣсколько выраженій, какъ будто не совсѣмъ идущихъ къ государю, уже двадцать-пять лѣтъ проведенному на престолѣ. Напротивъ, если мы допустимъ, что Эклога, носящая имена Льва и Константина, была издана въ десятый годъ правленія перваго, по истеченіи шести лѣтъ послѣ коронованія втораго, то намъ будутъ представляться совершенно естественными и указанія на благія намѣренія, принятые въ началѣ царствованія, и надежда на успѣхи въ борьбѣ съ внѣшними врагами, еще имѣющие только послѣдовать въ будущемъ.

Предисловіе Эклоги вообще на столько важно и любопытно, что мы рѣшаемся привести его въ почти полномъ русскомъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что старинный переводъ въ нашей Кормчѣ совсѣмъ не отличается вразумительностію, но сдѣланъ, по видимому, механически, безъ пониманія смысла, который, впрочемъ, и не легко поддается правильному и въ то же время близкому къ подлиннику выраженію на русскомъ языкѣ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа императоры Левъ и Константинъ:

Господь и Творецъ всего, Богъ нашъ, создавшій человѣка и отличившій его самовластіемъ (самоопредѣленіемъ, свободною волею), далъ ему, по слову пророка (Ис. VIII, 4,) законъ на помощь и посредствомъ онаго сдѣлалъ извѣстнымъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего избѣгать, для того, чтобъ одно было избираемо, какъ содѣйствующее спасенію (ὡς σωτηρίας ὅτις πρόβλεψα), а другое отмѣтаемо, какъ ведущее къ наказанію. И никто изъ соблюдающихъ оправданія Его, или чего да не будетъ, отмѣтающихъ оныя, не будетъ обманутъ относительно сообразнаго съ тѣми или другими дѣйствіями воздаянія. Ибо самъ Богъ провозвѣстилъ то и другое, а сила словъ Его, обладающая непреложностію и воздающая каждому по дѣламъ его, по словамъ Евангелія, не прейдетъ...

Поелику Онъ, вручивъ намъ, какъ это было Ему благоугодно, державу царствія, сдѣлалъ тѣмъ явное признаніе (θεῖονα τοῦτο—ἐκκοίνιστο) нашей къ Нему любви, смѣшанной со страхомъ, повелѣвъ намъ, по слову верховнѣйшаго главы апостоловъ, Петра, пасти вѣрное Ему стадо,—то мы питаемъ такое убѣжденіе, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы мы первѣе и болѣе могли воздать Ему (благодарность), какъ управление ввѣренными намъ отъ Него людьми въ судъ и правдѣ, такъ

чтобы съ этихъ поръ разрѣшился всякій союзъ беззаконія, расторглись сѣти насильственныхъ обязательствъ (*διαίον συναλλαγμάτων διαλύσασθαι στραγγαλίας*), и пресѣчены были стремленія согрѣшающихъ, и чтобы такимъ образомъ мы увѣнчаны были отъ Его всемогущей руки побѣдами надъ врагами—славнѣе и честнѣе облегающей нашу главу діадемы, чтобы устроилось намъ мирное царствованіе и прочный общественный порядокъ (*εὐσυχία τὸ πολιτεία*).

„Занятые такими заботами и устремивъ неусыпно разумъ къ изысканію угоднаго Богу и полезнаго обществу (*τῷ κοινῷ*), мы поставили впереди всего земнаго справедливость, какъ посредницу съ небеснымъ, острѣйшую всякаго меча въ борьбѣ со врагами вслѣдствіе той силы, которая приобрѣтается служеніемъ ей. Зная, что законоположенія, изданныя прежними царями, содержатся во многихъ книгахъ, и что заключающійся въ нихъ разумъ для однихъ труднопостижимъ, а для другихъ, особенно же для обитающихъ внѣ сего богохранимаго града, и совершенно недоступенъ, мы созвали славнѣйшихъ нашихъ патриціевъ, славнѣйшаго квестора и славнѣйшихъ нпатовъ (консуловъ) и прочихъ имѣющихъ страхъ Божій и повелѣли собрать всѣ ихъ книги къ намъ, и разсмотрѣвъ всѣ съ усерднымъ вниманіемъ, мы сочли приличнымъ, чтобы въ этой (одной) книгѣ—частію сообразно съ тѣмъ, что содержится въ тѣхъ книгахъ благоприличнаго, частію сообразно съ тѣмъ, что мы вновь постановили,—были болѣе ясно и кратко изложены рѣшенія (*κρίσεις*) относительно дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся (*ἐπὶ συνηθόντων πραγμάτων*), и разныхъ договорныхъ сдѣлокъ (*συναλλαγμάτων*), а также (были опредѣлены) наказанія, соотвѣтствующія обвиненіямъ, ради удобообозримаго познаванія силы таковыхъ божественныхъ законовъ, ради добраго и здраваго (*ἐν σωφρονείῃ*) разрѣшенія дѣлъ, ради справедливаго наказанія проступковъ и ради остановки и исправленія расположенныхъ попопозновенно къ преступленію“.

По объясненію новѣйшихъ ученыхъ, подъ множествомъ книгъ, которое дѣлало затруднительнымъ познаніе права, нужно разумѣть заступившія мѣсто Юстиніановыхъ законныхъ книгъ греческіе ихъ переводы и разнаго рода комментаріи, вытѣснившіе совершенно употребленіе самихъ подлинниковъ. Количество такого рода произведеній, сдѣлавшихся необходимыми для болѣе основательнаго изученія права, было столь громадно, что едва ли даже тогдашнія публичныя бібліотеки могли удовлетворять запросамъ. Притомъ положеніе юриспруденціи было тогда столь печальное, что, какъ видно изъ словъ императора,

даже въ Константинополѣ находилось немного такихъ лицъ, которыя были бы въ состояніи понимать тѣ переводы и толкованія, а внѣ столицы—и совсѣмъ не было такихъ людей. Наконецъ, вслѣдствіе большаго количества книгъ, изъ которыхъ приходилось почерпнуть познаніе законовъ, вслѣдствіе разнообразія излагавшихся въ нихъ мнѣній толкователей, объяснить и согласить которыя люди того времени были не въ состояніи по своей малой образованности, произошла въ гражданскомъ правѣ значительная путаница. Вотъ обстоятельства, на которыя указываютъ императоры Левъ и Константинъ, и которыя привели къ сознанію необходимости издать, подъ освѣщеніемъ публичнаго авторитета, юридическое руководство, легко всякому доступное и въ то же время достаточное для рѣшенія дѣлъ, чаще всего встрѣчающихся въ судебной практикѣ. Лица, на которыхъ возложено было порученіе составить нужное руководство, не названы по имени въ той редакціи предисловія, которая принята за основаніе при установленіи текста въ новѣйшемъ полномъ изданіи Эклоги; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не съ вѣтру взяты тѣ собственныя имена, которыя встрѣчаются во многихъ, хотя бы и не въ самыхъ древнихъ, рукописяхъ нашего памятника и перешли отсюда въ переводъ русской Кормчей. Въ послѣдней мы читаемъ: „Привзавше славныя наша патрикія, преславнаго убо Никиту, патрикія и квестера, и преименитаго ипата и писца Марина и Марія и прочія, божій страхъ имѣюща“. Въ Ватиканскомъ и Парижскомъ спискахъ такъ называемой Частной Эклоги, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, этому соотвѣтствуютъ: „Никита — славнѣйшій патрицій и квесторъ, славнѣйшіе патриціи Маринъ и Ноннъ — славнѣйшіе ипаты“. А въ рукописи, находящейся въ библіотекѣ св. Марка и содержащей особеннаго рода юридическій компендіумъ съ предисловіемъ Эклоги въ началѣ, вмѣсто того читается: „Никиту, славнѣйшаго патриція и квестора нашего, славнѣйшихъ нашихъ патриціевъ Никиту и Марина, славнѣйшихъ ипатовъ и писцовъ“¹⁾. Обыкновенно говорятъ, что тутъ названы лица, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній (Leute, von denen übrigens keine Kunde vorhanden ist); но мы имѣемъ

¹⁾ Разночтенія приведены у *Пасаріа*, въ изданіи Эклоги (стр. 11, прим. 42); при изданіи Прохирона также было напечатано все предисловіе Эклоги, и здѣсь читалось (стр. XXVII): μετακλησάντες Νικήταν τὸν ἐνδοξότατον πατρίκιον καὶ κοισιότῳρα ἡμῶν, τοὺς τε ἐνδοξοτάτους ἡμῶν πατρίκιους Νικήταν καὶ Μαρῖνον, τοὺς ἐνδοξοτάτους ὑπατοὺς καὶ ἀντιγραφεῖς, καὶ λοιποὺς τὸν τοῦ θεοῦ φόβον ἔχοντας.

всяческія основанія предполагать, что два раза упомянутый у Теофана патрицій Маріанъ или Маринъ тождественъ съ патрикіемъ, ипатоу и писцомъ (=секретаремъ) Мариномъ Эклоги. Подъ 6230 (738) г. мы читаемъ о взятіи въ плѣнъ Арабами Евстаѳіа, сына Маріана патриція (Εὐστάθιον, τὸν υἱὸν Μαριανοῦ τοῦ πατρικίου), а далѣе, подъ 6232 г. (правильнѣе было бы — 6233=741 г.), снова сообщается намъ, что въ одинъ годъ съ кончиной императора Льва, послѣ многихъ истязаній, былъ замученъ блаженный Евстаѳій, сынъ знаменитаго Марина патриція (οὗτος Μαρίνου τοῦ παρὶβλέκτου πατρικίου). Итакъ, былъ во время императора Льва какой-то извѣстный Маринъ, причина знаменитости котораго остается не объясненною въ источникахъ. Здѣсь же нужно припомнить и того Марина ипата (консула) и писца (ἀντιγράφας—секретаря), къ которому патриархъ Германъ, въ 730 году оставившій свой престолъ, написалъ одно посланіе. Важно для насъ то, что имя Марина принадлежитъ, по видимому, первой половинѣ царствованія Льва Исавра, хотя, конечно, онъ могъ бытъ въ живыхъ и тогда, когда его сынъ Евстаѳій попался въ плѣнъ къ Арабамъ. Если принимать слова императорскаго манифеста, служащаго предисловіемъ къ Эклогѣ, въ совершенно буквальный смыслъ, то обязанность патриція Марина и его, еще менѣе извѣстныхъ въ исторіи, товарищей состояла только въ томъ, что они должны были собрать и представить предъ лицо государя законныя книги, которыми они до сихъ поръ руководствовались въ своей судебной практикѣ. Но совершенно естественно, что послѣдовавшее затѣмъ разсмотрѣніе и исправленіе прежняго законодательства, дополненіе его на основаніи новѣйшихъ законоположеній, выборъ и редакція постановленій, долженствующихъ войдти въ новый судебный уставъ или руководство, все это также не было предметомъ личнаго вдохновенія двухъ вѣнценосцевъ, а дѣломъ законодательной комиссіи, состоявшей изъ призванныхъ ими лицъ. Объ отношеніи новаго права, изложеннаго въ Эклогѣ, къ старому Юстиніановскому рѣчь будетъ ниже, а теперь мы снова должны обратиться къ предисловію, въ которомъ находится слѣдующее любопытное обращеніе къ судьямъ:

„Тѣхъ, которые поставлены исполнять законъ, мы убѣждаемъ и вмѣстѣ закликаемъ воздерживаться отъ всякихъ человѣческихъ страстей, но отъ здраваго помысла износить рѣшенія истинной справедливости, не презирать нищаго, не оставлять безъ обличенія сильнаго (δυνατῆν), неправду дѣющаго, не такъ (вести себя), чтобы по наружности, на словахъ превозносить правду и справедливость, а на дѣлѣ предпочи-

татъ несправедливость и лихоимство, какъ нѣчто болѣе полезное, но напротивъ, когда тяжутся предъ ними двѣ стороны, одна обидящая, а другая пострадавшая, то (стремиться къ тому), чтобъ обѣ снова были поставлены въ совершенно равное одна къ другой отношеніе (αἰς τὸ πρὸς ἀλλήλους ἴσον αὐτοὺς ἵστασθαι), и чтобъ столько именно было отнято у обидящаго, сколько они найдутъ пострадавшимъ обидимаго. Тѣ, въ душу которыхъ не вложено заранѣе истинной справедливости, которые или подвержены подкупу деньгами, или благопріятствуютъ дружбѣ, или мстятъ за непріязнь къ себѣ, или же боятся (чужаго) могущества, всѣ тѣ не могутъ править праваго суда, доказывая на себѣ истину словъ псалмопѣвца: „Аще убо во истину правду глаголете, правая сѹдите сынове челоувѣчстїи: ибо въ сердца беззаконїе дѣлаете на земли; неправду руки ваши сплетаютъ“. Равнымъ образомъ и мудрый Соломонъ, приравнивая приточно неравенство суда къ неравной мѣрѣ, говорить: „Мѣрило велико и мало—мерзко предъ Господомъ“.

„И вотъ все это сказано нами въ видѣ увѣщанїя и предупрежденїя тѣмъ, которые понимаютъ, чтѣ справедливо, но извращаютъ истину. Что же касается тѣхъ, для которыхъ это (пониманїе) остается неудоодостижимымъ по причинѣ скудости смысла, для которыхъ воздать каждому свое представляется дѣломъ недостижимымъ, тѣ, по слову Сираха, ни отъ Господа величества да не ищутъ, ни отъ царя сѣдалища да не просятъ, ни судїи быти да не варяютъ (не спѣшатъ), неправды наказїя же отъяти могуще. А тѣ, которые причастни и смысла, и ума и владѣютъ дѣйствительнымъ пониманїемъ справедливаго, пусть они прямо зрятъ относительно судовъ....

„Сїе да разумѣютъ и сообразно съ симъ да поступаютъ тѣ, которые поставлены нашимъ благочестїемъ судить тяжбы, и которымъ поручены праведныя мѣрила (вѣсы) благочестивыхъ нашихъ законовъ. Этимъ мы тщимся угодить Богу, вручившему намъ скипетръ царствїя. Съ этимъ оружіемъ и съ Его помощїю хотимъ крѣвко противостоять врагамъ. Мы вѣримъ, что и порученное Его властїю нашей кротости христоименное стадо при этомъ (справедливости въ судахъ) возрастетъ въ добрѣ и преуспѣетъ. Съ этимъ мы надѣемся возстановить древнее правосудїе въ государствахъ.

„Такъ какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „Не судите на лица, но праведный судъ судите“, то справедливо воздерживаться отъ всякаго дароиманїя. Ибо написано: „Горе оправдающему нечестиваго даровъ ради и путя смиренныхъ уклоняющемуся и правду правдиваго отмишущу, ихъ же корень яко персть будетъ, и цвѣтъ

яко прахъ въздетъ, зане закона Господня исполнити не възсѣша. Мада бо и дарове ослѣблють очи и мудрыхъ". Посему, всячески стараясь положить предѣлъ такому злему стяжанію, мы рѣшили давать мзду (жалованье) изъ нашего благочестиваго сакелліа (казначейства) славнѣйшему квестору и писцамъ или секретарямъ (τοις ἀντιγραφῶσι) и всѣмъ служащимъ по дѣламъ судебнымъ, съ тѣмъ чтобы они уже ничего не брали съ какаго бы то ни было лица, судимаго у нихъ, дабы не исполнилось на насъ глаголемое пророкомъ: „Продаша на сребрѣ праведнаго“, и чтобы не навлечь намъ гнѣва Божія, сдѣлавши преступниками его заповѣдей“.

Въ послѣднихъ строкахъ содержится указаніе на очевидное намѣреніе императора Льва Исаврійскаго сдѣлать юстицію совершенно для всѣхъ доступною и безденежною. Попытка, если она была осуществлена въ дѣйствительности, должна быть поставлена тѣмъ въ большую заслугу и честь иконоборнымъ законодателямъ, что она противорѣчила прежнимъ привычкамъ судебныхъ чиновниковъ получать въ свою пользу разнаго рода спортулы, величина которыхъ опредѣлялась отчасти закономъ, отчасти обычаемъ. Нужно прибавить, что и въ послѣдующій періодъ, при Македонской династіи, вновь вошли въ силу постановленія Юстиніановыхъ законныхъ книгъ и навелъ; поборы въ пользу лицъ, отправлявшихъ судебскую обязанность въ извѣстномъ данномъ случаѣ, и частію въ пользу второстепенныхъ подчиненныхъ ихъ помощниковъ, вновь являются подъ весьма разнообразными наименованіями (συνήθιστα, ἐφόδια, παραισβία, ἀκταγιστά); запрещено было только вымогательство (ἐκβαστάσις).

Переходимъ теперь къ характеристикѣ внутренняго содержанія Эклоги Льва и Константина.

Эклога состоитъ изъ 18-ти титуловъ или граней; первые три содержатъ постановленія о бракѣ, обрученіи, о приданомъ; четвертый титулъ—о дареніи и различныхъ его формахъ; пятый и шестой—о завѣщаніяхъ и о наслѣдствѣ безъ завѣщанія; седьмой—объ опекахъ или попечительствахъ; восьмой—объ отпущеніи рабовъ на свободу или о волюнотпущенныхъ; отъ девятаго титула до тринадцатаго идутъ правила о разнаго рода обязательствахъ; въ четырнадцатомъ говорится о свидѣтеляхъ; въ пятнадцатомъ—о разнообразныхъ сдѣлкахъ, признаваемыхъ и не признаваемыхъ закономъ (περὶ διαφόρωνъ χορομένων ἢ ἀνατρεπομένων); въ шестнадцатомъ—de castrensi peculio vel quasi castrensi; титулъ семнадца-

ти и содержитъ въ себѣ главу уголовного права о наказаніяхъ, и наконецъ, восемнадцатый гласитъ о раздѣленіи военной добычи.

Такимъ образомъ, рѣчь идетъ сначала о личныхъ правахъ, потомъ объ обязательствахъ и искахъ (*de obligationibus et actionibus*), потомъ являются постановленія публичнаго права, куда относятся правила объ особенно приобрѣтенныхъ воинскихъ вещахъ (*de castrensi peculio*), и наконецъ—уголовное право въ титулѣ о наказаніяхъ; впрочемъ, въ отдѣлахъ о личныхъ правахъ встрѣчаются нѣкоторые постановленія, входящія въ область вещнаго (вотчиннаго) права, какъ-то—о приданомъ и о наслѣдствѣ. Ясно, что Эклога относительно порядка и системы существенно отступаетъ отъ книгъ Юстиніанова законодательства, институтовъ, кодекса и пандектъ. Нужно думать, говоритъ Цахаріа,—что какъ система Эклоги, такъ и ея пробѣлы, ведутъ свое начало отъ самыхъ составителей этого руководства и объясняются ихъ сознательнымъ расчетомъ; что если совсѣмъ почти опущено ученіе о приобрѣтеніи собственности, то это потому, что споры о правѣ собственности все-таки рѣже встрѣчаются въ судахъ, а въ предисловіи выражено намѣреніе ограничиться сопоставленіемъ наиболѣе обычныхъ въ обществѣ дѣлъ; что если ни слова не сказано о сервитутахъ, то и на это были особыя причины: споры, касающіеся этого рода отношеній, согласно съ духомъ тогдашняго времени, рѣшались болѣе на основаніи обычнаго права известной области или страны, чѣмъ на основаніи общихъ правилъ.

Титулы Эклоги состоятъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ немногихъ главъ (параграфовъ), которыя имѣютъ тѣсную внутреннюю связь и составляютъ какъ бы одинъ связный трактатъ. Наиболѣе обширный семнадцатый титулъ содержитъ 52 главы или статьи, наиболѣе, краткій, послѣдній,—одну статью. Что касается источниковъ, изъ которыхъ заимствованы отдѣльные постановленія, то въ самомъ надписаніи Эклоги указаны: институты, пандекты, кодексъ и новеллы Юстиніана, сверхъ того, въ предисловіи упомянуто о дополненіяхъ, сдѣланныхъ самими вѣнценосными виновниками всего предпріятія; но здѣсь не ясно, разумѣется ли при этомъ ранѣе изданныя новеллы Льва Исавра, или только имѣются въ виду его рѣшенія по поводу разнаго рода сомнѣній и вопросовъ, возникавшихъ (имѣющихъ возникнуть) при составленіи новаго уложенія¹⁾. Своими источниками составители Эклоги

¹⁾ Слова: *διὰ τε τῶν παρ' ἡμῶν γενομένων* обыкновенно понимаются въ томъ смыслѣ, что здѣсь разумѣются новеллы, ранѣе изданныя Львомъ Иса-

пользовались однако такъ, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ буквального заимствованія, и въ большей части случаевъ трудно рѣшить, откуда взята извѣстная отдѣльная статья; они измѣняли выраженія источниковъ, чтобы сдѣлать рѣчь, гдѣ это казалось имъ нужнымъ, болѣе краткою и ясною; они допускали еще болѣе существенныя измѣненія, касавшіяся уже самаго содержанія. Въ новое уложеніе было внесено много такого, что не согласовалось съ Юстиніановымъ правомъ и даже прямо противорѣчило его началамъ, при чемъ иное, быть можетъ, существовало уже ранѣе въ обычномъ правѣ и въ судебной практикѣ, а другое, безъ сомнѣнія, было вновь придумано и постановлено. Важное значеніе Эклоги въ томъ именно и состоитъ, что съ ея появленіемъ начинается новый періодъ въ исторіи греко-римскаго права, простирающійся до вступленія на престолъ династіи Македонской, до эпохи реставраціи Юстиніановскаго права. Намъ полезно будетъ ближе познакомиться съ наиболѣе важными и характеристичными чертами, которыми проявлялся новый духъ и новыя воззрѣнія въ наиболѣе важной области человѣческаго и общественнаго развитія, въ области права. Начнемъ съ постановленій, касающихся государственной власти.

Эклога прилагаетъ и къ государственной верховной измѣнѣ тѣ правила, которыя въ кодексѣ Юстиніана были постановлены относительно оскорбленій величества: „Если кто умышляетъ, дѣлаетъ проiski (φρατρίαις) или составляетъ заговоръ (συνομωσία) противъ царя или противъ христіанскаго государства, тотъ подлежалъ бы по настоящему въ тотъ же самый часъ умерщвленію, какъ замислившій разрушеніе всего. Но дабы этимъ не могли воспользоваться нѣкоторые лица, часто враждебно расположенныя къ другому, и не стали убивать безъ суда, послѣ принося то оправданіе, что онъ (убитый) говорилъ противъ царя, предписывается преступника на мѣстѣ заключать подъ крѣпкую стражу, дѣлать докладъ о немъ царю и затѣмъ поступать, какъ онъ разсудитъ и изволитъ“ (XVII, 3)¹⁾. Позднѣйшее византий-

времъ; но грамматическая — правда, довольно запутанная — конструкція рѣчи допускаетъ и другое толкованіе, такъ какъ аористъ причастія можетъ относиться и къ будущему времени. Другое подобное мѣсто въ самой Элогіи (II, 3): κατὰ τὰ παρ' ἡμῶν ἀρχαῖα εὐσεβεῖς νόμοις τεταγμένα — еще скорѣе можетъ быть понимается въ смыслѣ законодательныхъ рѣшеній, современныхъ составленію руководства, не предшествовавшихъ оному.

¹⁾ Ἄλλ' ἵνα μὴ τις καὶ εὐθροδῆς πολλὰκις διακαίμενος πρὸς τινὰ ἀρχαῖον φονεύσιν, ἀπολογίαν προσφέρωντες и т. д. Цахаріе (Gesch. des gr. röm. Rechts, pag. 314)

ское право опять отказалось отъ такого опредѣленія. Прохиронъ и Эпанагога выражаются совершенно кратко: „Умислившій на царскую безопасность (κατὰ σωτηρίαν) подвергается смертной казни и конфискаціи“ (Prochir. XXXIX, 10; Epapag. XL, 12). Василики (царскія книги) возвращаются къ Юстиніанову праву; позднѣйшія законныя книги тоже не принимаютъ въ свой составъ приведенной нами статьи изъ Эклоги. Съ исторической точки зрѣнія слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ процессахъ противъ иконоборцевъ соблюдалось, по видимому, означенное правило Эклоги ¹⁾.

Въ Эклогѣ мы не находимъ никакихъ постановленій противъ иконопочитателей, а этого мы могли бы съ нѣкоторымъ правомъ ожидать въ томъ случаѣ, еслибъ она была издана послѣ объявленія войны иконамъ, что послѣдовало въ десятый годъ правленія Льва Исаврійскаго. Равнымъ образомъ, въ нашемъ памятникѣ не говорится ничего о Евреяхъ, хотя мы знаемъ изъ исторіи, что они тоже не пользовались расположеніемъ верховной власти въ данное время.... Вмѣсто того, въ титулѣ „о наказаніяхъ“ мы встрѣчаемъ угрозу смертною казнью манихеямъ и монтанистамъ. Относительно послѣднихъ можно замѣтить, что, по свидѣтельству Теофановой хроники, они, вмѣстѣ съ Евреями, въ шестой годъ правленія Льва III, были насильственно обращаемы въ христіанство и принуждаемы къ крещенію.... Положительныхъ признаковъ большей, чѣмъ прежде, терпимости къ иновѣрцамъ и еретикамъ было бы напрасно искать въ новомъ законодательствѣ, если только мы не будемъ придавать слишкомъ много значенія извѣстному уже намъ умолчанію въ статьяхъ о дозволенныхъ и не дозволенныхъ бракахъ... Правда, что Цахаріеъ находитъ еще иное доказательство большей, чѣмъ въ Юстиніановыхъ книгахъ, терпимости исаврійскихъ законовъ. Онъ указываетъ на то, что Эклога отказывается въ содѣйствіи свѣтскаго мірскаго принужденія при обращеніи отступниковъ отъ христіанства и предоставляет все дѣло одной церкви. Но намъ кажется, что приводимая въ ссылкѣ статья вовсе не имѣетъ такого значенія, какое придаетъ ей знаменитый ученый. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ ней говорится о ли-

переводить: Allein damit nicht Richter etwa aus Feindschaft gegen Jemand denselben ohne Recht tödten.... Но по видимому, въ текстѣ Эклоги въ данномъ мѣстѣ вовсе не имѣются въ виду судьи, а высказывается опасеніе, совершенно соответственное предположенію, что собственно всякій частный человѣкъ имѣетъ бы право убивать невинника на мѣстѣ....

¹⁾ Напримѣръ, ничто подобное можно найти въ Житіи Стефана Нового:

цахъ, отрехшихся отъ „непорочной христіанской вѣры“ во время нахождения въ плѣну непріятельскомъ, то-есть, вслѣдствіе принужденія, подобнаго тому, отъ котораго мученическою смертію погибъ сынъ одного изъ составителей Эклоги, патриція Марина (см. выше); если такія лица, какиѣ-либо случаємъ освободившись изъ-подъ власти невѣрныхъ, возвращались въ отечество, то предполагалось, что вмѣстѣ съ тѣмъ они непремѣнно должны будутъ возвратиться и къ истинной религіи, но конечно, все-таки будутъ нуждаться въ церковномъ наказаніи или исправленіи.

Церковное право убѣжища, не смотря на ограниченія, существовавшія уже въ Юстиніановомъ законодательствѣ, нерѣдко могло служить препятствіемъ правильному ходу правосудія. Эклога постановляетъ, что никто не можетъ быть силой исторгнутъ изъ храма, въ которомъ онъ нашелъ себѣ убѣжище, и въ этомъ отношеніи она, по видимому, уничтожаетъ даже то прежде существовавшее исключеніе, по которому отказывалось въ церковной защитѣ убійцамъ; но за то она прибавляетъ, что если пострадавшій отъ преступленія предъ-явить священнику данной церкви вину убійскаго и потребуетъ его выдачи, то при необходимыхъ гарантіяхъ (*μετὰ τῶν ἀσφαλῶν*), требованіе его должно быть исполнено, и бѣжавшій подъ церковный кровъ выдается, для того, чтобы дѣло его могло быть рассмотрѣно свѣтскимъ судьей. Кто прибѣгнетъ къ насилію для достиженія такой же цѣли, тотъ подвергается только тѣлесному наказанію (*ἰσ' ἀλλὰ καὶ λαμβανέτω*), вмѣсто прежней смертной казни, а исторгнутый изъ своего убѣжища преступникъ все-таки подлежитъ обычному судебному преслѣдованію и наказанію. Въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть новыхъ ограниченій правъ церковнаго убѣжища; позднѣйшее законодательство Македонской династіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, отказалось отъ того, что могло быть причислено къ исаврійскимъ несообразностямъ.

Къ статьямъ Эклоги, которыя не были отмѣнены или измѣнены въ Прохиронѣ и Эпанагогѣ, нужно прежде всего отнести весь семнадцатый титулъ. Система уголовныхъ наказаній, принятая въ Эклогѣ, существенно отличается отъ Юстиніановыхъ карательныхъ постановленій. Характеристическая черта ея—изобиліе тѣлесныхъ членовредительныхъ наказаній, которыя хотя уже и допускались въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ, но только въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ. Исаврійскіе императоры, напротивъ, съ какиѣ-то особымъ предпочтеніемъ грозятъ именно тѣми унизительными и позорными казнями, ко-

торыя состоятъ въ лишеніи чловѣка тѣлесныхъ членовъ, въ физическомъ изуродованіи его. Здѣсь мы находимъ: отсѣченіе руки (XVII, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 46, 47), урѣзаніе языка (XVII, 2), выкалываніе глазъ или ослѣпленіе (XVII, 15), отрѣзаніе носа (XVII, 23—27), чѣмъ злоупотреблялъ и чѣмъ былъ ранѣе того наказанъ Юстиніанъ Ринотметъ. Низшая степень этого рода наказаній есть наказаніе розгами и палочными ударами, для обозначенія которыхъ употребляется рядъ выраженій съ довольно темными оттѣнками въ значеніи ¹⁾. Изъ другаго рода наказаній, состоящихъ въ лишеніи и ограниченіяхъ свободы, встрѣчается только изгнаніе или ссылка (*ictoria*), которая является въ видѣ самой низшей степени наказанія и обыкновенно соединяется съ предварительною тѣлесною экзекуціей и обритіемъ волосъ на головѣ и бороды (XVII, 4, 11, 13, 15, 24, 28, 29, 36—44, 47, 48).

Цахаріе не оставилъ безъ замѣчанія, что въ Эклогѣ нигдѣ не говорится о заключеніи въ монастырь въ видѣ наказанія, и объясняетъ это враждебнымъ монашеству характеромъ исаврійскаго законодательства. Нужно однако замѣтить, что этой враждебности къ иконамъ и монастырямъ, особенно проявившейся при Константінѣ Копронимѣ, совсѣмъ нѣтъ слѣдовъ въ Эклогѣ. Совершенно напротивъ, особыми статьями охраняется цѣломудріе монахинь и оскорбленіе ихъ сравнивается съ оскорбленіемъ церкви Божіей (XVII, 23, 24), а также не забыты земные интересы монастырей, которымъ безусловно позволяется отдавать свои недвижимыя имущества въ безсрочное оброчное содержаніе свѣтскимъ людямъ (XII, 4) ²⁾. Но за то намъ остается только повторить замѣчаніе Цахаріе относительно возможной оцѣнки уголовного права Эклоги; на основаніи того, что въ немъ господствуютъ тѣлесныя и членовредительныя наказанія, не должно все-таки считать его варварскимъ, а слѣдуетъ помнить, что, въ большей

¹⁾ Τόπτεσθαι, δαίρεσθαι, μάστιγισθαι или μάστιγας τόπτεσθαι, ἀλλοτὰ λαμβάνειν. Последнее выраженіе, затруднившее позднѣйшихъ славянскихъ переводчиковъ, должно собственно значить «получить сину». Одинъ Пармскій кодексъ сообщаетъ къ нашему свидѣнію, что сина равна 70 ударамъ (ἀλλοτὸν ὁ ἰσὶν ἐβδομήκοντα φραγγέλια), а самое орудіе наказанія — φραγγέλιον (flagellum?), то-есть, бичъ или плеть, имѣеть въ длину локоть или и больше, толщину въ два пальца и есть нѣчто нѣжное и безопасное...

²⁾ Ἀδελφὸν ἐχέτωσαν καὶ διημερεῖς ἐμφυτεύσεις ποιεῖν. Постановленія объ отдачѣ церковныхъ имуществъ въ наемъ и аренду находятся уже въ Юстиніановомъ законодательствѣ.

части случаевъ, эти наказанія вступили мѣсто смертной казни ¹⁾, что здѣсь устранены квалифицированныя ея виды, равно какъ и конфискація, существовавшія въ Юстиніановомъ правѣ; однимъ словомъ, мы должны признать, что Исаврійскіе императоры могли съ полнымъ основаніемъ провозгласить о большемъ человѣколюбіи своего законодательства (*ἐπιεικτέρας εἰς τὸ φιλανθρωπίαν*). Сверхъ того, въ честь ему нужно поставить и то, что Эклога угрожаетъ одинаковыми наказаніями бѣднымъ и богатымъ, простымъ и сановнымъ, разумѣется, съ тѣми исключеніями, которыя совершенно умѣстны при денежныхъ или имущественныхъ штрафахъ, тогда какъ въ Юстиніановомъ правѣ не рѣдко встрѣчались ничѣмъ не оправдываемыя отступленія отъ началъ справедливаго равенства.

Статья объ убійствѣ раба (XVII, 49), конечно, не говоритъ въ пользу мягкости правовъ въ Византіи VIII столѣтія. Оно не наказывалось, если смерть послѣдовала послѣ обычнаго наказанія палками или плетью (*λαοὺς ἢ ῥάβδου*); но все-таки жизнь раба охраняется: если онъ умеръ или вслѣдствіе безмѣрныхъ истязаній, или же вслѣдствіе отравы, то законъ преслѣдуетъ господина, какъ убійцу. Воровство въ Юстиніановомъ правѣ рассматривалось какъ частный проступокъ, совершенно исправляемый возвращеніемъ украденнаго по требованію пострадавшаго—иногда въ двойной или болѣе цѣнѣ. Но Эклога оно вызываетъ не только гражданское преслѣдованіе, но и уголовное наказаніе—отсѣченіе руки, а въ болѣе легкихъ случаяхъ—изгнаніе или палочные удары.

Что касается системы личныхъ правъ, то мы уже видѣли, какой высокій характеръ придаетъ въ этой области иконоборческому законодательству историкъ Греческаго народа, и знаемъ, что всѣ его представленія о содержаніи этого законодательства заимствованы у Цахарію. Цахарію первый замѣтилъ, что юридическое пониманіе брачныхъ отношеній въ законахъ христіанскихъ императоровъ весьма мало отражало въ себѣ вліяніе христіанства, и что законодательство Юстиніана и здѣсь не представляетъ существенныхъ нововведеній; что только позднѣйшимъ императорамъ, которыхъ церковные историки хотѣли опозорить прозваніемъ иконоборцевъ, было предоставлено ввести въ жизнь настоящее христіанское брачное право. Мы не

¹⁾ Само собою разумѣется, что и въ самой Эклогѣ все-таки удержана смертная казнь для наиболѣе тяжкихъ преступленій (см. XVII, 33, 38, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 52).

будемъ повторять здѣсь того, что уже было выше сказано о юридическомъ непризнаніи конкубината, о преслѣдованіи всякихъ внебрачныхъ половыхъ связей угрозою тѣлесныхъ и имущественныхъ наказаній. Сверхъ того, Эклога разширила область кровныхъ родственныхъ и духовнородственныхъ отношеній, служащихъ препятствіемъ къ браку, и что всего важнѣе—рѣшительно провозгласила его нерасторжимость, ограничивъ основанія для развода только четырьмя крайними случаями. Трудно оцѣнить все добро и все громадное зло, которое заключалось для будущихъ временъ въ двухъ знаменитыхъ главахъ втораго титула Эклоги, хотя собственно въ византійскомъ свѣтскомъ законодательствѣ вполнѣ и были сдѣланы нѣкоторыя смягченія въ смыслѣ возвращенія къ Юстиніанову праву. Либеральный греческій историкъ, отчасти сожалеющій, что иконоборцамъ не удалось ихъ дѣло, какъ бы оправдывающій возстановленіе иконопочитанія при патріархѣ Тарасіи—предъ современнымъ просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, говорящій о принципахъ Эклоги и нашей Кормчей такимъ языкомъ, каковымъ другіе говорятъ о принципахъ 1789 года (съ ними, впрочемъ, и сравниваются начала иконоборческаго законодательства: см. выше), выстъ съ строго-консервативнымъ нѣмецкимъ юристомъ безусловно восхваляетъ все находящееся въ первыхъ титулахъ Эклоги. Г. Папарригопуло, какъ мы видѣли, вполнѣ слѣдуетъ толкованіямъ Цахаріа по вопросу о принципѣ имущественныхъ отношеній супруговъ въ Эклогѣ. Взглядъ Цахаріа, что иконоборческое законодательство предполагаетъ законную систему общности имущества между супругами,—можно было считать даже общепринятымъ. Однако, мы видимъ, что и онъ подвергается нѣкоторому оспариванію со стороны компетентныхъ русскихъ юристовъ. Они утверждаютъ, что идея общности имущества между супругами занесена въ исторію греко-римскаго права изъ нѣмецкаго только благодаря предрасположенію наслѣдователя къ своимъ національнымъ началамъ. Хотя приданое и предбрачный даръ и разсматриваются въ Эклогѣ, какъ особая имущественная масса, но не подлежитъ сомнѣнію, что Эклога, подобно кодексу Юстиніана, считаетъ это имущество, во время брачной жизни супруговъ, собственностью жены, состоящею только въ управленіи и пользованіи мужа. За бездѣтною смертію жены, мужъ обязанъ возвратить или выдать это имущество родственникамъ ея, за вычетомъ своей наслѣдственной доли; въ случаѣ же бездѣтной смерти мужа, это имущество, какъ собственность жены, переходитъ въ ея управленіе и распоряженіе, и сверхъ того, жена получаетъ свою наслѣд-

ственную долю изъ имущества мужа ($\frac{1}{4}$). Если по смерти мужа остались дѣти, то въ руки вдовы-матери, какъ опекуниши дѣтей, переходить, сверхъ ея собственнаго имущества, и все имущество мужа; оно остается въ ея рукахъ впредь до раздѣла ея съ дѣтьми, при которомъ мать получаетъ часть равную одной дѣтской долѣ... Изъ всѣхъ этихъ постановленій Эклоги не возможно, говорить намъ—вывести заключенія о существованіи законной системы общности имущества между супругами. Къ этому мы прибавимъ только то филологическое замѣчаніе, что императоръ Левъ Мудрый, въ своей двадцатой новеллѣ критикующій постановленія иконоборцевъ объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, называетъ жену госпожею предбрачнаго дара съ того самаго момента, какъ заключенъ бракъ (*Zachargiae, Jus Graecogom., III, 96: καὶ τοῦτο οὐκ οὐρόλου* *κορίαν καθίστασθαι τὴν γαμετήν*), что съ другой стороны, въ самой Эклогѣ жена по смерти мужа при дѣтихъ-наслѣдникахъ называется только „держательницею своего приданаго и всего мужнина имущества“ (*I, 5: ἐκχάτοχον τῆς τε προχοῆς αὐτῆς καὶ ἀνδρώας ἀπάτης ὑπάρξεως*), и что если въ одномъ изъ позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ мы и встрѣчаемъ выраженіе, что для жены должно быть общимъ (*κοινὰ*) все, что принадлежитъ ея мужу (*Παῖρα*, pag. 79), то это сказано болѣе въ нравственномъ, чѣмъ въ юридическомъ смыслѣ.

Отношеній между родителями и дѣтьми Эклога касается только мимоходомъ, но замѣтно, что она еще дальше пошла въ дѣлѣ смягченія суровыхъ римскихъ преданій объ отеческой власти, чѣмъ Юстиніаново законодательство. Въ Эклогѣ нѣтъ рѣчи о какихъ-либо особенныхъ личныхъ проявленіяхъ отеческой власти: права и обязанности, изъ нея пронтекающія, принадлежать въ одинаковой степени отцу и матери. Пока живы отецъ и мать, до тѣхъ поръ, по общему правилу, опека не допускается; за исключеніемъ того случая, когда мать-вдова вступаетъ во второй бракъ, она, какъ мы видѣли, управляетъ всѣмъ оставшимся послѣ умершаго мужа имуществомъ; тотъ изъ родителей, который остался въ живыхъ, отецъ или мать, имѣетъ право въ своемъ завѣщаніи назначить сиротѣ опекуна. Наконецъ, дѣти для вступленія въ бракъ нуждаются не просто въ согласіи отца, подѣ властію котораго они находятся, а вообще въ согласіи родительскомъ ¹⁾. Что касается опеки надъ сиротами, то въ

¹⁾ Ecl. II, 7: *ἐκ γονέων καὶ συγγενῶν αὐτῶν συγκαίνεσις*. Одна рукопись вмѣсто *συγγενῶν* читаетъ *κληρικόνων* (опекуновъ). Въ славянорусскомъ переводѣ: родителей и ближнихъ совѣщаніемъ.

этомъ отношеніи замѣчательно, во первыхъ, уничтоженіе всякаго различія между опекой (*tutela*), основанною на семейныхъ интересахъ и семейной власти, и попечительствомъ (*cura*), учрежденнымъ въ видахъ общественнаго публичнаго интереса; самая опека, подобно прежнему попечительству надъ взрослыми, понимается какъ отправленіе общественной обязанности: взглядъ, который, впрочемъ, уже и раньше начиналъ заявлять себя и привелъ къ участію государственной власти въ назначеніи опекуна. Во вторыхъ, Эклога содержитъ въ себѣ то новое и важное постановленіе, что сироты, которымъ не назначено было опекуновъ въ завѣщаніи родителей, поступаютъ подъ церковную защиту: въ Константинополѣ — подъ защиту сиротскаго дома (*ὀρφανοτροφεῖον*) или какого другаго богоугоднаго учрежденія, а въ провинціяхъ — епископовъ, монастырей и Божіихъ храмовъ. Изъ постановленій наследственнаго права замѣчательно то, которое, между прочимъ, подало поводъ къ неловкимъ выраженіямъ г. Панапригопуло объ ожиданіи со стороны дѣтей отеческаго наследства ¹⁾, то-есть, что во второй степени, за неимѣніемъ нисходящихъ, призываются къ наследству отецъ и мать умершаго съ исключеніемъ его братьевъ и сестеръ, въ чемъ заключается прямое отступленіе отъ Юстиніанова права. Въ этой статьѣ, хотя она и вызывалась уже измѣненіемъ системы супружескихъ имущественныхъ отношеній, историкъ римско-византійскаго права находитъ новое доказательство болѣе высокаго и здраваго пониманія сущности и блага семьи, чѣмъ это можно было замѣтить въ Юстиніановомъ законодательствѣ, гдѣ между прочимъ дѣти неловкимъ образомъ поставлены на ряду съ ихъ собственными родителями, какъ сонаслѣдники ²⁾. Еще яснѣе обнаруживается превосходство Эклоги въ другихъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ ею въ существовавшихъ до нея правилахъ о наследствѣ. Руководимые вѣрнымъ тактомъ, Исаврійскіе императоры отказались отъ опредѣленія тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слѣдовало по закону принимать, что отецъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи дѣтей лишился права на полученіе послѣ нихъ наследства. Подобно этому постановленію, возбуждающему тяжелое чувство, и конечно, не служившему къ поддержанію родительскаго авторитета, слѣдуетъ признать также неудачною попытку Юстиніана точно опредѣлить „случаи неблагодарности“,

¹⁾ Il a voulu ne pas diminuer les espérances qu'il est toujours bon que les enfans conservent à l'égard de leurs parents.

²⁾ Zachariae v. Lingenthal, Geschichte des Gr.-röm. Rechts, p. 113.

вслѣдствіе которыхъ отецъ имѣлъ бы право въ своемъ завѣщаніи лишить виновныхъ дѣтей всякаго наслѣдства; совершенно не возможно безъ вреда для отеческаго авторитета свести къ извѣстнымъ видамъ все разнообразіе причинъ, по которымъ родители справедливо могли бы гнѣваться на своихъ дѣтей. Совершенно другое дѣло, еслибъ опредѣлялись причины, на основаніи которыхъ дѣти, какъ недостойные, исключались бы отъ наслѣдства по закону, а не въ силу заявленной отеческой воли. Въ такомъ смыслѣ и приняты основанія для исключенія дѣтей отъ наслѣдства въ исаврійскомъ законодательствѣ; они имѣютъ не то значеніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ отцу или матери позволяется лишить своихъ дѣтей наслѣдства, но что при такихъ-то и такихъ-то проступкахъ противъ родителей дѣти должны быть лишены наслѣдства по закону, то-есть, безъ завѣщанія.

Эклога очень бѣдна постановленіями относительно правъ обязательственныхъ. Сообразно съ духомъ народа, который всегда держался стараго правила: *naturaliter licere contrahentibus se circumvenire* ¹⁾, и не считалъ простое соблюденіе даннаго слова дѣломъ разумѹющимъ само собою, а напротивъ, склоненъ былъ ради денежной выгоды къ обману и нарушенію договоровъ, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ его государей ¹⁾, — и Эклога не только удерживаетъ старыя формальности, обуславливающія дѣйствительность обязательствъ, но и вводитъ еще новое предписаніе, чтобъ особаго рода заемныя сдѣлки, заключавшіяся съ призваніемъ имени Вожія, непременно заключались письменно и при трехъ свидѣтеляхъ (*Ecl.*, XV, 1). Съ другой стороны, Эклога отказывается отъ прежняго юридическаго воззрѣнія, что клятвопреступленіе или ложная присяга вообще суть преступленія, не подлежащія вѣдѣнію свѣтскаго судьи, и угрожаетъ отрѣзаніемъ языка всякому, кто дастъ клятву надъ святымъ Евангеліемъ по приговору ли судьи, или для поддержанія своего показанія, и потомъ окажется присягнувшимъ ложно (XVII, 2).

Въ царствованіе Исаврійской династіи и въ продолженіе всего иконоборческаго періода Эклога заступала у греческихъ юристовъ мѣсто институтовъ, служила руководствомъ при юридическомъ преподаваніи и была даже не одинъ разъ подвергаема ученой переработкѣ. Цахаріа, такъ много сдѣлавшій для исторіи греко-римскаго права, кромѣ Эклоги Льва и Константина, напечаталъ еще такъ называемую Частную умноженную Эклогу (*Ecloga privata aucta*); есть

¹⁾ См. новеллу Романа Младшаго: *Zacharias, Jus Graecorom.*, III, 287.

еще просто Частная Эклога (*Ecloga privata*), не напечатанная потому, что она представляет очень мало отступлений отъ „Избрания Законовъ“, наданнаго Львомъ Исаврійскимъ. Не только частная Эклога, но и Эклога частная распространенная, по мнѣнію Цахаріа, высказанному въ болѣе позднее время, принадлежать еще иконоборческому періоду ¹⁾. Когда послѣ восшествія на престолъ Василия Македонянина снова вошло въ честь Юстиніанова законодательство, и началась реставрація въ его пользу, то Эклога, осужденная прямо въ предисловіяхъ къ новымъ императорскимъ уложениямъ (Прохиرونу и Эпанагогѣ), по видимому, должна была утратить всякое значеніе. Тѣмъ не менѣе, императоры Василий, Левъ и Александръ сами заимствовали многія статьи изъ осужденной ими книги и внесли ея положенія, какъ въ свои собственные законники, такъ и въ Василики. Юристы продолжали пользоваться удобнымъ и привычнымъ руководствомъ; стараніе приноровить его къ новымъ потребностямъ было поводомъ къ новой его переработкѣ, послѣ которой явилась „Эклога, измѣненная по Прохиرونу“ (*Ecloga ad Prochiron mutata*), въ новѣйшее время тоже напечатанная Цахаріа.

III.

Законъ судный людямъ.

Мы видѣли, что Эклога Льва и Константина, не смотря на то, что была упразднена и даже прямо осуждена новымъ законодательствомъ Македонской династіи, все-таки пользовалась большимъ уваженіемъ у позднѣйшихъ пристовъ, какъ это доказывается неоднократно переработками ея, предпринимававшимися со стороны частныхъ лицъ, и самою многочисленностію ея списковъ, принадлежащихъ X и слѣдующимъ вѣкамъ. Всего болѣе страннымъ и неожиданнымъ можетъ казаться на первый взглядъ то прочное положеніе, которое досталось на долю еретическаго законодательства въ судебныхъ книгахъ православной церкви, и въ частности русской. Совершенно напрасно новѣйшій греческій историкъ (г. Папарригонуло) говорить, что Эклога имѣла эфемерное значеніе, что она была позабыта вмѣстѣ съ достойными вѣчной славы именами ея авторовъ. Имена

¹⁾ См. предисловіе въ четвертомъ томѣ Jus Graecorum. предъ *Ecloga privata austa*. Прежде Цахаріа имѣлъ другой взглядъ, который и былъ высказанъ въ изданіи Прохирона.

патрициевъ Марина и Нивиты и теперь еще могутъ быть читаемы на страницахъ русской Кормчей книги, которая уже не мало вѣковъ составляетъ необходимую и вѣсть съ тѣмъ самую обычную принадлежность церковнаго обихода. Эклога, хотя и подъ другимъ названіемъ, до сихъ поръ входитъ въ составъ дѣйствующаго у насъ церковнаго права... Известно, что какъ Греческая церковь въ мірскихъ дѣлахъ, подлежавшихъ суду ея настоятелей, пользовалась свѣтскимъ законодательствомъ и на основаніи его произносила свои сужденія; такъ не могла обойтись безъ знакомства съ постановленіями мірской власти Греко-Римскихъ императоровъ и древняя Русская церковь, подобно, впрочемъ, всякой другой православной. При греческихъ собраніяхъ и сводахъ церковныхъ законовъ, на ряду съ правилами, ведущими свое происхожденіе отъ св. отцовъ и учителей церкви и относящимися къ духовной дисциплинѣ, въ древнее время помѣщались тѣ краткія руководства къ познанію мірскихъ законовъ, которые были освящены публичнымъ авторитетомъ верховной власти. Такой чести удостоивается не только Прохиронъ благочестиваго императора Василія Македонянина, но и Эклога Льва и Константина, противъ которой въ неѣ произнесено суровое осужденіе. Знаменитый Флорентійскій кодексъ, содержащій греческій Номоканонъ XI вѣка, приписанный Вальсамону, заключаетъ въ то же время одинъ изъ лучшихъ списковъ Эклоги. Въ Московской синодальной библіотекѣ Эклога точно также находится въ сборникѣ преимущественно каноническаго характера и т. д. Что касается славяно-русскаго перевода Эклоги, то сколько мы можемъ судить, остается еще не рѣшеннымъ и неяснымъ, когда и гдѣ онъ былъ сдѣланъ, и съ котораго времени онъ входитъ въ составъ русскаго Номоканона, то-есть, сборника церковныхъ и мірскихъ законовъ, которыми управлялась церковь въ дѣлахъ ея вѣдомства. Въ печатной русской Кормчей Эклога носитъ заглавіе: „Леона царя премудраго и Константина вѣрно царю главныи о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ“; она помѣщается здѣсь вслѣдъ за такъ-называемымъ „Градскимъ закономъ“, то-есть, Прохирономъ Василія Македонянина, составляя сорокъ-девятую главу Кормчей. Такъ какъ прототипомъ печатной Кормчей послужила Рязанская Кормчая 1284 года, то можно было бы ожидать, что Эклога находится въ сей послѣдней. Розенкампфъ въ своемъ известномъ изслѣдованіи пишетъ: „Печатная Кормчая составлена по харатейному Рязанскому номоканону 1284 года.... Въ древнѣйшихъ спискахъ Кормчей XIII вѣка находится Законъ Градскій (=Прохиронъ), вездѣ безъ заглавія и безъ

предисловія, а Законъ Льва Мудраго (=Эклога) помѣщенъ токмо въ нѣкоторыхъ спискахъ и вездѣ съ тѣмъ же предисловіемъ и заглавіемъ, которыя помѣщены въ печатной Кормчей книгѣ¹⁾. Замѣтимъ мимоходомъ, что сколько можно судить по описаніямъ рукописей, то во многихъ, хотя и не весьма древнихъ рукописныхъ сборникахъ, надписаніе Эклоги нѣсколько иное; именно: „Леона и Константина, вѣрная царица—зачатковъ 17“ (см. Описаніе рукописей Царскаго, №№ 214, 217). Розенкампфъ приводитъ даже отрывокъ изъ Закона Льва Мудраго по Рязанскому харатейному списку²⁾. Тѣмъ не менѣе въ новѣйшихъ описаніяхъ Рязанской Кормчей, которыя, какъ и слѣдовало ожидать, оказываются совершенно точными, не упоминается объ Эклогѣ или Законѣ Льва Мудраго, а только отмѣчается Законъ Градскій (ὁ πρὸ χειρὸς νόμος)³⁾. Это возбуждаетъ въ насъ тѣмъ большее недоумѣніе, что и въ сербскихъ Кормчихъ 1262 и 1305 года, съ которыми Рязанская Кормчая имѣетъ такое большое сходство и одинаковый составъ, повторяется подобное явленіе. Есть слѣды, которые указываютъ на присутствіе въ нихъ Эклоги, но есть и сомнѣнія. Въ сербской Кормчей, переписанной въ 1305 году сербскимъ римскимъ епископомъ Григоріемъ и находящейся теперь въ Воскресенскомъ монастырѣ, на листѣ 262-мъ читается: „Заповѣди Лешна прѣмудраго цра и сна ѿго Костанътина багродороднаго. Закона Градскаго главы различни. Въ четырехъ десетехъ гранахъ“. По описанію И. И. Срезневскаго, всему этому длинному заглавію соответствуетъ переводъ греческаго Прохирона царей Василія (Константина и Льва); но Прὸ χειρὸς νόμος равняется только Закону Градскому,—первая же часть надписанія совершенно напоминаетъ заглавіе печатной Кормчей: „Леона царя Премудраго и Константина

¹⁾ Розенкампфъ, Обзоръ Кормчей (изд. 1829 г.), стр. 135, прим.

²⁾ Статья И. И. Срезневскаго объ Иверской Кормчей: Свѣдѣнія и зачатки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLIV. — Рязанская Кормчая 1284 года находится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, такъ что мы собственными глазами могли убѣдиться въ отсутствіи занимающей насъ статьи въ этомъ первообразѣ печатной Кормчей. Розенкампфъ приводитъ два раза отрывокъ о раздѣленіи добычи (=о пологѣ), оба раза по Рязанскому харатейному списку. Первый отрывокъ взятъ дѣйствительно изъ Градскаго Закона (Прохирона), помѣщеннаго вполнѣ въ Рязанской Кормчей; но второй отрывокъ (на стр. 135 изд. 1829 г.) о—раздѣленіи корысти—представляетъ переводъ родственной статьи изъ Эклоги; у Розенкампеа онъ все-таки приписанъ Рязанскому харатейному списку.

вѣрною царю главизны⁴, то-есть, подразумѣваетъ переводъ Эклоги Льва Исаврійскаго и его сына Константина Копронима ¹⁾. Пропущено ли самимъ переписчикомъ соотвѣтствующее тому содержаніе, или оно выпало впоследствии,—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ мы находимъ здѣсь указаніе, что и въ сербскихъ Кормчихъ помѣщалась иногда Эклога на ряду съ Закономъ Градскимъ въ сорока титулахъ...

Законъ Леона и Константина, помѣщаемый въ нашей печатной Кормчей, не многимъ отличается отъ греческаго своего подлинника. Въ немъ считается только шестнадцать титуловъ (граней) вмѣсто восемнадцати греческой Эклоги, но на самомъ дѣлѣ не достаетъ въ сравненіи съ нею только одного, именно двѣнадцатаго, пропущеннаго, можетъ быть, не совсѣмъ случайно, такъ какъ въ немъ содержатся постановленія объ емфитевсисѣ, то-есть, о такой формѣ владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами; которая и послѣ не была усвоена русскимъ законодательствомъ. Сверхъ того, шестнадцатый титулъ (грань) Кормчей заключаетъ въ себѣ два титула греческаго подлиннаго изданія. Онъ озаглавленъ: „Зачало 16, имѣя главъ 45, о раздѣленіи корысти“. На самомъ дѣлѣ о раздѣленіи корысти говорится только въ одной главѣ, составляющей въ греческой Эклогѣ восемнадцатый титулъ, а все прочее есть семнадцатый титулъ Эклоги — о казняхъ. Нужно думать, что соединеніе этихъ двухъ разнородныхъ началъ (титуловъ, граней) произошло случайно. По крайней мѣрѣ въ вышеуказанныхъ рукописныхъ экземплярахъ Закона царей Льва и Константина считается семнадцать началъ. Итакъ, за исключеніемъ двѣнадцатаго титула, все другое, что только есть въ греческой Эклогѣ, находится и въ Законѣ Леона русской Кормчей. Впрочемъ, независимо отъ пропуска одного титула и отъ соединенія двухъ послѣднихъ въ одно начало, замѣчаются еще отступленія въ порядкѣ расположенія титуловъ и главъ (статей), котораго придерживается Кормчая. Зачатокъ шестой: „о воинскихъ особъ стяжанныхъ вещехъ“, поставленный на шестомъ мѣстѣ, занимаетъ въ греческой Эклогѣ шестнадца-

¹⁾ Къ этому нужно прибавить, что отрывокъ о бракахъ запрещенныхъ (изъ втораго титула Эклоги) приводится въ одной Парижской рукописи съ надписаніемъ, въ которомъ находится и самое выраженіе *заповѣди* (διάταξις); а въ одной Вѣнской рукописи, содержащей частную Эклогу (Ecloga privata), отдѣльными глави называются не τίτλοι, а διάταξις (заповѣди); см. Zachariae, Prochiron, pag. XLI, прим. 107.—Статья о сербской Кормчѣ 1305 года, принадлежащая И. И. Срезневскому, на которую мы ссылаемся, находится въ *Starine, Knjiga III*, 128 и сл. U Zagrebu, 1871).

тое. Нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи Кормчая болѣе сходится съ частною распространенною Эклогою (*Ecloga privata aucta*), въ которой титулъ „о воинскихъ особъ стяжанныхъ вещехъ“ тоже занимаетъ шестое мѣсто (въ *Ecloga privata*—седьмое), и въ которой отдѣльныя главы внутри титуловъ тоже иногда имѣютъ свои особые заглавія. Однако, порядокъ въ расположеніи статей уголовного характера въ шестнадцатомъ (=семнадцатомъ) титулѣ—въ русской редакціи совсѣмъ особенный; онъ не сходится ни съ однимъ изъ изданныхъ доселѣ изводовъ греческой Эклоги... О позднѣйшемъ переводѣ восемнадцати титуловъ Эклоги Льва и Константина вмѣстѣ съ одинадцатью посторонними титулами, совершенномъ въ XVII вѣкѣ Епифаніемъ Славинецкимъ, нѣтъ нужды здѣсь говорить: переводъ былъ сдѣланъ съ извѣстнаго изданія Леуноклавія.

Кромѣ простаго перевода греческой Эклоги, въ нашей Кормчей печатается еще одинъ, даже болѣе интересный, памятникъ, находящійся въ близкомъ и очевидномъ родствѣ съ нею. Мы разумѣемъ „Законъ судный людямъ царя Константина Великаго“, составляющій сорокъ-шесть главъ печатной Кормчей. Не въ одномъ только видѣ и не въ одной только редакціи, а въ двухъ нѣсколько отличныхъ видахъ законодательство иконоборцевъ присутствуетъ въ судебныхныхъ сборникахъ православной церкви. Кратчайшая славянская переработка Эклоги есть вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшій памятникъ славянскаго законодательства, болѣе древній, чѣмъ наша Русская Правда.

Еще баронъ Розенкампфъ, въ своемъ „Обозрѣніи кормчей книги“, отыскивая греко-римскіе источники Закона Суднаго, высказалъ мысль, что этотъ законъ не можетъ быть считаемъ простымъ переводомъ съ греческаго подлинника, подобно другимъ отдѣламъ Кормчей, а представляетъ передѣлку различныхъ статей византійскаго права примѣнительно къ быту Славянъ, только что принявшихъ христіанство. Онъ выражался прямо, что „Законъ Судный должно причислить къ первоначальному составу собранія правилъ, къ Волгарамъ препопужденнаго“.

Что касается первой стороны вопроса, то-есть, отношенія Закона Суднаго къ греческимъ его источникамъ, то баронъ Розенкампфъ могъ указать нѣсколько греко-римскихъ статей, соответствующихъ главамъ Закона Суднаго, какъ онъ изданъ въ нашей Кормчей. Онъ замѣтилъ также, что заглавіе, указывающее на царя Константина Великаго, какъ виновника или автора закона, не принадлежитъ древнѣйшимъ рукописямъ памятника, въ которыхъ просто читается: „За-

конъ судный людямъ". Отсюда слѣдовало, что источники закона свободно могутъ быть отыскиваемы въ позднѣйшемъ византійскомъ законодательствѣ, хотя бы и не носящемъ имени Константина. Но въ то время, когда баронъ Розенкampiъ писалъ свое изслѣдованіе, еще не была издана подлинная греческая Эклога, а изданіе Леунклавіа во многомъ могло вводить въ заблужденіе. Труды и изданія Пахаріа и здѣсь способствовали разъясненію дѣла. Въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ источникомъ Закона Суднаго была именно Эклога Льва Исавра, и что имя Константина Великаго принадлежитъ только позднѣйшему переписчику русскаго памятника; встрѣтивъ уже въ первомъ параграфѣ приведенную тамъ ссылку на слова Константина Святаго, переписчикъ рѣшилъ, что онъ былъ авторомъ всего сборника, а не тѣхъ только статей, которыя приводятся отъ его имени. Можетъ быть, что находящееся въ греческомъ подписаніи Эклоги упоминаніе о Константинѣ (Копронимѣ) также способствовало утвержденію невѣрнаго представленія. Настоящее отношеніе Закона Суднаго къ Эклогѣ въ первый разъ было указано, сколько мы знаемъ, варшавскимъ ученымъ, сенаторомъ Р. Губе, труды котораго въ области изданія и объясненія средневѣковыхъ варварскихъ законодательствъ имѣютъ европейскую извѣстность. Не меньшаго уваженія заслуживаетъ и его небольшая книжка, заглавіе которой мы поставили на верху своей статьи. Въ ней было показано, что въ главной своей части Судный Законъ есть ни что иное, какъ передѣлка титула о наказаніяхъ Эклоги Льва и Константина съ прибавленіемъ нѣсколькихъ постановленій, взятыхъ изъ какихъ-то другихъ источниковъ, что изъ 32 статей или параграфовъ, составляющихъ Судный Законъ въ Кормчей, 25 несомнѣнно взяты изъ указаннаго титула Эклоги, что изъ нея же заимствована статья „о похонѣ" (= о раздѣленіи добычи), и прибавимъ—статья семнадцатая о правѣ церковнаго убѣжища ¹⁾, и наконецъ, что первая начальная статья, опредѣляющая наказаніе людямъ, продолжающимъ держаться языческихъ обрядовъ, а равно параграфъ о судьяхъ и о послухахъ (свидѣтеляхъ), основаны отчасти на различныхъ постановленіяхъ импера-

¹⁾ Почему почтенный авторъ изслѣдованія «О значеніи права римскаго» полагаетъ, что семнадцатая статья Закона Суднаго не заимствована прямо изъ Эклоги,—мы не догадываемся. Она носитъ всѣ признаки буквального, хотя и несовсѣмъ точнаго по смыслу перевода съ греческаго и соответствуетъ т. XVII, § 1 Эклоги.

торовъ и древнихъ римскихъ законахъ, частію составлены на основаніи преданія отцевъ церкви ¹⁾. Нашъ русскій ученый А. С. Павловъ, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „О первоначальномъ русскомъ Номоканонѣ“, повидимому, безъ всякаго знакомства съ сочиненіемъ Р. Губе, еще точнѣе и подробнѣе объяснилъ соотношеніе между Суднымъ Закономъ и греческою Эклогой. Изъ разсмотрѣнія составленной имъ таблицы параллельныхъ соотвѣствующихъ мѣстъ того и другой оказывается, что Законъ Судный переводитъ буквально Эклогу въ слѣдующихъ десяти главахъ: 12, 15, 18, 21—24, 26, 31, 32. Другія главы представляютъ болѣе или менѣе значительную передѣлку, которая состоитъ въ томъ, что вмѣсто уголовнаго наказанія, назначаемаго Эклогою за тѣ или другія преступленія, Законъ Судный, въ противоположность „закону людскому“, опредѣляетъ церковное наказаніе или замѣняетъ греческую казнь (отсѣченіе руки, носа, головы, ослѣпленіе, палочные удары) денежною пеней и продажей. Это замѣчается въ главахъ 25, 27, 28, 29. Сверхъ того оказалось, что рѣзче нужно отличать двѣ редакціи Суднаго Закона. Та редакція, въ которой Законъ Судный является въ Кормчей, есть болѣе краткая; помимо ея существуетъ обширная редакція. Въ противоположность краткой редакціи, входящей обыкновенно въ сборники каноническаго права, списки обширной редакціи составляютъ принадлежность памятниковъ свѣтскаго законодательства и лѣтописей ²⁾. Обширная редакція Закона Суднаго представляетъ тѣ же извлеченія изъ Эклоги, но съ дополнительными статьями, числомъ до 45, заимствованными болѣею частію изъ законовъ Моисеевыхъ. Но что для насъ особенно важно, текстъ этой обширной редакціи, на сколько онъ имѣетъ своимъ источникомъ Эклогу, отличается отъ текста краткой, или точнѣе сказать, не дополненной редакціи болѣею близостію къ греческому подлиннику. Именно здѣсь нѣтъ постоянныхъ примѣровъ назначенія церковныхъ наказаній

¹⁾ Баронъ Розенкампеъ старался ближе опредѣлить происхожденіе первыхъ статей Закона Суднаго. По его мнѣнію, первая статья извлечена изъ конституцій или новеллъ преемниковъ Константина; онъ указывалъ между прочимъ на Cod. Theod., L. XVI, tit. 12 и Cod., L. I, tit. 11. Статья о судѣ и свидѣтеляхъ извлечена изъ второй книги Апостольскихъ правилъ.

²⁾ Обширная редакція встрѣчается въ приложеніяхъ къ лѣтописямъ и въ рукописяхъ такъ-называемаго «Мѣрила Праведнаго». Она была найдена Дубенскимъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, т. II, Строевыми—въ Соейскомъ Временникѣ, и снова, въ томъ VI Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, при первой Соейской Лѣтописи.

на ряду съ уголовными или въ замѣнѣ этихъ послѣднихъ, хотя и встрѣчаются другія отступленія отъ подлиннаго текста Эклоги. Это обстоятельство невольно заставляетъ предполагать, что текстъ обширной редакціи Закона Суднаго, представляющій извлеченіе изъ Эклоги, древнѣе соответственнаго текста краткой редакціи. Во всякомъ случаѣ первый независимъ отъ послѣдняго. Это видно уже изъ того, что въ немъ находятся такія статьи изъ Эклоги, которыхъ нѣтъ въ текстѣ печатной Кормчей ¹⁾. Такимъ образомъ необходимо допустить, что подъ именемъ Закона Суднаго существовали двѣ славянскія компіляціи изъ Эклоги, изъ коихъ одна назначена была преимущественно для судей духовныхъ, а другая—для гражданскихъ (А. С. Павловъ, Номоканонъ, стр. 99).

Теперь является другой вопросъ, который уже былъ поставленъ и предположительно рѣшенъ барономъ Розенкампомъ: у какого Славянскаго племени, когда и для какой потребности сдѣлана была указанная компіляція, составленъ былъ Законъ Судный?

Прежде всего, нельзя ни минуты останавливаться на такомъ предположеніи, что Законъ Судный явился послѣ перевода на славянской языкъ Эклоги, что онъ представляетъ извлеченіе изъ печатаемаго теперь въ Кормчихъ Закона премудраго Леона и Константина вѣрныхъ царей. Противъ этого говоритъ уже то обстоятельство, что славянской переводъ Эклоги является только въ русскихъ Кормчихъ позднѣйшаго состава, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ его существованія ранѣе XIII вѣка, между тѣмъ какъ Законъ Судный составляетъ принадлежность древнѣйшаго русскаго Номоканона, существованіе котораго можетъ быть документально доказано уже относительно XII столѣтія, а по весьма основательнымъ соображеніямъ ученыхъ должно быть возведено въ первыя времена существованія на Руси христіанства ²⁾. Въ пере-

¹⁾ Напримѣръ, въ первой части Закона Суднаго по тексту Русскихъ Достопамятностей и Соейской Лѣтописи находится слѣдующая статья: «Иже съ мужатою женою обрѣтается, носа обѣма урѣзати, и да тепетася (да бить будетъ); аще ли самъ мужъ вступитъ (застанетъ) я, да побіетъ я обѣма, яко пса оузрѣти (у мерзости)». Этой статьи, соответствующей т. XVII, § 27 Эклоги, не находится въ спискахъ Кормчей.

²⁾ Къ доводамъ, которые А. С. Павловъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи противъ новыхъ воззрѣній преп. Макарія, мы, съ своей стороны, можемъ прибавить именно то документальное свидѣтельство, которое относится къ XII вѣку, но намется, до сихъ поръ осталось незамѣченнымъ. Въ описи церковнаго имущества Леонскаго монастыря Ксиаургу, составленной въ 1143 г. и напечатанной

водѣ Эклоги, названномъ Закономъ Льва Мудраго и Константина, гораздо менѣе признаковъ древности или даже не русскаго происхожденія, чѣмъ въ Судномъ Законѣ. Все, что указываетъ на естественно предполагаемый сербскій подлинникъ перевода, едва ли не заключается въ одномъ выраженіи „хуса“, которымъ переведено греческое слово, означающее военный лагерь (φόσσατον) въ 33-й статьѣ, соответствующей XVII титулу, § 10 греческой Эклоги ¹⁾. Законъ Судный, какъ увидимъ ниже, гораздо богаче такими примѣрами.

Между древнѣйшими рукописями славянскихъ Номоканоновъ, извѣстными въ настоящее время, первостепенное мѣсто занимаетъ рукопись Румянцевскаго музея, описанная еще Востоковымъ (Описание рукописей Румянцевскаго музея, стр. 275, № 230; ср. Розенкямпфъ, стр. 106) и содержащая систематическій сборникъ каноновъ въ 50 титулахъ, принадлежащій Константинопольскому патріарху Іоанну Схластику, VI вѣка. Это и есть, нужно думать, первоначальный славянский Номоканонъ. При немъ, въ видѣ дополнительныхъ статей, помимо

въ Актахъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря (изданныхъ Ф. А. Терновскимъ, Кіевъ, 1873) мы находимъ перечисленіе русскихъ книгъ, которыми пользовались русскіе монахи, нѣкогда владѣвшіе обителью, и въ числѣ ихъ Номоканонъ (см. стр. 56): Βιβλία ρώσικα ἀποστόλοι κ. — — — Ευαγγέλια δ., Παροιμίαι. Μηναία ιβ. Πατερικά β. Ψαλτήρια κ. 'Ο ἅγιος Ἐφραίμ. 'Ο ἅγιος Παῦλος. Ὁρολόγια κ. Νομοκανόν κ. Изъ ряда перечисленныхъ видѣ сочиненій можетъ возникнуть недоумѣніе только «Св. Панкратій». Въ припискѣ, находящейся въ концѣ Житія св. Антонія, принадлежащаго къ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ славянской письменности X вѣка, мы читаемъ, что славянской не реводчикъ, «будучи принужденъ отъ строителя церковнаго Іоанна Волгарскія земли, преложило» не то чію Антонія Великаго житіе, но и пречуднаго Петрова ученика *Панкратія*. Объ этой записи см. сообщеніе *Сазарова* о славянскомъ переводѣ Житія Антонія въ X вѣкѣ (*Москвитининъ*, 1845 г., ч. VI, № 12, стр. 156 и 157); ср. *Правосл. Собесѣдникъ*, 1859 г., ч. III, 254 и 1858 г., III, 255, и преосв. *Макарія*, *Исторію Русской Церкви*, V, 250. Запись сообщена также *А. Н. Пономы* въ описаніи Хлудовскаго торжественника XIV вѣка, но въ этомъ спискѣ самое имя Панкратія выпало (см. Описание библіотеки А. И. Хлудова, стр. 393): «не се токѣмо житіе великаго Анеонія, но и пречюднаго чюдотворца *непотомнаго* житія». Полагаютъ, что переводъ совершенъ по порученію Іоанна, викарія Волгарскаго, при царѣ Симеонѣ.

¹⁾ Известно, что слово «хуса» встрѣчается еще въ славянскомъ переводѣ Амартола, въ рукописи Костромскаго Боголюбскаго монастыря. С. А. Геденовъ, теперь уже покойный, авторъ сочиненія «Вараги и Русь», построилъ на этомъ словѣ цѣлую теорію о древнѣйшемъ названіи Русскихъ Хоусарамъ, а отсюда Дромитами (въ греческомъ переводѣ).

отрывковъ изъ Эклоги (о запрещенныхъ бракахъ) и Прохирона, находится уже и Законъ Судный людямъ, помѣщенный здѣсь почти вслѣдъ за Номоканономъ Схоластика и вовсе не приписываемый Константину Великому, какъ мы уже объ этомъ замѣтили выше. По сужденію такого знатока, какимъ былъ Востоковъ, языкъ этой рукописи достигаетъ древнѣйшей поры славянской письменности, тогда какъ самая рукопись относится только къ XII или XIII вѣку. „Хотя почеркъ и указываетъ на XIII столѣтіе“, говоритъ Востоковъ, — „но языкъ перевода во многихъ мѣстахъ сохраненъ древнѣйшій, по коему несомнѣнно заключать можно, что сіе собраніе церковныхъ правилъ есть первое на языкѣ словенскомъ, за коимъ слѣдовали уже другія, кои отчасти изъ сего заимствовались“. Такъ, нужно думать, именно изъ этого собранія, которое для краткости будемъ называть, вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XLIV, стр. 66), Устюжскою Кормчею, заимствовали Законъ Судный позднѣйшіе сборники, заключающіе въ себѣ уже такъ-называемый Фотіевъ Номоканонъ (Указатель каноновъ въ 14 титулахъ), смѣнившій Номоканонъ Схоластика, и представляемые у насъ Новгородскою Кормчею 1280 г. (Свѣдѣнія и замѣтки, стр. 67). Другіе изслѣдователи припомнили при этомъ случай преданіе о томъ, что еще св. Меодій въ числѣ другихъ книгъ совершилъ и переводъ Номоканона, что приводило бы насъ къ половинѣ IX в., ко времени крещенія Болгаръ. Нѣкоторымъ (въ числѣ ихъ Р. Губе) казалось болѣе сообразнымъ съ исторіей болгарскаго просвѣщенія отнести составленіе Закона Суднаго ко времени царя Симеона (893—927 гг.). Во всякомъ случаѣ, если Востоковъ не ошибся относительно глубокой древности языка, которымъ написана Устюжская Кормчая (что, конечно, предположить весьма трудно), то родины нашего памятника слѣдуетъ искать на славянскомъ югѣ, именно въ землѣ Болгарской, гдѣ славянская письменность процвѣтала уже въ началѣ X вѣка. А что Востоковъ не ошибался относительно глубокой древности нашего памятника, на это, кромѣ филологическихъ и литературныхъ признаковъ, можетъ быть приведено еще одно очень важное доказательство, именно отношеніе Суднаго Закона къ Русской Правдѣ. Русскіе изслѣдователи уже давно пришли къ убѣжденію, что Законъ Судный старѣ письменной Русской Правды (Дубенскій, въ Предисловіи къ изданію Закона—Русскія достопамят., II, 139), и замѣтили, что нѣкоторыя статьи Русской Правды заимствованы изъ Закона Суднаго (Калачовъ, Изслѣдов. о Русской Правдѣ, стр. 122).

Любопытно, что заимствованнымъ изъ источника, имѣющаго несомнѣнную византійскую родословную, оказывается въ Русской Правдѣ именно такая статья, въ которой скандинависты находили всего болѣе норманнскаго (Погодинъ, Исслѣдов., III, 381). Въ полной редакціи Закона Суднаго читается: „Аще кто безъ повелѣнія на чужемъ конѣ ѣздитъ, да ся тепеть (подвергается ударамъ) по три краты“¹⁾. Русская Правда представляетъ ту же статью въ слѣдующемъ исправленномъ видѣ: „Аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не испрошавъ его, то положити три гривнѣ“. Къ этому А. С. Павловъ прибавляетъ слѣдующее соображеніе: Въ пространной редакціи Церковнаго устава св. Владиміра нѣсколько разъ повторяется типическая фраза: „то все дагъ есми по правиламъ св. отецъ и по первымъ царей уряженю“: не слѣдуетъ ли находить въ послѣднихъ словахъ ясное указаніе на Константина, перваго христіанскаго государя, и на Законъ Судный? Точно также, когда митрополитъ Иларіонъ сравниваетъ заботливость Владиміра объ устанвленіи закона для новопросвѣщенныхъ людей съ дѣятельностью Константина, который тоже съ помощію духовенства и епископовъ полагалъ людямъ законъ на Никейскомъ соборѣ, то не имѣется ли здѣсь въ виду именно Судный Законъ, по представленію Иларіона, принадлежавшій тоже Константину Великому?.. На сколько могутъ имѣть подобныя соображенія, мы предоставляемъ судить читателямъ²⁾. Обратимъ лучше вниманіе на самое содержаніе и характеръ законодательства, содержащагося въ Судномъ Законѣ.

Знаменитый авторъ сочиненія „О значеніи римскаго и римско-визан-

¹⁾ Русскія Достопамят., II, 166; Полное собраніе лѣтописей, VI, 75. Въ той редакціи Суднаго Закона, которая напечатана въ Коричей, указанной статьи нѣтъ. Нужно прибавить, что нѣтъ ее и въ греческой Эклогѣ, гдѣ говорится только о томъ случаѣ, когда кто возьметъ коня, чтобы доѣхать до опредѣленнаго мѣста, но поѣдетъ дальше и попортитъ его: въ такомъ случаѣ виновникъ вреда долженъ вознаградить хозяина... Дополненіе о пользованіи конемъ безъ позволенія хозяина было вполне естественно; что оно имѣетъ въ Законѣ Судномъ византійское происхожденіе, показываетъ родъ наказанія.

²⁾ Вотъ подлинныя слова изъ Похвалы Иларіона: „Онъ (Константинъ) со святыми отцы Никейскаго собора *закономъ* челоуѣкомъ полагаше; ты же съ новыми отцы нашими епископы снимаея часто совѣщавашеся, како въ челоуѣцяхъ сихъ новопознавшихъ *Господа законъ* уставити... По видимому, именно указаніе на Никейскій соборъ, дѣятельность котораго не относилась къ свѣтскому законодательству, исключаетъ представленіе о мірскихъ законахъ и во второй половинѣ прилагали.

тійскаго права у Славянскихъ народовъ" весьма справедливо замѣчаетъ, что содержаніе этого небольшого уложенія вполне соответствуетъ степени народнаго развитія, какую мы должны предполагать у только что обратившихся въ христіанство Болгаръ. Большая часть заключающихся въ немъ постановленій имѣютъ уголовный характеръ. Первая статья, какъ уже намъ извѣстно, грозитъ наказаніемъ тѣмъ, кто совершаетъ языческія требы; статьи отъ 3-й до 14-й опредѣляютъ наказанія за преступленія противъ цѣломудрія, какъ-то — за изнасилованіе, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, двоеженство; статьи 15-й и 16-й трактуютъ о поджогѣ памѣренпомъ и не памѣренпомъ (=Эклога, XVII, 41), статья 18-я—о самоуправствѣ; статья 22-я—объ отрекшихся отъ христіанской вѣры во время плѣна; статья 23-я — о поврежденіи чужаго коня при неправильномъ пользованіи онымъ; 24-я—о запирающихъ или убивающихъ чужой скотъ; статьи 25-й и 26-й — о кражѣ; 27-я — опять о тѣхъ, кто загоняетъ чужой скотъ; статья 28-я—о грабежѣ мертвыхъ тѣлъ въ могилахъ; 29-я—о святотатствѣ, 30-я—о насильственной продажѣ свободного человѣка; 31-я—о присвоеніи чужаго раба. Помимо этихъ чисто уголовныхъ постановленій, въ статьѣ 2-й говорится объ обязанностяхъ судей; въ 3-й, 19-й, 20-й и 21-й—о свидѣтеляхъ; въ статьѣ 4-й—о раздѣлѣ военной добычи, въ статьѣ 17-й—о церковномъ убѣжищѣ (=Экл., XVII, 7). Дѣйствительно, всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ первоначальными правдами (leges) Германскихъ народовъ (barbarorum), легко согласится съ тѣмъ, что именно таковъ долженъ быть первоначальный кодексъ народа Болгарскаго, только что вступившаго на поприще христіанскаго и государственнаго развитія. Что лучше можетъ характеризовать право народа, только что обратившагося въ христіанство и силой оружія добивающагося обезпечить свою независимость, какъ не двѣ указанныя статьи о людяхъ, еще предающихся привычнымъ языческимъ обрядамъ, и о раздѣленіи добычи, взятой у непріятели (Hube, pag. 13)? Только одно обстоятельство можетъ возбудить сомнѣніе: въ Судномъ Законѣ, по крайней мѣрѣ въ той его редакціи, которая находится въ Кормчей, мы не находимъ постановленій о наказаніи за убійство, нанесеніе побоевъ или безчестья, за обиды словомъ или бранью, то-есть, за преступленія наиболѣе важныя и обычныя, такъ что на этомъ основаніи въ Судномъ Законѣ трудно было бы признать полный кодексъ новаго государства Болгарскаго, а пришлось бы видѣть только отрывокъ или этого самаго, или какого другого неизвѣстнаго намъ законодательства. Затрудненіе устраняется

весьма легко, если мы допустимъ, что собственно свѣтскимъ болгарскимъ уложеніемъ была болѣе полная редакція Суднаго Закона, близкая къ той, которая встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ, или другими словами, что Законъ Судный подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ при включеніи первоначальныхъ болгарскихъ первообразовъ въ (русскую) Кормчую... Вѣроятно, было опущено все то, что не отвѣчало понятіямъ и взглядамъ церковныхъ судей... Къ числу выпущенныхъ статей принадлежала и та, которая трактуетъ о „враждѣ“ и находится въ изданіяхъ Суднаго Закона въ Кормчей (Русскія достоп., II, 181; Полное собр. лѣтоп., VI, 78): „Аще кто вражду сотворить, Моисѣй бо поруци (пророкъ и законодавецъ поручилъ): да идетъ рука за руку, и нога за ногу, глава за главу; аще ли ея искупить, то одъ земли отженеться“. Подъ словомъ „вражда“ разумѣется всякое дерзкое нападеніе на свободнаго человѣка, сопровождаемое побоями, ранами или даже убійствомъ. Родина такого выраженія, по замѣчанію Губе, есть южная славянщина ¹⁾. Такимъ образомъ, образуется полное уложеніе, вполне способное удовлетворить потребностямъ новообразующагося государства. Притомъ мы получаемъ еще одно выраженіе, ведущее насъ на югъ, помимо тѣхъ, которыя уже и безъ того находятся въ обѣихъ редакціяхъ Суднаго Закона. Именно, кромѣ вражды, встрѣчающейся только въ полной редакціи, слѣдуетъ обратить вниманіе на слова „жупанъ и воевода, которыми переводятся греческія выраженія „στρατηγός и ἄρχοντας“ въ статьѣ о раздѣленіи военной добычи, а также на рядомъ стоящее выраженіе къ метище.

Всѣ эти выраженія ясно говорятъ, что Законъ Судный людямъ первоначально былъ составленъ для другаго Славянскаго племени, не для Русскаго... Ими подтверждаются историческія соображенія въ пользу болгарскаго происхожденія памятника. Если мы допустимъ, что мнимый законъ царя Константина Святаго явился вскорѣ послѣ

¹⁾ Ср. Ireček, Geschichte der Bulgaren, pag. 107: Zu den Bulgarischen Bussen gehörte die *Vražda* für den Todtschlag, die im XIV Jahrhundert schon griechisch *fun* (φόνος) genannt wurde.

²⁾ Въ печатной Кормчей: аще ли обрящутся етери отъ тѣхъ дерянувшие, или къ метищу (sic) или простыиъ людей, подвигъ и храбрество содѣлаише: обрѣтаиися князь и т. д. Въ греческомъ текстѣ этому соответствуетъ слѣдующее мѣсто: αἱ δὲ εὐρησθέντες τινες ἐκ τῶν ἀρχόντων ἀνδρείως φερόμενοι, ὁ εὐρισκόμενος στρατηγός... Какъ будто въ греческомъ нѣсколько словъ выпало... Сверхъ того, не должно быть оставлено безъ вниманія слово *снлазъ*, которымъ въ судномъ законѣ постоянно переводится греческое *εὐρίστρα* = златникъ.

крещенія Болгаръ, то для насъ будетъ совершенно понятно, почему законодатель обратился именно къ Эклогѣ иконоборческихъ императоровъ, какъ къ источнику и образцу для своего труда. Въ то время, когда Болгаре принимали христіанство, Эклога еще сохраняла свою силу и была имъ съ давнихъ поръ извѣстна, какъ дѣйствующее право среди стариннаго мѣстнаго населенія нѣкоторыхъ областей, ими завоеванныхъ въ VIII и IX вѣкахъ. Что Болгаре чувствовали послѣ своего обращенія въ христіанство настоятельную потребность въ писанныхъ законахъ, видно изъ отвѣтовъ папы Николая царю Борису, присланныхъ въ 866 году. Отсюда мы узнаемъ, что Болгаре просили о сообщеніи имъ свѣтскихъ законовъ (*leges vos mundanas postulare perhibetis*), и папа отправилъ имъ нужныя книги (*de mundana lege libros missis nostris dedimus*), въ которыхъ они могли найти указаніе на то, какъ слѣдуетъ поступать съ заговорщиками, замыслившими убить царя, съ убійцами, съ прелюбодѣемъ, пойманнымъ вмѣстѣ съ чужою женою, съ ворами, похищавшими чужой скотъ... Намъ нѣтъ нужды разсуждать о томъ, какую именно книгу отправилъ Болгарамъ папа ¹⁾. Во всякомъ случаѣ она содержала „почтеніе законы Римлянъ“ (*venegandae Romanorum leges*), какую-либо часть или же переработку Юстиніанова права, имѣвшую тогда авторитетъ на латинскомъ западѣ. Послы папы, однако, обязаны были принести съ собою назадъ ссуженныя имъ экземпляры требовавшихся законныхъ книгъ, такъ что едва ли удалось Болгарамъ изучить ихъ въ достаточной степени. Въ 870 году Болгарскій царь опять возвратился къ восточной православной церкви и къ союзу съ Константинопольскимъ патріархомъ. Вмѣсто недолговременнаго вліянія римскаго должно было снова вступить въ силу греческое. Если настоятельно ощущаемая потребность осталась не удовлетворенною, если вскорѣ послѣ 870 года пришлось обратиться къ источникамъ греческаго законодательства, то развѣ было что другое болѣе близкое и сподручное, кромѣ Эклоги Льва и Константина? Прохиронъ императора Василия появился только между 870 и 879 годами.

¹⁾ Этотъ вопросъ, между прочимъ, обсуждается въ книгѣ проф. Боттиччи: *Pisani Zakoni na Slovënskom Jugu* (U Zagrebu, 1872), стр. 12—13.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи,
разсматриваемой въ связи съ напѣ-
вами. (Продолженіе). С. Шафранова.

О нѣкоторыхъ славянскихъ и по славянски
писанныхъ рукописяхъ, хранящихся
въ Лондонѣ и Оксфордѣ Ѳ. Успенскаго.

Законодательство иконоборцевъ (Окончаніе). В. Г. Васильевскаго.

Римская литература при Калигулѣ, Клавдіѣ
и Неронѣ. В. И. Модестова.

Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго
времени. Л. Н. Майкова.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго
Общества. Т. XXIII. Н. И.

Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ
заведеній. Составилъ С. Рождественскій. При-
мѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ
VI класса гимназій. И. Тихомирова.

О дѣленіи классовъ въ начальныхъ шко-
лахъ на группы В. Вахтерова.

Отчетъ о двадцати первомъ присужденіи
наградъ графа Уварова.

Новыя ученныя работы о феодализмѣ въ
Италіи П. Виноградова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты; б) институты; в) низшія учи-
лища.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИКОНОБОРЦЕВЪ ¹⁾.

IV.

Уставъ о земскихъ дѣлахъ.

Во многихъ, притомъ наиболѣе древнихъ, рукописяхъ Эклога Льва и Константина является съ разнаго рода дополнительными приложеніями, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣетъ такъ называемый „земледѣльческій законъ“ (νόμος γεωργικός и во множ. νόμοι γεωργικοί). Какъ бы по наслѣдству, это приложеніе переходитъ къ другимъ позднѣйшимъ руководствамъ и ручнымъ книгамъ, предназначавшимся замѣнять осужденное произведеніе еретическихъ государей. Прохиронъ и Эпанагога Василии Македонянина, а равно и частныя переработки официальныхъ законниковъ, въ особенности такъ называемый „Шестикнижникъ“ Арменопула (XIV в.), нерѣдко украшаются прибавкою земледѣльческаго закона, обыкновенно приписываемого здѣсь Юстиніану. Уже въ Ватиканскомъ сборникѣ X вѣка законы императоровъ Льва и Константина, Василии и Александра сопровождаются крестьянскимъ уставомъ, какъ мы можемъ иначе называть νόμος γεωργικός (leges rusticae, agrariae) ²⁾. Изъ пяти сборниковъ Московской синодальной библіотеки, содержащихъ въ себѣ этотъ уставъ, въ двухъ онъ слѣдуетъ за Шестикнижникомъ Арменопула; въ самомъ древнемъ, относимомъ къ XI или XII вѣку, имѣетъ впереди

¹⁾ Окончаніе. См. октябрьскую книжку Ж. М. Н. Просв. за текущій годъ.

²⁾ Recensio manuscriptorum codicum, qui ex universa bibliotheca Vaticana selecti. procuratoribus Gallorum jure belli—traditi fuerе (Lipsiae, 1803), pag. 70 № 1168.

„Избраніе отъ закона, Богомъ даннаго Израильтяномъ Моисеемъ“ (Ἐκλογὴ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ Μοϋσεως δοθέντος νόμου), известное по печатной Коричей и находящееся также въ сейчасъ упомянутой Ватиканской рукописи ¹⁾. Не приводимъ указаній на кодексы Парижской, Оксфордской и другихъ библиотекъ; свѣдѣнія о нихъ можно найти въ сочиненіяхъ Цахаріа, Геймбаха и Мортрейля (Mortreuil, Histoire du droit Byzantin). Замѣтимъ только, что крестьянскій уставъ вошелъ уже въ самый составъ Эклоги, измѣненной по Прохирону (Ecloga ad Prochiron mutata), и образуетъ въ пей титулы XXIV-й и XXV-й, удѣливъ не малое число статей и для смежныхъ титуловъ.

Крестьянскій уставъ является въ различныхъ редакціяхъ или изводахъ, смотря по тому, при какомъ юридическомъ памятникѣ онъ находится. До сихъ поръ въ печати существуетъ только самая младшая редакція, именно та, которую Арменопулъ присоединилъ къ своему руководству. Здѣсь Земледѣльческій законъ раздѣляется на титулы (пятнадцать въ изданіи Леуноклавіа, десять въ новомъ изданіи Геймбаха) и содержитъ въ себѣ 97 статей, не считая предисловія (praefatio), состоящаго изъ 6 параграфовъ. О древнѣйшей редакціи мы знаемъ, что она вовсе не имѣетъ раздѣленія на титулы и состоитъ только изъ 83 статей, расположенныхъ совершенно въ другомъ порядкѣ, чѣмъ у Арменопула, притомъ съ значительными отступленіями въ самомъ ихъ текстѣ. Статьи, шлюющіяся въ изданіяхъ Арменопула позднѣйшими прибавками или вставками, суть слѣдующія (по изданію Геймбаха, Const. Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblos. Lipsiae, 1851): tit. A' § 17. tit. Δ' §§ 2 и 8. tit. E' § 3 tit. Στ. § 6 и 7. tit. Z' §§ 5 и 6. tit. Η'. § 6. tit. I. §§ 2, 3, 5, 10, 11, ²⁾.

Въ надписаніяхъ, которыя прилагаются въ рукописяхъ крестьянскому уставу, онъ нерѣдко называется „земледѣльческимъ закономъ Юстиніана“ (νόμος γεωργικὸς Ἰουστινιάνου), и подобнымъ же оглавленіемъ онъ обнаруживаетъ свое присутствіе въ „Эклогѣ измѣненной по Прохирону“, гдѣ двадцать-пятый титулъ обозначается слѣдующимъ обра-

¹⁾ *Matthaei*, Codicum graec. bibliothec. Mosquens. notitia (Lipsiae, 1805), p. II. №№ XLI, XLIV, XXXVIII. Два остальные кодекса (№№ LI; LVI) принадлежатъ XV и XVI столѣтіямъ; послѣдній замѣчательнъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ и Эклогу въ 18-ти титулахъ.

²⁾ По свидѣтельству Цахаріа, у котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, предисловіе (προοίμιον), а равно и раздѣленіе на обозначенные численіемъ титулы, находятся не во всѣхъ рукописяхъ Шестиннижнина и не во всѣхъ изданіяхъ земледѣльческаго закона.

зомъ: „О земледѣльцахъ — царя Юстиніана“ (περί γεωργῶν Ἰουστινιάνου τοῦ βασιλέως). На основаніи этого надписанія прежде полагали, что изданіе „земледѣльческаго закона“ принадлежит ближнему по времени предшественнику иконоборцевъ, печальной и трагической памяти Юстиніану II Ринотмету (685—695 и 705—711 гг.). Но есть другія нѣсколько полнѣйшія заглавія, которыя представляютъ дѣло въ иномъ видѣ. Въ нихъ указывается только на происхожденіе крестьянскаго устава изъ Юстиніановыхъ книгъ путемъ выбора, то-есть, извлеченія, при чемъ, конечно, разумѣется законодательство Юстиніана I-го¹⁾. Однако, и на этомъ указаніи нельзя остановиться. Только не многія статьи устава могутъ быть возведены къ Юстиніановымъ книгамъ, какъ своему источнику; большая часть ихъ даетъ совершенно новое право, такъ что считать земледѣльческій законъ простою компиляціей изъ древнѣйшихъ источниковъ представляется невозможнымъ.

Такимъ образомъ мнѣніе, которое долго было общепринятымъ, что земледѣльческій законъ есть *частная компиляція* какого-нибудь юриста VIII или IX вѣка, оказывается не соответствующимъ содержанию нашего памятника. Оно не соответствуетъ также и его стилю, такъ какъ въ немъ постоянно господствуетъ повелѣвающий законодательный способъ выраженія, указывающій на официальное происхожденіе. Если же поставить вопросъ о времени, когда могъ быть изданъ новый крестьянскій уставъ, то предположеніе о VIII вѣкѣ, основанное на томъ, что онъ въ рукописяхъ часто образуетъ составную часть древняго приложенія въ Эклогѣ (Appendix Esclgae),²⁾ нужно признать имѣющимъ весьма большую вѣроятность. Вѣроятность эта приобретаетъ степень совершенной достовѣрности, если мы обратимъ вниманіе на внутреннее и внѣшнее родство Земледѣльческаго закона съ Эклогою Льва и Константина. Наказанія, которыми угрожаетъ Земледѣльческій законъ, не только тѣ же самыя, что и въ Эклогѣ, но и описываются они тѣми же самыми выраженіями. Терминъ, употребляемый для обозначенія судей, и самое обращеніе къ нимъ (τηρείτωσαν οἱ ἀρχοὶ αὐτοῖς, да разсудятъ послуси), встрѣчаются одинаково въ Эклогѣ (V, 5. X, I. XVII, 47) и въ Земледѣльческомъ законѣ (1 § 9 и др.). Постановленіе Земледѣльческаго закона о различномъ вознагражденіи за вола или осла, смотря по тому—

¹⁾ Эти заглавія весьма разнообразны; наиболее краткія: «νόμος γεωργικός κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῶν Ἰουστινιανῶν βιβλίων». «Νόμος γεωργικὸς κατ' ἐκλογὴν τῆς θείας λήξεως Ἰουστινιανῶν βασιλέως» и т. п.

палъ ли онъ на той работѣ, для которой былъ выпрошенъ у хозяина, или на другой (§ 18), совершенно аналогично съ известнымъ намъ правиломъ Эклоги о чужомъ конѣ. Постановленія Эклоги о поджогахъ или порубкахъ чужаго лѣса и о поджогахъ въ городѣ (XVII, 40, 41) совершенно соотвѣтствуютъ статьямъ крестьянскаго устава о поджогахъ чужаго тростника, деревьевъ или гумна и сноповъ (VIII, 2 и 4). Въ крестьянскомъ уставѣ пастуху назначается различное наказаніе, смотря по тому—какимъ орудіемъ онъ убилъ или ослѣпилъ известное животное изъ своего стада (III, 7); подобное же различіе орудій убійства въ Эклогѣ принимается въ отношеніи къ убійству челоуѣка (XVII, 47). Эклога и Земледѣльскій законъ иногда восполняютъ себя взаимно самымъ яснымъ образомъ. Въ Эклогѣ предвидится тотъ случай, когда быкъ или баранъ будетъ убитъ въ дракѣ съ соотвѣтствующею скотиною другаго хозяина (XVII, 9), а также предусматриваются случаи угона чужаго стада (*ibid.* 13); но только въ Земледѣльскомъ законѣ находится постановленіе, что если кто найдетъ въ лѣсной чащѣ вола, и зарѣзавъ его, возьметъ себѣ его мясо, то подвергнется отсѣченію рукъ (VI, 4). Нѣкоторые случаи разногласія между Земледѣльскимъ закономъ, и Эклогою (XVII, 11, 13; ср. *Leg. rust.* II, 1—7) объясняются какъ особенности крестьянскаго права. Все приводитъ насъ къ тому заключенію, что Земледѣльскій законъ изданъ или современно съ Эклогою Льва и Константина; или же немного послѣ, и во всякомъ случаѣ долженъ считаться памятникомъ Исаврійскаго иконоборческаго законодательства.

По своему содержанію „*νόμος γεωργικός*“ можетъ быть характеризованъ какъ земское полицейское уложеніе. Онъ главнымъ образомъ занимается разнаго рода кражами: лѣса, полевыхъ и садовыхъ плодовъ и т. п., проступками и недосмотрами пастуховъ, поврежденіями животныхъ и отъ животныхъ—въ родѣ потравы и т. д., и здѣсь частію повторяетъ съ большими или меньшими измѣненіями опредѣленія Юстиніанова права (*interdictum de arboribus caedendis*), частію вводитъ свои собственныя новыя правила. Сверхъ того, здѣсь и тамъ, а главнымъ образомъ въ началѣ выставляются такія положенія, которыя совершенно справедливо могутъ быть счтены принципіальными нововведеніями, созданіемъ особеннаго и своеобразнаго крестьянскаго права и открываютъ намъ весьма драгоцѣнный и совершенно не ожидаемый просвѣтъ на положеніе земледѣльческаго класса въ VIII вѣкѣ по Р. Х.

Первое, что бросается въ глаза при изученіи данныхъ, находя-

щихся въ Земледѣльческомъ законѣ, есть совершенное отсутствіе всякихъ указаній на колонатъ, или другими словами, на крѣпостное право, господствовавшее въ Римской имперіи отъ временъ Константина Великаго до Юстиніана. Знаменитое установленіе, созданное государственнымъ гениемъ Римскаго народа уже въ періодъ упадка, но можетъ быть, послужившее орудіемъ величайшаго прогресса въ исторіи человѣчества, если мы признаемъ, что оно возникло не только въ замѣну рабства-невольничества, но даже изъ нѣдръ его, установленіе, переданное потомъ въ нѣслѣдство новому западно-европейскому міру, совершенно, по видимому, исчезло въ имперіи, справедливо почитавшей себя прямою преемницею стараго Рима ¹⁾. О колонахъ, адскрипціяхъ (*adscriptitii*, *ἀναγράφτοι*), вообще о прикрѣпленіи къ землѣ нигдѣ въ Законѣ земледѣльческомъ нѣтъ рѣчи; точно также ничего не знаетъ крестьянскій уставъ иконоборцевъ и о патронатѣ (*patrocinium*) крупныхъ землевладѣльцевъ, что служило почти только другимъ выраженіемъ для обозначенія того же самаго отношенія. Существуютъ, конечно, крестьяне, обрабатывающіе не свои участки, а земли крупныхъ землевладѣльцевъ, но все показываетъ, что они не крѣпки землѣ и обладаютъ правомъ свободного перехода. Если сбѣжать съ своего участка крестьянинъ, то ему угрожаетъ не насильственное водвореніе на прежнее жительство, а совершенно инаго рода невыгоды ²⁾. Если крестьянинъ, снявшій для обработки участки земли у землевладѣльца, броситъ его, не докончивъ своего

¹⁾ Въ высшей степени интересный и важный вопросъ о происхожденіи колоната едва ли можетъ почитаться окончательно разрѣшеннымъ, не смотря на появленіе новаго изслѣдованія, специально посвященнаго этому вопросу: (*Die Entstehung des Colonats*, Von B. Heisterbergk. Leipzig, 1876). Все, что новый изслѣдователь говоритъ противъ теоріи, производившей колонатъ отъ *германскихъ поселеній* на Римской почвѣ (*Capitulanten-theorie*), можетъ быть признано совершенно вѣрнымъ. Но мы вовсе не находимъ, чтобы д-ръ Гейстербергъ успѣлъ окончательно устранить теорію Родбертуса, развитую съ такимъ знаніемъ и блескомъ въ его статьяхъ, помѣщавшихся въ журналъ В. Гмидебранда (*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*) за 1864 годъ (*Zur Geschichte agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern oder die Adscriptitii, Inquilinen und Colonen*). По второй теоріи, положеніе которой здѣсь заведомо бы насъ слишкомъ далеко и потому должно быть оставлено до другаго удобнаго случая, римскіе свободные люди, прикрѣпленные къ землѣ и обязанные извѣстными повинностями къ государству и землевладѣльцу (=колоны), ведутъ свою родословную отъ прежнихъ рабовъ-невольниковъ классической древности.

²⁾ Leg. rust., I, 13, 14; ср. Zachariae, Geschichte, pag. 238, 241 и здѣсь ниже.

дѣла, то онъ обязывается закономъ только вознаградить господина за нанесенный ему ущербъ. Если крестьянинъ безъ вѣдома землевладельца распашетъ или засѣетъ на его землѣ участки земли, то хозяинъ можетъ согнать его безъ всякаго вознагражденія ¹⁾. Правильнымъ образомъ крестьяне могутъ пользоваться чужою землею только на основаніи прямой передачи (*ἐκδοσις*) или на основаніи молчаливой терпимости землевладельца (*τοῦ χωροδότου*). Въ первомъ случаѣ отношенія крестьянина къ господину и количество платимаго имъ оброка или аренды опредѣлялись, конечно, самыми условіями передачи. Въ нѣсколько позднѣйшихъ источникахъ этотъ оброкъ называется „договоромъ“ (*πάκτων*: *Psira* XV, 2), или же, какъ въ урбарныхъ описяхъ латинскаго времени, *appactuations* ²⁾. Но другой случай, кажется, былъ самымъ распространеннымъ, то-есть, крестьяне чаще всего сажались на чужой землѣ только съ невысказаннаго согласія владѣльца: въ этомъ случаѣ крестьяне платили свою дань извѣстнымъ процентомъ съ своей жатвы. Отъ стараго названія этой дани—морта (*μόρτη*) сами крестьяне такого рода назывались морти-тами (*μортиταις*, по новогречески: *ἐμортиάρης* или *ἐπιμورتος*). Относительно мортитовъ земледѣльческій законъ содержитъ слѣдующее весьма любопытное постановленіе, которое мы приводимъ съ начала по Уставу о земскихъ дѣлахъ, носящему имя Ярослава Мудраго. „Десятина нипи: сѣявшему девять сноповъ, а имѣющему землю десятый спопъ. Аще ли кто ипакъ раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ“. *Μορτίτου μέρος δεκάτια θ'.* *χωροδότου μέρος δεκάτιον ἐν.* „О δὲ ἐκτός τοῦτων μάρτιόμενος θεοκατάρατος. (Часть мортита—девять сноповъ, часть землевладельца—одинъ спопъ и т. д.) Отсюда видно, что подать, именуемая мортою, равняется простой десятинѣ, какъ это подтверждается документами позднѣйшаго времени. Сверхъ того, приведенное нами постановленіе, очевидно, основывается на Моисеевомъ законѣ (Левитъ XXVII, 30 или Числь XVIII, 21), что становится болѣе понятнымъ, когда мы припомнимъ, кому главнымъ образомъ принадлежали въ средній вѣкъ недвижимыя поземельныя имущества. До Константина Копронима, стремившагося совсѣмъ уничтожить монастыри и конфисковавшаго въ пользу казны ихъ земли, большая часть удобной для

¹⁾ *Leg. rust.*, I, 11, 2, 7; *Zachariae*, *Gesch.*, pag. 240, Anmerk. 841 и здѣсь ниже.

²⁾ *Buchon*, *Nouvelles recherches sur la princ. franc. de la Morée*, I, p. 419, II, pag. 55, 74, 245; *Tafel und Thomas*, *Urkunden*, II, 208.

сельскаго хозяйства территоріи на востокѣ находилась въ рукахъ церкви, точно такъ, какъ то же самое было на западѣ до временъ Карла Мартела, проводившаго свою секуляризацию параллельно съ иѣрами иконоборцевъ и едва ли безъ всякаго вліянія со стороны византійскаго движенія.... Однако, простая десятина за пользованіе чужою землею должна показаться тѣмъ болѣе низкою платою, что, какъ мы далѣе увидимъ, рядомъ существовалъ другой обычай — отдачи земли, изъ—полу. Какъ можно было ожидать, что помѣщикъ отдастъ свою землю мортитамъ за десятину жатвы, когда ему представлялась другая возможность вступить въ договоръ съ половникомъ? Сомнѣніе это уже давно разрѣшалось предположеніемъ, что половниковъ было не довольно, и указаніемъ на то, что половникъ обыкновенно заключалъ свой договоръ только на одинъ годъ, а слѣдовательно, только мортить или десятинникъ могъ обезпечить постоянную обработку земли. Цахаріэ прежде считалъ такіа объясненія недостаточными и думалъ, что мортить, кромѣ десятины собственнику земли, долженъ былъ износить за себя и всѣ общественныя подати, между тѣмъ какъ половникъ, приписанный участокъ только на короткій срокъ отъ посѣва до жатвы, уже поэтому не могъ быть обязанъ уплатою поземельной подати. Но теперь, въ новомъ изданіи своей Исторіи Греко-Римскаго права, Цахаріэ тоже отказался отъ своего первоначальнаго объясненія, которое онъ придумалъ для загадочной десятины. Онъ полагаетъ теперь, что въ тѣмъ безпокойныя времена, особенно тяжелыя для земледѣльческаго класса, большимъ землевладѣльцамъ, которые не могли сами хозяйничать на своихъ владѣніяхъ и только развѣ отчасти могли хозяйничать чрезъ управителей, и въ самомъ дѣлѣ трудно было бы найти крестьянъ, которые согласились бы на иныхъ условіяхъ и на болѣе долгій срокъ обрабатывать ихъ земли. Помѣщикамъ по неволѣ приходилось считать себя счастливыми, когда находился, кто-нибудь, бравшійся хотя бы за своевольную и случайную обработку ихъ полей. Можетъ быть, пониженіе до простой десятины той дани, которая прежде все-таки составляла болѣе широкій процентъ, именно простиралась до шестаго снопа ¹⁾, послѣдовало въ

¹⁾ *De Cange*, Glossarium graecit. sub v. μόρτη. Здѣсь приводится мѣсто изъ комментарій Евстазія Солунскаго къ Одиссеѣ, которое гласитъ, что морта есть народное выраженіе, что оно означало шестую часть плодовъ, которая давалась эвтиморіямъ: Евстазіи даѣтъ при этомъ ссылку на какой-то анонимный риторическій словарь.

земледѣльческомъ законѣ именно въ видахъ поощренія къ воздѣлыванію въ пустѣ лежащихъ полей. Впрочемъ, въ крестьянскомъ уставѣ разныхъ редакцій находится указаніе на то, что такой порядокъ не правился землевладѣльцамъ и что они принимали мѣры къ его измѣненію—вѣроятно, вскорѣ послѣ иконоборческой эпохи. Еще въ очень древнихъ рукописяхъ нашего памятника помѣщается въ концѣ въ старинномъ извлеченіи эдиктъ префекта Зотика, изданный въ 512 году и воспрещающій приемъ чужихъ крестьянъ ¹⁾, а въ новѣйшихъ изводахъ это приложение входитъ уже во внутренній составъ Земледѣльческаго закона (Leg. rust. 1, 17). Соответственно съ возможностью свободного перехода на сторонѣ крестьянъ, за землевладѣльцами, конечно, признавалось право во всякое время удалить ихъ со своей земли. Однако, существовало, по видимому, такое правило, что помѣщикъ не могъ согнать крестьянина съ участка, на которомъ тотъ сидѣлъ въ продолженіе тридцати лѣтъ: въ этомъ случаѣ въ пользу крестьянина начинала дѣйствовать давность. Вѣроятно, этою давностію объясняется та статья Эклоги, которая запрещаетъ отдавать въ наемъ (аренду) государственныя, императорскія и церковныя земли болѣе чѣмъ на 29 лѣтъ, дабы право свободного распоряженія оставалось неограниченнымъ и не стѣсненнымъ.

Помимо крестьянъ, обрабатывающихъ чужую землю, Земледѣльческій законъ впасть также и крестьянъ собственниковъ. Что для насъ особенно важно и что составляетъ вторую любопытную и характеристичную черту нашего памятника, онъ содержитъ несомнѣнныя указанія на общинное устройство и общинное землевладѣніе, какъ принадлежность быта свободныхъ земледѣльцевъ. Вся земля, исключая усадебной и находящейся подъ садами, разсматривается, какъ собственность цѣлой общины (κοινότης τοῦ χωρίου); члены ея (χωρίται) въ отношеніи пользованія суть какъ бы члены товарищества (κοινωνοὶ = socii), что впрочемъ вовсе не исключаетъ фактическаго отдѣльнаго пользованія ²⁾. Когда житель извѣстнаго поселенія найдетъ подходящее для себя мѣсто внутри общинной земли и построятъ на немъ

¹⁾ Эдиктъ изданъ Цезаріемъ въ его *Ἀνέκδοτα*, pag. 275: Μηδεὶς ἀλλότριον ὑποδείξω γεωργόν. εἰ δὲ ὑποδείξηται ἀποδιδότω αὐτὸν τῷ χωρίῳ, ὃ καταλείπει, καὶ εἰ τινα λόγον ἔχει περὶ αὐτοῦ ἢ αὐτὸς ὁ ὑποδείξας ἢ ὁ πρὸς τὸ χωρίον ἐπαναχθεὶς, τοῦτ' ἐκχερήστω παρὰ τῷ ἀρχόντι. Εἰ δὲ παραβῇ, δίδωτω τῷ ταμίῳ ἢ λίτρας ἀργύρου, διπλασίας δὲ τῷ κορίῳ τοῦ χωρίου, καὶ οὕτως ὑπὸ τοῦ ἀρχόντος ἀναγκάζομενος ἀποδοῦναι τὸν γεωργόν, μετὰ τοῦ rescutivou καὶ πάσης ζημίας καὶ βλάβης.

²⁾ Leges rusticæ, VII, 1: 'Εὰν δένδρον ἀνατραφῇ ὑπὸ τινος ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ.

мельнику, то остальные члены общины не только могут объявить свои притязанія на мѣсто, какъ принадлежащее всей общинѣ, но даже имѣютъ право, возмѣстивъ издержки, сдѣлаться совладѣтелями (κοινοῦοι) въ самой мельницѣ ¹⁾. Впрочемъ, всегда есть возможность предложить дѣлежъ общинной земли, что называется μερίσμός или μερίσις. Каждый получаетъ тогда свой участокъ (μερίς, σαρφίον), свое мѣсто (τόπος), дѣлается самостоятельнымъ господиномъ (κύριος или δεσπότης) того куска земли, поля или виноградника, который выпалъ на его долю. Нужно думать, что пастбища, служащія выгономъ для скота, оставались все-таки въ общинномъ владѣнн. Принципъ дѣленія остается неяснымъ въ крестьянскомъ уставѣ, а позднѣйшіе источники допускаютъ толкованія какъ въ пользу равенства участковъ, такъ и въ пользу соразмѣрности ихъ съ тою долей участія въ платимыхъ всею общиною податяхъ, которая до тѣхъ поръ лежала на каждомъ отдѣльномъ членѣ ²⁾. Дѣлежъ можетъ быть признанъ неправильнымъ и отмененъ, если при этомъ потерпѣлъ одинъ изъ членовъ общины ³⁾. Своимъ участкомъ крестьянинъ или пользуется самъ, обрабатывая его съ помощію рабовъ, или отдаетъ другимъ свои отдѣльныя поля или свой виноградникъ—для обработки нѣз-полу, что представляется обычнымъ явленіемъ. Такой половникъ называется ἡμισιαστής (а въ новогреческомъ μεσσηχάρης (ἡ)μισσαρχός). Какъ полный хозяинъ своего участка, крестьянинъ всегда можетъ воспротивиться вторженію третьяго посторонняго лица въ его долю. Но если онъ допустилъ, что кто-либо другой разработалъ его заросшую лѣсомъ землю (ἐνὸς ὧρας), то онъ долженъ дозволить этому постороннему пользоваться плодами его трудовъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и только по истеченіи ихъ можетъ потребовать возвращенія своего земельного участка ⁴⁾. Если хозяинъ находится въ отсутствіи, и кто-нибудь выстроится на его землѣ или разведетъ на ней свой виноградникъ, то по возвращеніи своимъ прежній владѣлецъ долженъ примириться съ тѣмъ, что случилось, если ему предложенъ будетъ эквивалентъ или соразмѣрное вознагражденіе въ видѣ таковаго же поземельнаго участка (ἀντιτόπις) ⁵⁾. Что ка-

¹⁾ Leg. rustic., X, 6; ср. Ecloga at Prochiron. mutata XXV, 20 и 21.

²⁾ Zachariæ, Gesch. pag. 237. Πείρα XXXVII, 1. 2 и Sententia Cosmae in *Leimiclav. Ius Graecorum*. II, 167.

³⁾ Leg. rustic., I, 8; ср. Sententia Cosmae magistri.

⁴⁾ Leg. rust., I, 12.

⁵⁾ Leg. rust., X, 1, 4.

сается общественныхъ податей, то само собою разумѣется, пока общинная земля еще не поступала въ раздѣлъ, онѣ вносились всею общиною; но и послѣ раздѣла отвѣтственность за всю совокупность податей лежала на всѣхъ вмѣстѣ ¹⁾. Такимъ образомъ все-таки оставалось то юридическое воззрѣніе, что земля, принадлежащая известной совокупности членовъ, составляющихъ общину, есть общая ихъ собственность, и что отдѣльное владѣніе не уничтожаетъ первоначальнаго принципа общинности. Взглядъ этотъ остался господствующимъ и въ позднѣйшемъ византійскомъ правѣ. Сотни лѣтъ послѣ нашей эпохи все еще говорится объ „сельскомъ мирѣ“ (*οἰκιστικῶν χωρίων*) и о „сельскихъ общинахъ“ (*ἀνατοικιστικὰ χωρία* или *κλήτηα*), и остается въ силѣ то вытекающее изъ названнаго принципа правило, что общинная земля не можетъ быть разсматриваема какъ имѣніе, лишенное хозяина, пока остается на лицѣ хотя одинъ крестьянинъ (*χωρίτης*), и что участокъ, сдѣлавшійся празднымъ, то-есть, безгосподнымъ, достается общинникамъ (*συχωρίταις*). въ известномъ отношеніи къ ихъ участию во вносѣ общей подати ²⁾.

Если теперь поставить вопросъ, откуда появились въ Византійскомъ государствѣ и въ византійскомъ общественномъ устройствѣ такія совершенно новыя начала, какъ свобода крестьянскаго перехода и общинное владѣніе землею, то уже на первый взглядъ представляется болѣе правдоподобнымъ, что оба эти принципа находятся между собою во внутренней связи и соединены не одною только хронологическою одновременностію проявленія. Въ такомъ случаѣ, едва ли даже одну минуту можно останавливаться на теоріи фискальнаго происхожденія общиннаго землевладѣнія, которая уже выставилась въ видѣ, конечно, простаго предположенія самимъ Цахаріемъ. Возможно, говорить онъ, — что воззрѣніе о коллективномъ правѣ собственности на общинную землю всѣхъ живущихъ на ней образовалось совершенно простымъ образомъ изъ фискальнаго правила, по которому каждый членъ общины отвѣчаетъ за исправное поступленіе подати, слѣдующей со всей общинной земли: правило это очень легко могло привести къ теоріи, что собственно и первоначально

¹⁾ Leg. rustic., I, 13, 14. См. объясненіе этихъ статей у Цахарія, *Geach*, pag. 238, Anmerk. 837 и здѣсь ниже.

²⁾ См. новеллы императоровъ Романа Лекапина и Константина Вагринороднаго (935 и 947 годовъ); *Zachariae*, Jus Graecogot., III, 243, 252; ср. pagg. 284, 315; *Πείρα*, IX, 9, XV, 10, XXXV, 11, 2.

каждый имѣть извѣстныя права по отношенію ко всей этой землѣ. Однако, римскіе куріалы очень долго страдали вслѣдствіе подобнаго принципа „круговой“ отвѣтственности, а не пришли къ воззрѣніямъ, противорѣчившимъ складу греко-римскаго общественнаго и юридическаго быта. А главное—возможно ли, чтобы законодатель возлагалъ на общину отвѣтственность за исправное поступленіе поземельныхъ податей и въ то же время давалъ ей членамъ право переходить съ одного мѣста, на другое? Освобожденіе крестьянъ отъ патроната, крупныхъ землевладѣльцевъ, конечно, могло быть декретировано императорскимъ постановленіемъ; но, весьма невѣроятно, чтобы во время всеобщей неустойчивости населенія, бывшей послѣдствіемъ славянскихъ передвиженій, какой-либо законодатель, обладающій здравымъ смысломъ, рѣшился провозгласить и съ своей стороны, притомъ, безъ всякаго принужденія, что всякій можетъ искать себѣ кровъ и дѣду, гдѣ онъ хочетъ. Совершенно иное дѣло, если мы предположимъ, что законъ не предшествовалъ этнографическому и вмѣстѣ социальному переселенію, а послѣдовалъ за нимъ, и только призналъ то, что уже существовало въ жизни. Второе возможное объясненіе, которое также представлялось знаменитому историку греко-римскаго права, несравненно вѣроятнѣе. Съ первой половины VII вѣка по Р. Х. цѣлыя массы славянскихъ народностей вступаютъ въ предѣлы имперіи и занимаютъ здѣсь опустошенныя ихъ предшественниками области; равнымъ образомъ цѣлыя толпы изгнаннаго туземнаго населенія должны были сообща искать себѣ убѣжища въ другихъ областяхъ. Здѣсь лежитъ начало свободы крестьянскихъ переходовъ и здѣсь же, безъ сомнѣнія, кроется источникъ новыхъ воззрѣній на способъ владѣнія землею. Еще въ X вѣкѣ славянскія поселенія Сагудатовъ и Дреговичей около Солуны, сохраняли, судя по описанію Каменіаты, свою старинную общинную организацію¹⁾. Мы имѣемъ полное право предполагать, что именно для новаго славянскаго населенія имперіи и назначался преимущественно тотъ уставъ, который болѣе соответствовалъ его воззрѣніямъ, быту и привычкамъ, чѣмъ традиции строгаго римскаго права о личной собственности и позднѣйшія установленія Римской имперіи въ родѣ колоната или прикрѣпленія къ землѣ.

Уставъ, явившійся на свѣтъ не безъ славянскаго вліянія, не дол-

¹⁾ Cameniat, in Theophan continuat., p. 495; ср. Irsček, Gesch. der Bulgar. pag. 410.

женъ былъ оставаться совершенно чуждымъ славянскому языку и въ позднѣйшія времена. Мы переходимъ къ славянскимъ переработкамъ и переводамъ Земледѣльческаго закона. Прежде всего предстоитъ намъ сказать нѣсколько словъ о небольшомъ сербскомъ сборникѣ законодательныхъ статей, обыкновенно встрѣчающемся въ рукописяхъ вмѣстѣ съ Номоканономъ и Законникомъ Стефана Душана (впередѣ послѣдняго) и носящемъ слѣдующее заглавіе: „благовѣрный и христілюбиваго цара Иустиніана законъ“. Этотъ сборникъ, имѣющій двѣ рецензіи краткую и болѣе пространную, — въ первой болѣе древней, состоящей изъ 33 статей, раздѣляется на слѣдующія обозначенныя особыми надписями рубрики: 1) о записаніи, 2) о блудѣ, 3) о продажіи и купленіи законъ, 4) о виноградѣхъ и нивахъ, 5) законъ дѣлательскій, 6) о залогахъ, 7) о кражѣ (кражѣ) законъ, 8) о повтореніи законъ, 9) о женахъ, 10) о раздѣленіи земли, законъ ¹⁾. Общее надписаніе указываетъ источникъ любопытнаго сборника, предпачавшагося служить дополненіемъ Душанову законнику, въ Юстиніановомъ правѣ. Въ самомъ дѣлѣ, постановленія, находящіеся въ первомъ отдѣлѣ, оттуда ведутъ свое начало, хотя и не всѣ, и не прямымъ, непосредственнымъ образомъ, такъ какъ матеріалъ, почерпнутый въ Юстиніановыхъ книгахъ, подвергся переработкѣ въ духѣ позднѣйшаго времени. Составитель сборника, конечно, относилъ свое надписаніе не къ одному только первому отдѣлу, но желалъ освѣтить авторитетомъ великаго римскаго законодателя цѣлую свою компиляцію. Тѣмъ не менѣе, въ сборникѣ обнаруживается присутствіе нѣкоторыхъ статей изъ Эклоги Льва и Константина; болѣе десяти постановленій заимствовано изъ Земледѣльческаго закона (весь пятый отдѣлъ и весь четвертый), и наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ довольно важное постановленіе о правѣ выкупа взято изъ новеллы Константина Багрянороднаго 922 года. Статьи, взятія изъ Эклоги (28, 31), касаются одна кражи въ церкви (ср. Ecloga, XVII, 15), другая — наслѣдства жены послѣ мужа (Ecloga, II, 4).

¹⁾ Краткая редакція напечатана въ видѣ приложения къ означенному въ заголовкѣ нашей статьи сочиненію Р. Губе, а также въ книгѣ г. Змиелъ (Законникъ цара Стефана Душана. С.-Пб., 1872), по списку, сообщенному В. И. Ламанскимъ. Болѣе подробная редакція, не представляющая, впрочемъ, особаго для насъ интереса, находится въ Сербскомъ манускриптѣ 1859. Изданіе принадлежитъ Георгіевичу.

Въ примѣръ того, какъ переведены греческія статьи Земледѣльческаго закона, мы приводимъ слѣдующій образецъ:

Εάν γεωργός πορτίτης θέριας ἀνευ γυναικὸς τοῦ χωροῦτόου, κορβαλίση τὰ δράματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἀλλοτριωθήσεται πάσης τῆς ἐπιχαρκίας αὐτοῦ.	Аще дѣлать раздѣлять своеіе де-сетное кромѣ воліе имоущаго шву и сноіе одиѣсетъ, да ѡтженетсе іако тать ѡтъ вѣсего плода нивнаго ¹⁾ .
---	--

Изъ разсмотрѣнія составныхъ частей сборника, являющагося, по видимому, мѣстной сербскою компиляціей изъ разныхъ византійскихъ источниковъ, вытекаетъ то заключеніе, что въ земляхъ сербскихъ не только привилось Юстиніаново право, но въ частности укоренились Эклога и Крестьянскій уставъ, что Эклога, отмѣненная въ своемъ дѣйствіи Василіемъ Македоняниномъ, все-таки могла сохранять въ Сербіи свое значеніе, какъ это доказываютъ взятія изъ нея статьи о наслѣдствѣ вдовъ, не вошедшія въ Прохиронъ и византійское право, но замѣненны тамъ возстановленными Юстиніановскими правилами. Этотъ послѣдній фактъ дорогъ тѣмъ, что онъ еще разъ указываетъ на особенное значеніе Эклоги для Славянскихъ племенъ. То явленіе, что постановленія новеллы 922 года вполне были приняты въ Сербіи, служитъ доказательствомъ непрерывнаго вліянія Византіи на юридическій бытъ сосѣднихъ Славянскихъ народовъ, не смотря на ихъ большую или меньшую независимость. Частое употребленіе греческихъ словъ (діатакси, прикіа, номикъ) въ сербскомъ „Законѣ Юстиніана“, обличающее крайнюю невыработанность собственнаго юридическаго языка, заставляетъ догадываться, что его текстъ появился на свѣтъ гораздо ранѣе XIV вѣка и эпохи Душанова Законника.

Переходимъ теперь къ тѣмъ слѣдамъ, которыя оставилъ νόμος γεωργικός въ древней русской письменности.

Первый слѣдъ мы находимъ въ такъ-называемой Ефремовской Кормчей (Синод., № 227), относимой теперь къ XI или XII вѣку (И. И. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XLIV, 66), и слѣдовательно, самой древней представительницѣ русскаго Номоканона. При ней находится перечень статей, вошедшихъ въ собраніе, переведенный съ греческаго извѣстнаго псалѣдователямъ текста (А. С. Павловъ, Первоначальный Номоканонъ; Voelli, Biblioth. juriz canon. 11, 793), но въ концѣ представляющій значительное къ нему дополненіе. Въ числѣ восьми статей, отмѣченныхъ въ этой послѣдней части перечня, находится, между прочимъ:

¹⁾ Въ изданіи Губе напечатаны en regard по сербски и по гречески всѣ статьи, заимствованныя изъ Земледѣльческаго устава.

24) Иоустиниана иже въ блаженной памяти царя законъ.

— Того же законъ морьскыи.

25) Василиа Костынтина и Льва благочестивныхъ царь законъ, и т. д. (остальные шесть статей духовнаго содержанія).

Къ сожалѣнію, порядокъ расположенія главъ въ самой книгѣ былъ не тотъ, какой въ перечнѣ; поименованныя нами статьи занимали въ Кормчей самое послѣднее мѣсто, если только онѣ въ ней когда-нибудь были, а въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ утрачены.

Такъ какъ дополненіе перечня не взято, по видимому, изъ греческаго подлинника, то все-таки нужно предполагать существованіе на славянскомъ языкѣ тѣхъ статей, на которыя въ немъ дѣлается указаніе. Но какія же это статьи?... Касательно закона царей Василиа, Копстантина и Льва не можетъ быть никакого сомнѣнія: это — Прохиронъ или Законъ градскій послѣдующихъ Кормчихъ. Труднѣе рѣшить, что разумѣлось подъ № 24-мъ...

Ефремовская Кормчая была переписываема въ позднѣйшее время. Соловецкая рукопись XV вѣка (Казанской духовной академіи) представляетъ почти совершенную съ нея копію, въ которой находится то, чего недостаетъ въ подлинникѣ; но опять-таки и въ Соловецкой Кормчей нѣтъ Іустиніанова особаго закона, равно какъ и морскаго закона. На этомъ основаніи А. С. Павловъ (Первоначальный Номоконъ, стр. 52) полагалъ, что слова перечня: „Иоустиніана царя законъ“ имѣли въ виду тѣ три новеллы Юстиніана, которыя въ Соловецкомъ спискѣ находятся подъ отдѣльными заглавіями и присутствуютъ также въ Ефремовской Кормчей, хотя безъ окончанія третьей новеллы. Очевидно, что такая догадка не можетъ быть признана основательною. Ни сами по себѣ, ни въ соединеніи съ 87-ю главами Іоанна Схоластика, новеллы никогда не называются закономъ, а постоянно — новыми заповѣдями. Притомъ, что еще важнѣе, Юстиніана Царя законъ стоитъ рядомъ съ морскимъ закономъ, приписываемымъ, по обыкновенію, тому же законодателю. Но морской законъ (νόμος ναυτικός) совсѣмъ не имѣетъ никакой связи съ новеллами, а напротивъ, однороденъ по своему происхожденію и по своему характеру съ Закономъ земледѣльческимъ. Мы уже видѣли, что Земледѣльскій законъ подписывается въ греческихъ спискахъ подлинника: „Законъ Юстиніана царя“, или какъ въ одномъ сборникѣ (№ XLIV по каталогу Маттеи) Синодальной бібліотеки: „Законы земледѣльскіе, по избранію изъ книгъ блаженной памяти (τῆς θαλασσης ἀρχαίας) Юстиніана

царя", то-есть, почти тѣми же словами, какія стоятъ въ перечнѣ Ефремовской Кормчей (ср. выше). Къ этому слѣдуетъ прибавить наблюдение, которое легко можетъ быть почерпнуто изъ любого каталога рукописей: Земледѣльческій законъ, вмѣстѣ съ морскимъ закономъ, нерѣдко встрѣчаются въ греческихъ сборникахъ каноническаго содержанія и при этомъ весьма часто стоятъ рядомъ¹⁾. Все это заставляетъ насъ думать, что въ перечнѣ Ефремовской Кормчей содержится указаніе на крестьянскій уставъ иконоборцевъ—въ той или другой его редакціи.

Но затѣмъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ объ интересующемъ насъ памятникѣ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Правда, мы теперь же можемъ сказать то, что уже было отчасти замѣчено другими: Уставъ о земскихъ дѣлахъ, приписываемый Ярославу Мудрому (такъ, въ изданіи Л. Максимовича, Указатель россійскихъ законовъ, т. II, 5. Москва, 1805) есть, въ сущности, тотъ же самый „Земледѣльческій законъ“ (νόμος γεωργικός), которымъ мы до сихъ поръ занимались. Напрасно нѣкоторые русскіе ученые полагаютъ, что земскій уставъ только отчасти, хотя и во многомъ, заимствованъ изъ византийскихъ источниковъ (Лешковъ, Русскій народъ и государство, стр. 161), или что онъ представляетъ извлеченіе изъ греческихъ сельскихъ законовъ (Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, II, 464). Земскій уставъ есть совершенный и буквальный переводъ съ греческаго и уже потому не можетъ быть приписываемъ Ярославу (какъ полагаетъ г. Лешковъ), не говоря о томъ, что новостъ его слога и свойство наказаній, опредѣляемыхъ въ немъ за различныя преступленія, не допускаютъ мысли о древнемъ русскомъ его происхожденіи. Несомнѣнно, что текстъ земскаго устава, изданный Максимовичемъ, носитъ всѣ признаки XVIII столѣтія, едва ли даже XVII. Можно было бы подумать, что онъ заимствованъ изъ рукописей Епифанія Славинецкаго, переведшаго на славянскій языкъ съ эллинскаго весь сборникъ Леуноклавія (см. Розенкампфъ, Обзоріе Кормчей). Однако, это предположеніе не оправдывается; земскій уставъ, приписываемый Ярославу, переведенъ съ иного греческаго извода, чѣмъ изданный Леуноклавіемъ, какъ это обнаруживается при первомъ же сличеніи системы и порядка статей въ томъ и другомъ.

¹⁾ См. напримѣръ, Catalog. cod. manuscr. Bibliothecae regiae, II, 303, и описаніе Водзеевой бібліотеки при изданіи Прохирона Цахаріа, pag. 316, 323; Matthaei, II, 319, № 38.

Опять нѣсколько иной и притомъ болѣе старинный видъ Устава земледѣльческаго представляютъ „древніе законы изъ Юстиніановыхъ книгъ“, изданные Семеномъ Башиловымъ, императорской академіи наукъ переводчикомъ, при Судебникѣ царя Ивана Васильевича (въ С.-Петербургѣ, 1768 г.). Здѣсь нашъ памятникъ напечатанъ по рукописи, подаренной въ 1746 г. Академіи наукъ Устюжской епархіи канцеляристомъ Поповымъ, писанной, по мнѣнію Башилова, въ прошедшемъ, то-есть, въ XVII вѣкѣ и содержавшей въ себѣ Судебникъ и рядомъ съ нимъ законы изъ Юстиніановыхъ книгъ. Последніе начинаются предисловіемъ, которое для насъ имѣетъ большой интересъ. „Предисловіе книгъ законныхъ, ниже годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ князьямъ...“ Затѣмъ слѣдуютъ текстъ предисловія, который мы приводимъ вполнѣ, на-ряду съ греческимъ подлинникомъ, дабы читатель имѣлъ предъ глазами образецъ и языка и перевода.

Господу и Спасу нашему Ісусу Христу рекшу: не судите на лица, но праведный судъ судите; — всякаго мздоимства оттужатся праведно. Писано бо есть: горе оправдающимъ почестиваго мзды ради и путь смиренныхъ отлучающаго, правду праведнаго възхищающихъ отъ него, ниже коренна яко персть будетъ, занеже закона Господня исполнити не възхотѣша; мзды бо и дарове ослѣпляютъ мудрыхъ очи. Отнюдуже таковаго севернаго прибытка отложение всячески творити тщимся отъ благочестивыхъ князевъ и славныхъ судивъ, и отъ всѣхъ, идеже коли пригодится расужати, праведными главизнами приимати, и всякому лицу праведный судъ дати, мзду отъ Бога чающе пріяти праведную, и не посулова дѣла правду презрѣти, да и не на насъ

Τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ, εἰρηκότος, μὴ κρίνετε κατ' ὄψιν, ἀλλὰ τὴν δικαίαν κρίσιν κρίνατε, πάσης δωροληψίας ἀπέχεσθαι δικαίον. γέγραπται γάρ οὐαὶ οἱ δίκαιοι, τὸν ἀσεβῆ ἔνεκα δώρων καὶ ὁδὸν ταπεινῶν ἐκκλίνοντες, τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου αἰρόντες ἀπ' αὐτοῦ, ὃν ἡ πίστις ὡς χοῦς ἔσται, καὶ τὸ ἄνθος αὐτῶν ὡς κομιρτός ἀναβήσεται, ἀνθ' ὧν τὸν νόμον κυρίου πληροῦν οὐκ ἐθέλησαν. ξάνια γὰρ καὶ δῶρα ἐκτυφλοῖ σφῶν ὀφθαλμούς. "Οθεν τῆς τοιαύτης αἰσχροκαρδίας ἀναστολὴν παντελῶς ποιῆσθαι σπουδάζοντες, ἐκ τοῦ εὐσεβοῦς ἡμῶν σακελλίου ὡρίσαμεν τῇ τε ἐνδοξοτάτῃ κοιαιστωρί, τοῖς ἀντιγραφῆσαι, καὶ πᾶσι τοῖς ἐπὶ τοῖς δικαστικαῖς κεφαλαῖσι καθυπουργοῦσι τοὺς μισθοὺς παρέχεσθαι, πρὸς τὸ ἐξ οἰουδήποτε προσώπου παρ' αὐτοῖς χρηνομένου μηδὲν αὐτοὺς λαμβάνειν τὸ σύνολον, ἵνα μὴ τὸ ὑπὸ τοῦ κρηφῆ-

тожественно по содержанію и по изложенію, въ исключеніемъ неpravильностей и подновленій языка, а также небрежностей редакціи въ изданіи Максимовича.

Башиловскій текстъ Земледѣльныхъ законовъ, хотя болѣе исправный и толковый, а въ то же время и болѣе древній, чѣмъ текстъ Устава о земскихъ дѣлахъ, все-таки еще слишкомъ новъ, чтобы мы могли приписать его Евремовской Кормчей, въ которой упоминается о Юстиніановомъ законѣ. Нужны были бы указанія на существованіе другихъ изводовъ, чтобы промежутокъ могъ быть признанъ выполненнымъ. Но такъ какъ славянскія рукописи не представляютъ, по видимому, никакихъ желательныхъ данныхъ¹⁾, то мы обратимся къ сравненію русскаго текста съ греческимъ печатнымъ. При этомъ намъ представляются слѣдующія явленія:

1) Русскій текстъ отличается отъ печатныхъ греческихъ изданій совсѣмъ другою системою и порядкомъ расположенія отдѣльныхъ статей.

2) Русскій текстъ отличается отъ греческаго печатнаго количествомъ статей; вмѣсто 97 статей, считающихся въ текстѣ Арменопола, нашъ переводъ заключаетъ въ себѣ, если мы сосчитаемъ статьи надлежащимъ образомъ, только 83. Правильный счетъ состоитъ въ томъ, что мы раздѣляемъ на двѣ статьи одну Башиловскую статью, тамъ, гдѣ она соответствуетъ двумъ греческимъ и т.п. Такихъ случаевъ, впрочемъ, немного (всего три), потому что и въ рукописи Попова статьи хотя и не были отличены цифрами, но начинались красною литерою, такъ что издатель, только въ некоторыхъ мѣстахъ раздѣленіе статей дѣлалъ по ихъ разуму и по своему разсмотрѣнію. Въ одномъ случаѣ двѣ отдѣльно напечатанныя статьи пришлось намъ соединить вмѣстѣ, сообразно съ греческимъ подлинникомъ.

3) Изъ тѣхъ четырнадцати статей, которыя были перечислены выше и которыя, составляя принадлежность болѣе новыхъ печатныхъ греческихъ изводовъ, не встрѣчаются въ древнѣйшихъ рукописяхъ, въ русской редакціи нѣтъ цѣлыхъ тринадцати. Такъ, прежде всего, нѣтъ статьи, запрещающей одному землепавдѣльцу принимать крестьянъ другаго. Но 83-я статья, то-есть послѣдняя статья русскихъ земледѣльныхъ за-

¹⁾ «Законъ о земледѣльцахъ» находится въ отищенной нами рукописи, бывшей Библіотеки Царскаго (№ 414), и здѣсь онъ отдѣленъ отъ предсловія статьями «о судіяхъ и о влаетеляхъ», которыя встрѣчаются и въ Коричихъ. Но самая рукопись принадлежитъ только XVII столѣтію.

коновъ, гласящая, что пасущіе овецъ на чужой землѣ отдадутъ вдвое, соотвѣтствуетъ третьей статьѣ пятаго титула, отсутствующей въ рукописяхъ греческихъ.

4) На основаніи двухъ послѣднихъ чертъ мы могли бы заключить, что русскій уставъ о земскихъ дѣлахъ почти вполнѣ соотвѣтствуетъ тому древнѣйшему составу греческаго „земледѣльческаго закона“, о которомъ мы знаемъ только по сообщеніямъ Цахаріе. Но если данныя, сообщаемыя изслѣдователемъ, изучавшимъ юридическіе памятники почти во всѣхъ книгохранилищахъ Европы, вполнѣ точны, то-есть, если въ греческихъ рукописяхъ земледѣльческаго закона въ 83 статьяхъ нѣтъ другаго отличія отъ состава печатныхъ его изданій при Арменопулѣ, кромѣ недостающихъ 14 статей, то нужно будетъ признать, что русскій текстъ не вполнѣ тождественъ по составу статей съ древнѣйшимъ греческимъ первообразомъ. Именно, въ русской Башиловской редакціи недостаетъ, сверхъ указанныхъ 13, еще цѣлыхъ 6 статей, которыя мы можемъ читать въ νόμος γερμικός, печатаемомъ при Арменопулѣ. Статьи эти находятся въ разныхъ титулахъ, которые мы, по примѣру Геймбахона изданія, означимъ греческими буквами: Α 23, Β 5, Ε 1, Στ 9, Ι 3, 5.

Теперь спрашивается: чѣмъ же, при недостаткѣ этихъ шести статей, восполняется русская редакція до показаннаго выше числа 83? Кромѣ сейчасъ упомянутой статьи о пасущихъ овецъ на чужомъ полѣ, одной изъ 14 не находящихся въ греческихъ древнихъ рукописяхъ, мы должны здѣсь указать: а) еще одну статью (81-ю), находящуюся только въ русскомъ текстѣ и заимствованную изъ источника, котораго мы не могли отыскать (уже отъ древа падай плодъ на землю моя доли побравъ неповиненъ есть), и б) четыре статьи, заимствованныя изъ Эклоги (52, 64, 65, 66), но тоже не встрѣчающіяся даже и въ полныхъ редакціяхъ греческаго Земледѣльческаго закона (слѣдовательно 83 статьи = 97 — 13 — 6 + 5). Заимствованныя изъ Эклоги статьи не всѣ даже подходятъ къ содержанію Земледѣльческаго закона. Статья, угрожающая наказаніемъ тому, кто запретъ вопреки или пса чужого и уморить и соотвѣтствующая XVII, 4 Эклоги Льва и Константина, можетъ быть считаема совершенно умѣстной; но статьи о скотоложствѣ и мужеложствѣ (=Eclog. XVII. 38, 39) попали въ „земледѣльные законы“ невѣроятно почему. Статья о невольномъ поджогѣ (=Eclog. XVII, 41) опять соотвѣтствуетъ остальному содержанію Закона.

Полезно будетъ для облегченія дальнѣйшихъ занятій любопытнымъ часть сс, отд. 2.

памятникомъ приложить таблицу, объясняющую соотвѣтствіе русскаго текста по Башиловскому изданію съ греческимъ, печатаемымъ при изданіяхъ Арменопула. Титулы мы означаемъ буквами греческаго алфавита (при чемъ для облегченія типографіи, греческую букву *стигму* обозначаемъ посредствомъ *στ*), но при статьяхъ перваго титула мы не ставимъ никакой буквы. Цифры, относящіяся къ русскому изданію, мы, понятно, выставили сами, по способу, упомянутому выше.

Баш.	Арм.	Баш.	Арм.	Баш.	Арм.
1 — 1		29 — 2, β		57 — 8, β	
2 — 2		30 — 2, ζ		58 — 9, β	
3 — 4		31 — 1, ζ		59 — 10, β	
4 — 3		32 — 3, β		60 — 11, β	
5 — 5		33 — 4, β		61 — 4, η	
6 — 6		34 — 19		62 — 15	
7 — 9		35 — 18		63 — 12, β	
8 — 20		36 — 1, δ		64 — <i>Эклога</i>	
9 — 21		37 — 1, στ		65 — <i>Эклога</i>	
10 — 8		38 — 2, στ		66 — <i>Эклога</i>	
11 — 10		39 — 6, β		67 — 18, β	
12 — 22		40 — 7, β		68 — 4, ε	
13 — 25		41 — 3, στ		69 — 3, θ	
14 — 24		42 — 4, στ		70 — 5, θ	
15 — 11		43 — 1, θ		71 — 16	
16 — 12		44 — 2, η		72 — 12, στ	
17 — 13		45 — 3, θ		73 — 11, στ	
18 — 14		46 — 3, δ		74 — 8, στ	
19 — 7		47 — 4, δ		75 — 2, ε	
20 — 1, ι		48 — 5, δ		76 — 3, ζ	
21 — 1, β		49 — 6, δ		77 — 6, ι	
22 — 2, γ		50 — 5, στ		78 — 7, ι	
23 — 1, γ		51 — 7, δ		79 — 8, ι	
24 — 3, γ		52 — <i>Ecloga</i>		80 — 9, ι	
25 — 4, γ		53 — 10, στ		81 — ?	
26 — 5, γ		54 — 1, η		82 — 4, ι	
27 — 6, γ		55 — 2, η		83 — 3, ε	
28 — 7, γ		56 — 4, ζ			

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей, которыя мы рѣшили привести вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ (въ замѣну греческаго подлинника), и притомъ въ довольно значительномъ количествѣ. Выбраны такія статьи, которыя имѣютъ наибольшую важность по содержанію и въ то же время не могутъ быть оставлены безъ всякихъ объясненій и примѣчаній, или же такія, которыя содержатъ въ своей русской редакціи болѣе или менѣе ясныя намеки на время появленія Земскаго

устава и т. п. Всѣ выѣстъ онѣ служатъ образцами языка въ русской редакціи его:

1. Достойтъ земледѣльцю дѣлающую свою ниву быти праведну, и не въскыщати бразну (бразду) ближняго своего. Аще ли же кто въскыщая разореть, и оумалитъ долю ближняго своего, аще орающую землю се створи; отступится поновления своего: аще ли всѣйбу се створи; отступится и сѣмени і дѣла своего и плода приходящаго; ниже се створивый земледѣлецъ ¹⁾).

2. Аще кнѣ земледѣлецъ, неповѣданію осподаря земли или селищю, внидетъ, и поновить, разорявъ сѣть, да не приіметъ за трудъ поновления своего, ниже отъ плода сѣмени, ниже самое то сѣмя.

7. Аще двѣ селѣ сварятся о межи или о селищи; да смотрятъ судиі, и кто держалъ будетъ лѣтъ болше, то той правъ будетъ: аще ли же межа давна есть, и давное держаніе, да будутъ неподвижима.

8. Аще земледѣлецъ десятину отмѣрить, а не по вѣданію осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать; да отступится всего жита своего ¹⁾).

Agricolam suos colentem agros oportet esse justum neque sulcos vicini transgredi. Quod si quis fecerit et partem sibi proximam decurtaverit, si quidem in novali (ἐν νεατῷ) hoc fecit, amittit novationis operam (τὴν νέωσιν αὐτοῦ); sin et in semente terminos transgressus est, et semen et operam suam et fructum (ἐπιχαρτίαν) is agricola amittit ¹⁾).

Si quis agricola in scio fundi domino eum ingressus novaverit aut conseverit, neque pro labore suo neque pro novatione neque fructum pro satione, immo nec semen sparsum recipito.

Si duo fundi (χωρία) de limite aut agro litigent, cognoscant iudices (τηρείτωσαν οἱ ἀρχοὶ), eique qui pluribus annis possederit, ius suum reddant. Sed si antiquus sit limes, antiqua possessio inconcussa maneat.

Si colonus partiarius citra voluntatem locatoris agrum demetens circa mergites illius fraudulenter egerit, omni suo fructu ut fur privabitur ²⁾).

¹⁾ Эта статья стоитъ на первомъ мѣстѣ во всѣхъ рукописяхъ, не имѣющихъ предисловія. Въ пяти сборникахъ Московской синодальной библіотеки Земледѣльческій законъ начинается словами: χρὴ τὸν γεωργόν.

²⁾ Здѣсь начинается Уставъ о земскихъ дѣлахъ въ редакціи, напечатанной Максимовичемъ: «Аще крадетъ жито, а не по вѣданію осподаря земли, и сберетъ все жито свое, яко тать да отступитъ всего жита своего».

9. Десятина нивы: сѣявшему девять сноповъ, а имѣющему землю десятый снопъ. Аще ли кто инако раздѣлитъ, богомъ проклятъ будетъ ¹⁾).

10. Аще раздѣление земли будетъ, и побудитъ кто въ жребьихъ; волю будетъ нарушати и бывшее раздѣление.

13. Аще кто село взметъ исполу дѣлати, отшедшу осподарю земли той, и розгадавъ повержетъ; сугубо плодъ того отдастъ.

14. Аще же иже исполу приемый дѣлати, прежде времени дѣлання розгадаетъ, и откажетъ господареву села, яко не могый дѣлати, и осподарь села небрежетъ; безвинный будетъ половиинникъ.

15. Аще земледѣлецъ приметъ дѣлати землю, и оукончаетъ со осподаремъ земли той, и задатокъ взметъ, и оучнетъ дѣлати, и обратився повержетъ; цѣну достойную земли той да отдастъ, землю ту же да имѣетъ осподарь ея.

16. Аще кто земледѣлецъ приметъ оудѣласть нечистую землю нплого земледѣлца; три годы да сѣетъ, и приметъ плодъ, и потомъ отдастъ имѣющему ея.

Partiarii pars novem sunt manipuli, locatoris autem manipulus unus. Qui vero extra haec partitur deo execrabilis est ¹⁾).

Si facta partitio aliquos laeserit in pastinationibus aut laboribus (ἐν σκάραις—σκαρφαίοις—ἢ ἐν τόποις), licentia iis sit factam partitionem rescindere.

Si is qui absentis coloni inopis agrum pro semisse suscepit (ὁ τὴν ἡμισίαν λαβὼν τοῦ ἀγροῦ), poenitens agrum non coluerit, fructus in duplum praestet.

Si colonus, qui semissem fundi inopis suscepit, ante culturae tempus poenitens domino fundi indicaverit se eum colere non posse, dominus autem fundum neglexerit, insons erit partiarius (ὁ ἡμισιαστής).

Si colonus culturam vineae vel agri (ἀμπελῶνος ἢ χώρας) suscipiens cum domino illius conventionem inierit acceptaque arrha primitias perceperit (ἀρραβῶνα λαβὼν ἀπάρτηται), sed resiliens ea neglexerit, iustum pretium agri aut vineae dato, agrumque aut vineam dominus ejusdem recipiat.

Si colonus alterius coloni locum senticosum laboraverit, per triennium fructus inde percipiet ac deinde domino eum restituet.

¹⁾ Текстъ Максимовича опять является въ искаженномъ видѣ: «А десятина нивы сѣявшему 10 сноповъ, а имѣющему землю 10 сноповъ; аще ли кто инако раздѣлитъ, Богомъ проклятъ будетъ».

17. Аще изнеможетъ земледѣлецъ, еже дѣлать свое село, отбѣжить и устранился; волостель назираетъ то, да не имѣеть области никіи земледѣлецъ оутанти што оттого.

18. Аще земледѣлецъ отбѣжить своего села; волостель емлетъ десятину отдѣляющихъ села того: аще ли что утаить; сугубо отдавать.

19. Аще кто истребитъ ниву не по вѣданію осподаря ея, и оудѣлавъ посѣтъ; да ничтоже приметь от плода того.

21. Аще земледѣлецъ оукрадетъ ралиныхъ желѣзъ или лыскаръ, и по времени познается; да отдаетъ на всякъ день по грошю на день: также иже оукрадетъ во время жнитвы серпъ, или косить выкосу, или секеру во время дѣлания. (Слова косить выкосу приравлены въ рукописи другою рукою).

29. Аще кто отрѣжетъ колоколъ отъ вола, или от овцы, или от коня; яко тать биенъ будетъ: аще-ли же погибнетъ животное она; да заплатитъ иже татбу колоколу сотворившій.

Si colonus propter inopiam fundo suo colendo impar peregre abierit ac fugerit, tributorum exactores agri fructus colligant, nec tamen redeunte colono ejus mulctandi aut quidquam exigendi facultatem habeant.

Si ex agro suo aufugerit colonus, quotannis extraordinaria tributi nomine persolvant, qui agrum possident et fructus percipiunt. Quod si non faciunt, in duplum mulctentur.

Qui alienam silvam inscio ejus domino caedit (ὁ κόπτων ἀλλοτρίαν ὕλην) ac deinde eam elaborat et conserit, nihil consequitur ex fructibus.

Si colonus in pastinatione (σκάφη), ligonem (λίγον) vel bidentem abstulerit et post tempus detectus fuerit, luat pro eo in singulos dies siliquam unam sive folles duodenos (καράτιον ἐν ἡγούσιν φόλλας δωδεκά). Similiter qui tempore putationis falcem putatoriam aut messis tempore falcem messoriam aut lignationis tempore securim et similia subriperit ²⁾.

Si quis tintinnabulum ex bove aut ove aliove quo animali abstulerit, detectus ut fur verberetur; si nec ipsum animal reperiatur, restituat illud qui tintinnabulum furatus est.

¹⁾ Здѣсь текстъ Максимовича, противъ обыкновенія, представляется болѣе яснымъ: «во время жатвы серпъ или коситвы косу или секеру во время дѣлания».

31. Аще дрѣво възращено будетъ кнѣ на мѣстѣ пераздѣлене, и потомъ раздѣленію бывшю прилучится по ипого доли дрѣво то быти; да не имѣеть области ниѣ, по иже возрастивъ дрѣва того... Аще ли же вопиеть осподарь мѣста того, яко обидямъ есмь дрѣвомъ тѣмъ; да подасть дрѣво и дрѣва мѣсто токового воспитавшему, и да имѣеть то.

32. Аще обрящется сторожъ саду краднѣй оwoщъ того мѣста, его же нѣлся стережи, да отдасть найма своего, и зѣло да биенъ будетъ.

33. Аще обрящется пастыръ напѣтый, и доя овецъ или коровъ втай осподаря своего и прода, биенъ буди, и найма своего лишентъ будетъ.

39. Аще кто оукрадетъ вола, или осла, и обличенъ будетъ; да биенъ будетъ, сугубою ценою отдасть то, и дѣланіе ихъ все.

43. Аще кнѣй холопъ зарѣжетъ вола, или борапа, или кую иную животину въ чащи; осподарь его заплатитъ.

59. Аще кто оукрадетъ рало, или лемень, или подузу; казненъ будетъ по числу днѣй оттого дни, отнѣяже оукраде, на всякъ день по грошеви, а лицемъ отдасть.

63. Аще нѣщѣи вжитници обрѣтутся, крадуще жито бѣни будутъ сто калановъ, а жито заплатятъ; аще ли и вдругнѣй обря-

Si arbor ab aliquo enutriatur in loco indiviso, et partitione deinde facta alterius parti obtigerit, hic arboris dominium non habeat; sed solus qui eam enutrivit. At si dominus loci reclamet, se injuria adfici, aliam pro illa arborem nutritori det et ipse hanc salvam retineat.

Si custos pomarius deprehendatur furans in loco, quem custodit, mercedem suam amittat et vehementer flagellatur.

Si pastor mercenarius (ποιμὴν μισθωτός) deprehendatur clam domino suo oves mulgens et lac vendens, verberatus mercede sua excidat.

Si quis bovem aut asinum subripuisse convictus fuerit, verberatus in duplum reddito una cum omni illius opera.

Si quis servus bovem vel arietem aut suem in silva mactaverit, dominus illum restituet.

Qui aratrum, vomerem (ὄνυστρον) aut jugum (ζυγός) furantur, mulcentur pro numero dierum, ex quo furtum est factum, in singulos dies follibus duodecim (ἑξ' ὀβολῶν).

Qui in horreo invenitur furans frumentum, si quidem semel, centum verberibus castigator, (τοπτεῖσθαι μάλιστα ἐκατόν) et frumen-

шутся; биени будутъ, сугубо бра-
деное заплатятъ. Аще-ли же
встрѣтъ; да ослеплени будутъ.

ti domino damnum resarciat: si
secundum depreheuditur hoc fa-
ciens verberatus duplam furti aesti-
mationem luito: si tertium, ex-
caecator.

Наконецъ, приводимъ статью о мельницахъ, которая, будучи ясна сама по себѣ, не требуетъ латинскаго комментарія: „Аще кто жива въ селѣ и разсмотритъ то мѣсто общее (τόπον κοινόν) прилично мельницы, и се dospѣетъ (займетъ опое), и по свершениі мельницы, и потомъ стануть вси селяне (ἢ τοῦ χωρίου κοινότης) попиюще на основадаря мельницы, яко общее мѣсто (τὸν κοινόν τόπον) за свое имѣеть; весь подобный ему отдавать проторь, елико на мельницу испротори, и будутъ причастни (ἕσθωσαν κοινωνοί) дѣлу тому“.

Ближайшее сличеніе вышеприведенныхъ статей Земскаго устава съ греческимъ подлинникомъ и отчасти съ самымъ латинскимъ переводомъ дастъ намъ возможность сдѣлать слѣдующіи новыя замѣчанія:

1) Очевидно, что русскій текстъ соотвѣтствуетъ одному изъ болѣе древнихъ и болѣе исправныхъ греческихъ списковъ — редакціи доселѣ никѣмъ не издавннй. Такъ, вторая статья, въ которой идетъ рѣчь о земледѣльцѣ, распахавшемъ или засѣявшемъ чужую землю безъ вѣдома хозяина, лучше и толковѣе изложена (по крайней мѣрѣ, вторая ея половина) въ русскомъ переводѣ, чѣмъ въ латинскомъ. Послѣдній правильно и точно передаетъ печатную греческую редакцію земледѣльческаго закона, а первый — ближе къ чтенію древнихъ рукописей, о которомъ мы узнаемъ изъ замѣтки Цахаріа ¹⁾. Точно также въ десятой статьѣ латинскій переводъ является неловкимъ и темнымъ потому, что онъ говоритъ объ окапываніяхъ (in rastinationibus) въ соотвѣтствіе съ греческимъ выраженіемъ, находящимся въ общепринятомъ текстѣ (ἐν σκάφακς); русскій же текстъ, просто гласящій о жребіяхъ (участкахъ земли), опять совпадаетъ съ чтеніемъ старинныхъ рукописей ²⁾.

2) Однако мы должны признать, что хорошій и замѣчательно

¹⁾ Gesch. des griech.-röm. Rechts, pag. 240, примѣч. 841: Μὴ λαμβανέτω μῆτε ἐργατίας (заработную плату) ὑπὲρ τῆς νεάσεως, μῆτε ἐπιχαρτίαν (буквально — приплодъ), виѣето печатнаго: μὴ λαμβανέτω μῆτε ὑπὲρ τῆς ἐργατίας αὐτοῦ, μῆτε ὑπὲρ τῆς νεάσεως.

²⁾ См. тамъ же, pag. 237, примѣч. 829.

исправный греческій текстъ не вездѣ былъ правильно понятъ русскимъ переводчикомъ. Девятнадцатая статья представляетъ надлежащій смыслъ только въ латинскомъ переводѣ, но не въ русскомъ изложеніи того и другаго изданія (Максимовича и Башилова). Вмѣсто того чтобы сказать: „если кто вырубить (разчистить) лѣсъ (ὁ κόπτεν ἄλλοτρίαν ὕλην) безъ вѣдома хозяина“, русский переводъ говоритъ объ истребленіи нивы, что совсѣмъ не согласно со смысломъ дальнейшихъ словъ статьи даже и въ русскомъ изложеніи. Статья де-нятая на первый взглядъ представляетъ то же самое явленіе, то-есть, она изложена на русскомъ не только съ отступленіями отъ печатнаго греческаго текста, но, по видимому, и безъ яснаго пониманія смысла, въ ней заключающагося. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что русский переводчикъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ вѣрное представленіе о византійской мортѣ (mortē) и считалъ ее десятиницей, хотя собственно ему слѣдовало говорить о мортитѣ (десятишникѣ). Смыслъ статьи въ греческомъ подлинникѣ тотъ, что „если крестьянинъ мортитъ, собравъ жатву безъ вѣдома земледавальца, обчисляетъ его относительно (величины или количества) сноповъ, которые тому слѣдовали, то онъ (такой крестьянинъ), какъ воръ, лишенъ будетъ всего плода своего“¹⁾. Хотя въ русскомъ изложеніи, кромѣ замѣны десятишника десятиницей, и нѣтъ буквальной рѣчи о жатвѣ и о снопахъ, оно все-таки можетъ быть объяснено въ томъ же самомъ смыслѣ; нужно только подъ десятиницей, отмѣриваемою земледѣльцемъ, разумѣть снопы, слѣдующіе господину, которые, безъ его надзора, могутъ оказаться меньше и количествомъ, и объемомъ. Можно даже предположить соотвѣтствующій греческій текстъ, такъ какъ въ рукописяхъ и въ этомъ отношеніи встрѣчаются отступленія отъ Арменопуловскаго извода и взаимныя разногласія между ними самими²⁾.

3) Есть случаи, въ которыхъ разногласіе русскаго текста съ греческимъ и латинскимъ можетъ быть объяснено стремленіемъ рус-

¹⁾ Ἐάν τις γερῶς μортίτης θέριας ἀνευ γνώμης τοῦ χωροδότη, κουβαλήσῃ τὰ δράγματα αὐτοῦ, ὡς κλέπτης ἄλλοτρίωσεται πάσης τῆς ἐπιχαρίας αὐτοῦ.

²⁾ После того какъ предыдущія строки были уже написаны и напечатаны, мы замѣтили, что русскимъ переводомъ предполагается тотъ самый (греческій) текстъ статьи, который находится въ Эклогѣ напечатанной, т. XXV, § 6 (Jus Grasso-rom., IV, 122): «ἐάν τις γερῶς τὴν μортὴν θέριας и т. д. Слова: «яко тать» и въ русскомъ, и греческомъ могутъ быть относимы и къ первой, и ко второй частіи періода. Знаки препинанія здѣсь и тамъ поставлены издателями.

скаго переводчика къ нѣкоторому примѣненію статей устава къ русскому быту. Такъ, въ пятнадцатой статьѣ опущенъ виноградникъ, а говорится только о землѣ, подлежащей обработкѣ, хотя, впрочемъ, виноградники встрѣчаются въ другихъ статьяхъ (§§ 48, 68, 76, 80); въ статьѣ тридцать-третьей въ русскомъ переводѣ прибавлены коровы, которыхъ нѣтъ въ печатномъ греческомъ текстѣ; въ статьѣ двадцать-девятой прибавленъ конь, тоже опущенный въ подлинникѣ.

Вообще греческій текстъ при исчисленіи домашнихъ животныхъ довольствуется поименованіемъ вола и осла, всѣхъ прочихъ обозначая неопредѣленнымъ указаніемъ на иную какую-либо животину; только Эклога, измѣненная по Прохирону, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣчаетъ и коня тамъ, гдѣ его нѣтъ въ нашемъ текстѣ Земледѣльческаго закона: русскій же текстъ Земскаго устава обыкновенно прибавляетъ въ такихъ случаяхъ къ волу и ослу еще и коня ¹⁾. Въ статьѣ двадцать-первой, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается какъ будто обрусѣвшее греческое лискарь (*λίσκος λισκάριον*) въ той самой формѣ, какъ оно читается и въ Лаврентьевской лѣтописи, мы находимъ два обратные случая замѣны греческихъ предметовъ и наименованій русскими: 1) ножъ для обрѣзыванія винограда (*κλαδευτήριον*, *falx vitatoria*) замѣненъ косою во время косыбы, и 2) вмѣсто византійской монеты кератія, равняющейся теперешнимъ 20—25 копѣйкамъ (пяти нѣмецкимъ серебрянымъ грошамъ) (*κεράτιον siliqua*, карать) поставленъ русскій или обрусѣвшій грошъ, который будетъ вполне соответствовать кератію, если мы отыщемъ время, когда грошъ стоялъ въпятьеро больше нынѣшняго. Любопытно, что этотъ грошъ является и въ 59-й статьѣ, гдѣ въ печатномъ греческомъ изводѣ слова кератій нѣтъ, а вмѣсто него названы двѣнадцать фолъ (*φόλα*, *φόλλας* =? пула), каковая сумма, правда, равняется именно одному кератію. Гроши, конечно, не говорятъ за глубокую древность русскаго устава о земскихъ дѣлахъ. Точно также не говорятъ за нее и волостели, отмѣченные нами въ вышеприведенныхъ статьяхъ. Вмѣстѣ со многими другими признаками, терминъ волостели свидѣтельствуетъ о принадлежности — по крайней мѣрѣ, извѣстнаго намъ извода крестьянскихъ русскихъ законовъ къ Московскому періоду. Не лишено значенія то обстоятельство, что оба раза слово волостель

¹⁾ Такъ, въ статьѣ 34-й (здѣсь нѣтъ коня въ обоихъ греческихъ текстахъ), въ 36-й (здѣсь конь находится только въ Эклогѣ измѣненной), въ 48-й (то же самое), и въ 41-й (нѣтъ въ греческомъ).

соотвѣтствуетъ такимъ греческимъ выраженіямъ, которыя могли быть истолкованы, хотя и не совсѣмъ вѣрно, какъ относящіеся къ сборщикамъ государственныхъ податей. Относительно семнадцатой статьи уже одно сличеніе русскаго перевода съ латинскимъ показываетъ, что волостель здѣсь тождественъ со сборщикомъ податей (*tributorum exactores*). Въ слѣдующей статьѣ онъ появился въ замѣну такихъ двухъ словъ подлинника, которыя тоже говорятъ о сборѣ или уплатѣ государственной подати (*tributi nomine*, тоѿ δημοσίου λόγῳ). Однако русское изложеніе статей, какъ оно читается въ Ваниловскомъ изданіи, если и казалось совершенно понятнымъ переводчику, представляется намъ весьма сомнительнымъ даже безъ всякаго сличенія съ цѣльнымъ текстомъ греческаго ихъ подлинника. Семнадцатая статья является совершенно излишнею наряду съ восемнадцатою, которая сверхъ положенія о взиманіи десятины содержитъ и все то, что есть въ предыдущей... Если же мы обратимся къ греческому подлиннику, то и вторая статья, по видимому, такъ просто и ясно изложенная, окажется точно также сомнительною... Главная бѣда въ томъ, что и самый греческій подлинникъ не представляетъ здѣсь совершенно яснаго и несомнѣннаго смысла; сличеніе печатнаго текста съ рукописнымъ не разрѣшаетъ всѣхъ недоразумѣній. Въ печатномъ греческомъ текстѣ Земледѣльческаго закона, какъ онъ былъ принятъ въ свой сборникъ Арменопуломъ, семнадцатая статья содержитъ въ себѣ именно тотъ самый смыслъ, который хорошо переданъ въ приведенномъ нами латинскомъ переводѣ: „Если крестьянинъ оказавшись несостоятельнымъ, перестанетъ обрабатывать свое поле, уйдетъ на чужбину или убѣжитъ, то сборщики государственныхъ податей пусть собираютъ хлѣбъ съ его поля, не имѣя права, въ случаѣ его возвращенія, подвергнуть его какому-либо новому взысканію или штрафу.“¹⁾ Но въ XXV-мъ титулѣ Эклоги измѣненной (*Ecloga ad Prochiron mutata*), содержащемъ тѣ же самые законы о земледѣльцахъ, сейчасъ приведенная нами статья изложена съ нѣкоторыми отступленіями, хотя и незначительными съ точки зрѣнія буквальности, но сообщаящими совершенно другой смыслъ ея содержанію. Смыслъ этотъ будетъ слѣдующій: „Если земледѣлецъ, лишившись возможности обрабатывать собственное поле, убѣжитъ и уйдетъ на чужбину, то его участ-

¹⁾ Ἐάν ἀπορίσῃς γεωργὸς πρὸς τὸ ἐργάζεσθαι τὸν ἴδιον ἀγρὸν καὶ ἐκτελεῖσθαι καὶ διαφύγῃ, οἱ τὰ δημόσια ἀπαιτούμενοι τρυφίτωναν τὸν ἀγρὸν, μὴ ἔχοντες ἀδίκαν ἐπαυαρχομένου τοῦ γεωργοῦ ζημιῶν ἢ ζητεῖν αὐτὸν τὸ σίονον.

комъ пусть пользуются тѣ лица, которыя на основаніи податныхъ порядковъ подвергаются взысканію, при чемъ воровтившійся земледѣлецъ не можетъ привлечь ихъ къ отвѣту¹⁾. Важно то, что, по свидѣтельству Цахаріэ, и въ болѣе древнихъ рукописяхъ Земледѣльческаго закона встрѣчается то же самое чтеніе, особенно интересное потому, что оно говоритъ объ отвѣтственности общины за правильное поступленіе казенныхъ податей со всей земли, находящейся во владѣніи ея членовъ. Если и не въ (измѣненной) Эклогѣ, то въ рукописныхъ текстахъ Земледѣльческаго закона соответствующимъ образомъ измѣняется смыслъ и послѣдующей (восемнадцатой) статьи. Вопреки печатному греческому тексту, о которомъ можно судить по латинскому переводу, въ неизданныхъ редакціяхъ Земледѣльческаго закона здѣсь говорится не объ обязательности другихъ крестьянъ платить за ушедшаго товарища (о чемъ уже было упомянуто и въ предыдущей статьѣ), а о томъ случаѣ, когда самъ оставившій свой участокъ крестьянинъ платитъ свои повинности: „Если ушедшій съ своего поля земледѣлецъ ежегодно уплачиваетъ обычныя казенныя подати, а его сотоварищи пользуются его землей, то они въ свое время должны возмѣстить пожатое въ двойномъ количествѣ²⁾.“ Легко убѣдиться, что русскія статьи Устава о земскихъ дѣлахъ не соответствуютъ вполнѣ ни тому, ни другому греческому тексту. Сомнительно, чтобы для нихъ нужно было предполагать еще третью неизвѣстную намъ греческую редакцію; но точно также—относительно восемнадцатой статьи, представляющей исцпій и опредѣленный смыслъ, и притомъ довольно близкій къ греческому печатному изводу, нельзя утверждать, что отступленія ея отъ подлинника объясняются однимъ недоразумѣніемъ.

4) Приведенныя нами статьи о похищеніи чужаго скота и вообще чужой собственности служатъ образцомъ цѣлаго ряда такихъ статей въ Земскомъ уставѣ. Если онѣ вызываютъ какое замѣчаніе, то уже не

¹⁾ 'Εἰν ἀπορήσει γεωργός τοῦ ἐργάζεσθαι τὸν ἴδιον ἀγρὸν καὶ διαφύγῃ καὶ ξενιτεύσῃ, οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι τρυγείτωσαν αὐτὸν, μὴ ἔχοντος ἄδειαν τοῦ ἐπαυχερομένου γεωργοῦ ζημιοῦν αὐτοὺς τὸ οἰονοῦν. Ср. *Zachariae*, *Gesch. des gr. röm. Rechts*, прим. 838 (pag. 238).

²⁾ Въ печатномъ текстѣ (почти одинаково при изданіи Арменопула и въ Измѣненной Эклогѣ): 'Εαν γεωργός ἀποδράσῃ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ, τελείτωσαν κατ' ἔτος ἐξτραρέθινα τοῦ δημοσίου λόγῳ οἱ τρυγῶντες... А въ рукописяхъ (см. *Zachariae*, I. c.): 'Εἰν γεωργός ἀποδράσας ἐκ τοῦ ἰδίου ἀγροῦ τέλῃ κατ' ἔτος ἐξορέθινα τοῦ δημοσίου λόγου...

относительно своего сходства съ греческимъ текстомъ, а относительно сходства по содержанію съ постановленіями XVII титула Эклоги. Въ одиннадцатой статьѣ этого титула говорится, что воровство, совершенное въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, только не въ войскѣ и не во время похода, въ первый разъ наказывается возвращеніемъ украденнаго съ прибавленіемъ его двойной цѣны, если виновный свободный и состоятельный человѣкъ; если же онъ бѣденъ (*ἄκωρος*), то онъ въ первый разъ подвергается тѣлесному наказанію и ссылкѣ; а во второй разъ (тотъ и другой?) подвергается отсѣченію руки. — А тринадцатая статья гласитъ: „Кто угоняетъ какой бы то ни было скотъ изъ чужаго стада, въ первый разъ подвергается тѣлесному наказанію, во второй ссылкѣ, въ третьей—отсѣченію руки, при чемъ разумѣется, что похищенное всякій разъ возвращается настоящему владѣльцу“. Уже въ самомъ началѣ главы было сдѣлано замѣчаніе, что если съ этими статьями Эклоги постановленія нашего устава и не совсѣмъ сходятся, то различіе оказывается только въ частныхъ подробностяхъ и объясняется, какъ особенность примѣненія общихъ началъ къ крестьянскому быту.

Сверхъ того, мы должны указать здѣсь два дополненія, относящіяся къ статьѣ о мельницахъ и встрѣчающіяся въ той редакціи греческихъ земледѣльческихъ законовъ, которую намъ даетъ Эклога измѣненная по Прохирону. Если кто, живя въ извѣстномъ селеніи, безъ вѣдома владѣльца построить мельницу, то если онъ человѣкъ пришлый (*ξένος*), пусть владѣетъ ею девятнадцать лѣтъ и потомъ будетъ удаленъ (*ἐξωθείσθαι*)... Если случится гоненіе отъ иноплеменниковъ, и по истеченіи времени (*μετὰ χρόνον*) одинъ изъ братьевъ (*τῶν ἀδελφῶν* — общинниковъ) освободившись построитъ мельницу, то остальные братья послѣ своего возвращенія могутъ возмѣстить расходы и безпрепятственно пойдти въ долю ²⁾.

²⁾ О военномъ законѣ и о морскомъ уставѣ, которые были изданы, по мнѣнію Цахаріа, тоже иконоборцами, мы не имѣли намѣренія разсуждать въ нашей статьѣ... О дальнѣйшихъ отдѣлахъ Башкиловскаго сборника «Древнихъ законовъ изъ Юстиніановыхъ книгъ» мы уже замѣтили, что источникъ ихъ—Прохиронъ, такъ что и глава о кляняхъ (или «Законъ о кляняхъ») хотя и ведетъ свое начало изъ Эклоги Льва и Константина, именно представляетъ сея семнадцатый титулъ, но передаетъ ту его редакцію, въ какой онъ находится въ Прохиронѣ.

V.

ПѢрвѣи.

Въ видѣ заключенія къ нашему изслѣдованію, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ вольныхъ крестьянъ, съ которыми познакомили насъ земледѣльческій законъ. Мы воспользуемся при этомъ тѣмъ же самымъ сочиненіемъ Цахаріа, которымъ руководились до сихъ поръ, и которое обозначено въ заглавіи нашей статьи. Замѣтимъ только, что, къ удивленію нашему, высокоуважаемый изслѣдователь византійскаго права, не смотря на сорокалѣтнюю ученую дѣятельность, все еще неутомимо трудящійся надъ своимъ любимымъ предметомъ, по какому-то случаю опустилъ изъ виду недавно (именно въ 1871 году) появившійся четвертый томъ изданія Миклошича и Мюллера (*Acta et diplomata graeca medii aevi*) и не воспользовался имъ при пересмотрѣ своего сочиненія для новаго изданія¹⁾. Означенный томъ, заключающій въ себѣ акты трехъ византійскихъ монастырей, владѣвшихъ, конечно, населенными имѣніями, представляетъ въ настоящее время наиболѣе обильный и важный источникъ для изученія исторіи средневѣковаго греческаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній. Къ сожалѣнію, чтеніе и пониманіе любознательныхъ документовъ оказывается не совсѣмъ-то легкимъ и безпрепятственнымъ; цѣлый рядъ техническихъ выраженій, для которыхъ не находится объясненія въ существующихъ словаряхъ (Дюканжа, и тѣмъ менѣе Софоклеса, очень плохомъ), заставляеть насъ останавливаться на каждомъ шагѣ. Еслибы кто могъ проложить здѣсь желанную дорогу и облегчить другимъ путь, то всего скорѣе такой ученый, который располагаетъ не только научнымъ знаніемъ прошедшаго, но и живымъ знакомствомъ съ современнымъ новогреческимъ бытомъ и языкомъ, какъ Захаріа фонъ-Лингенталь. Несомнѣнно притомъ, что данныя, заключающіяся въ сборникѣ Миклошича, могли бы послужить не только къ восполненію, но даже къ исправленію нѣсколькихъ мѣстъ въ исто-

¹⁾ При перечисленіи источниковъ на четвертой страницѣ Исторіи Греко-Римскаго права отмѣчены только три тома указаннаго изданія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что Цахаріа давно былъ знакомъ съ кодексомъ Ватиканской бібліотеки, въ которомъ заключалась часть наданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ актовъ: въ своемъ собраніи новеллъ онъ помѣстилъ два или три Хрисовула оттуда заимствованными.

рии Греко-Римскаго права. Примѣръ тому представляетъ вопросъ о мортѣ или о десятинѣ.

Крестьянское право Исаврійскихъ императоровъ, въ сущности, сохранило свое значеніе и для послѣдующихъ столѣтій. Правда, земледѣльческіе законы, подобно другимъ частямъ иконоборческаго законодательства, не были приняты въ составъ Царскихъ книгъ (Василикъ), издаваемыхъ первыми императорами Македонской династіи. LV-я книга Василикъ, занимавшаяся крестьянскими отношеніями, не сохранилась въ полномъ и подлинномъ своемъ видѣ; однако, дошедшіе до насъ указатели и заглавія различныхъ ея титуловъ позволяютъ намъ судить о ея содержаніи и приводятъ къ тому убѣжденію, что здѣсь ничего не было, кромѣ старыхъ постановленій Юстиніановскаго права. Но за то, съ другой стороны, иныя данныя—многочисленность рукописей Земледѣльческаго закона за послѣдующіе вѣка, включеніе его въ видѣ приложенія въ Шестикнижникъ Арменопула—съ достаточно убѣдительною свѣдѣтельствомъ о существованіи такихъ возвращеній, по которымъ Земледѣльческій законъ и въ позднѣйшее время оказывался дѣйствующимъ источникомъ права. Новая публикація Юстиніановскаго права въ Василикахъ ничего не могла измѣнить въ фактическомъ положеніи вещей. Хотя въ Василикахъ снова и много говорилось о прежнихъ крѣпостныхъ отношеніяхъ (*adscriptiōi*, *ἐναπόγραφῃ*), но тѣмъ не менѣе самый институтъ остался чуждымъ дѣйствительной жизни, какъ это обнаруживается уже изъ той неясности представленій, какая замѣчается по этому предмету у позднѣйшихъ Византійцевъ. Въ сочиненіи, по самой своей сущности практическомъ, въ сборникѣ неизвѣстнаго автора, излагающемъ разные затруднительные юридическіе случаи и рѣшенія, по нимъ постановленнымъ знаменитымъ византійскимъ юристомъ конца X и начала XI вѣка, Евстафіемъ Римлиникомъ (*Eustathius Romanus*), въ такъ называемой „Πείρα“, нигдѣ не говорится о крѣпостныхъ прежняго рода. Позднѣйшіе писатели, какъ Валсамонъ, комментаторъ Фотіева Номоканона (I. 36), имѣютъ о предметѣ совершенно смутныя представленія. Такимъ образомъ Василики, по видимому, скорѣе запутали, чѣмъ подвинули впередъ разумныя вопросы крестьянскаго права...

Въ сущности крестьяне и послѣ Василикъ являются раздѣленными на два большіе класса, на свободныхъ, но податныхъ крестьянъ (*χωρίται* въ ихъ *χωριτοῦραι*, *οἰκῶδες* или *ἀνακτονωταί*), и на зависящихъ крестьянъ.

Въ числѣ послѣднихъ опять выступаютъ впередъ особенно замѣт-

ныхъ образомъ первоначально вольные и владѣвшіе землею крестьяне-общинники, которые въ полномъ общинномъ составѣ попали подъ власть или добровольно поддались подъ покровительство какого-нибудь сильнаго человѣка. Это случалось частію вслѣдствіе большой нужды, какъ напримѣръ, во время голода и мора, свирѣпствовавшихъ въ 927—933-хъ годахъ ¹⁾, частію вслѣдствіе постепеннаго разширенія монастырскаго и церковнаго землевладѣнія, чему разительные и поучительные примѣры можно найти въ упомянутыхъ нами актахъ трехъ византійскихъ монастырей, частію, наконецъ, вслѣдствіе императорскихъ пожалованій и появившейся уже въ XI вѣкѣ системы кормленій или проній (прѳона). Основанныя такимъ образомъ зависимости отношенія напоминаютъ отчасти до-юстиніановскій патронатъ (patrocinium). При своемъ происхожденіи они могли быть весьма разнообразны, соотвѣтственно различію обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ; но тѣ изъ этихъ отношеній, которыя удержались на долгое время и приобрѣтали прочность, все болѣе дѣлались похожими на общинвенныя отношенія крестьянъ къ своимъ господамъ или помѣщикамъ. Является на сцену десятина (δεκάτη), платимая господину, и пастбищное (ἐνομήσιον) ²⁾.

Что касается крестьянъ, обработывавшихъ чужую землю, то теперь, при Македонской династіи, было принято и признано такое правило, что крестьянинъ, просидѣвшій на владѣльческой землѣ законный срокъ давности,—какъ самъ не можетъ сойдти съ нея по произволу, такъ не можетъ быть и согнанъ съ нея собственникомъ. При такомъ положеніи представлялось естественнымъ принять за крестьяниномъ также нѣкоторое право на ту землю, на которой онъ водворился, признать известнымъ образомъ собственность подчиненную (nutzbares Eigenthum) рядомъ съ верховною собственностію помѣщика. Слѣды такого возрѣнія находятся уже въ Земледѣльческомъ законѣ, если только тѣ статьи, которыя позволяютъ крестьянамъ мѣняться своими участками, относятся къ крестьянамъ-мортитамъ, обработывавшимъ чужія земли. Совершенно опредѣленно высказалъ такой взглядъ Евстацій Римлянинъ (Eustathius Romanus), какъ мы узнаемъ изъ сборника, составленнаго его почитателемъ: „Если окажется, что парики непрерывно обработывали свои участки и пла-

¹⁾ Объ этомъ см. въ Новеллѣ Романа Лакапина. 935-го года съ примѣчаніями Дакларіа, Jus Graecorom., III, 242 и сл.

²⁾ Псіра, XXVII, 2.

тили оброкъ (аренду) въ продолженіе тридцати лѣтъ, то господинъ не имѣетъ права согнать ихъ. Нбо они являются какъ бы господами этихъ участковъ, вслѣдствіе долговременнаго пользованія, хотя и обязаны платить оброкъ. Онъ (то-есть Евстацій) сказалъ это, услышавъ, что покойный императоръ киръ Василій (Болгаробойца, 975—1025 гг.) часто согнать своихъ париковъ" ¹⁾.

Сейчасъ употребленное нами выраженіе парики (*παρίκοι*) вскорѣ послѣ изданія Земледѣльческаго закона сдѣлалось общимъ терминномъ для обозначенія крестьянскаго земледѣльческаго сословія за исключеніемъ крестьянъ-собственниковъ.

Въ одной надписи 834 года сказано объ императорѣ Теофилѣ, что онъ былъ добръ къ своимъ парикамъ (*πρὸς τοὺς αὐτοῦ παρίκοις ἀνὴρ ἀγαθός*). Василеники часто употребляютъ выраженіе парики вмѣсто латинскаго *coloni*. Иногда они называются *δοουλοπάροικοι* не потому, чтобы они приравнивались къ рабамъ (*δοῦλοι*), а въ отличіе отъ *κληροπάροικοι*, церковныхъ париковъ. Первоначальное понятіе сообщается въ Пандектахъ (l. 239 § 2) въ главѣ о значеніи словъ (*de significatione verborum*): парикъ есть *incola, qui aliqua regione domicilium suum contulit* (перенесъ свое мѣстожителство въ какую-либо область), не принадлежа къ ней, подразумевается, по своему происхожденію (*origo*): Юстиніанъ, который нѣсколько разъ упоминаетъ о *παροίκιόν* или *παροίκιόν δικαίον* (право париковъ), соединяетъ съ этимъ побочное представленіе, что парикъ есть крестьянинъ, поселившійся на чужой землѣ, и притомъ безъ формальнаго соглашенія съ землевладѣльцемъ, только вслѣдствіе его терпимости. И такъ, „присельничество“ (то *παροίκιόν*) первоначально есть временное, при извѣстныхъ условіяхъ съ обѣихъ сторонъ, расторгимое отношеніе между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ ²⁾. Но, по истеченіи долгаго и весьма долгаго времени (*longum et longissimum tempus*), оно можетъ превратиться въ постоянное помѣщичье-крестьянское отношеніе. Какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ Юстиніана большая часть имперіи подверглась вторженію славянскихъ народностей, и старое крестьянское населеніе отчасти было вытѣснено съ своихъ

¹⁾ Παῖρα XV, 2 (*Zachariae*, Ius Graecorum., I, 42). "Οτι παροίκους εὐρίσκόμενος ἀναχόπως νερηθέντας τὰ τῆς παροικίας αὐτῶν τόπια καὶ τὰ πάχτων διδόντας ἐπὶ τριακονταετία, ὁ βίστης" (Евстацій) ἐλεγεν μὴ εἶναι τὸν δεσπότην ισχυρὸν ἐκδιώκειν αὐτοὺς, δοκοῦσι γάρ οὗτοι ὡς δεσπότηται μὲν τῶν τόπων διὰ τῆς χρονίας νομῆς, ἀνάγκην δὲ εἶναι παρέχειν πάχτων... Ср. § 2. Βοηθεῖται τῇ τριακονταετίᾳ εἰς τὸ δεσπόσαι...

²⁾ Leg. rust. X, I.

прежнихъ мѣстъ. Большая часть новыхъ поселеній на латифундіяхъ прежней аристократіи должны были образоваться именно въ формѣ присельничества, парикіи. Такъ объясняется, почему имя париковъ могло мало по малу сдѣлаться общимъ обозначеніемъ для всѣхъ крестьянъ, сидѣвшихъ за господами (затребетниковъ, гинтерзассовъ). Мортиты, которые извѣстны намъ изъ Земледѣльческаго закона, являются только частнымъ видомъ париковъ; это суть парики, работавшіе владѣльческую землю на условіяхъ простаго десятиннаго сбора. Однако, такое положеніе не могло удержаться на долго. Одна десятина жатвы тѣмъ менѣе могла удовлетворять землевладѣльца, что она не представляла никакого вознагражденія за пастбище, которымъ крестьянинъ пользовался помимо пахатнаго поля, а равнымъ образомъ за подати, вносимыя въ казну господиномъ. Притомъ, и самый десятинный сборъ, при всей своей недостаточности, долженъ былъ казаться ненадежнымъ для владѣльца, потому что парики-мортиты, если только они не подверглись дѣйствию тридцатилѣтней давности, могли по произволу мѣнять свое мѣстожительство. Понятно послѣ этого, что землевладѣльцы старались прикрѣпить своихъ париковъ къ землѣ и повысить въ то же время ихъ повинности и оброки. Они пользовались для достиженія своей цѣли тяжелыми временами, ватруднительнымъ положеніемъ крестьянъ, прибѣгали къ угрозамъ — согнать ихъ съ находящихся въ ихъ пользованіи участковъ, и достигали того, что крестьяне покорялись тяжелымъ условіямъ и повышеннымъ требованіямъ. Хотя морта (десятина) и не исчезла, а напротивъ, вопреки мнѣнію Цахаріэ, встрѣчается довольно часто въ источникахъ вновь изданныхъ (акты трехъ монастырей, составляющіе четвертый томъ изданія Миклошича) но все-таки парики или владѣльческіе крестьяне, называвшие въ позднѣйшее время также *просхадѣмаци* (присѣдшіе), кромѣ этой десятины, обременены были разнообразными барщинами и оброками въ пользу своихъ помѣщиковъ¹⁾.

¹⁾ Ограничиваемся пока однимъ указаніемъ страницъ, на которыхъ встрѣчается морта, такъ какъ, съ одной стороны, мы намѣрены въ скоромъ времени воротиться къ монастырскимъ актамъ Миклошича и посвятить имъ отдѣльную статью, а съ другой четвертый томъ изданія, гдѣ напечатаны наши акты, не имѣетъ никакого указателя, который бы могъ облегчить занятія интересующихся вопросомъ Мортѣ, см. на стр. 35, 39, 40, 145, 218, 220, 231, 232, 235, 255, 419 (= *dekatiā*, стр. 420). Отмѣчаемъ кстати и мѣста, гдѣ встрѣчается греческая пронія, соответствующая сербской (о которой см. статью В. В. Макушева въ Ж. М. Н. Просвѣщ., сентябрь 1874 г.: О проніи въ древней Сербіи). Пріоры — стр. 37, 38, 39, 71, 81, 139 и 242.